



ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матяя Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бабищевич А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новогродский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Расія.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г. Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Армения.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж. Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary** **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Minasyan E. G.** Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrinovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozoiyk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomiel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodna, Belarus.
- Novogrodsky T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Research, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Urakov D. Z.** National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

ВЕЛHARUSIAN HISTORY

УДК 327(476:4-470)«1921/1939»

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ БССР И ПОЛЬШИ В 1921–1939 гг.

О. Н. БОРОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные формы научных связей БССР и Польши в 1921–1939 гг.: книгообмен, сотрудничество в рамках конференций и конгрессов, иностранные командировки ученых из обеих стран. Изучение широкого круга архивных источников, впервые введенных в научный оборот, использование специально-исторических методов, принципов историзма и объективности позволило прийти к выводу о том, что научные белорусско-польские взаимосвязи межвоенного времени хоть и имели положительную динамику и стабильные формы отношений, однако не отличались планоностью и регулярностью. Обращается внимание на то, что по количеству поступлений польскоязычная литература в БССР находилась на втором месте (после немецкоязычной), однако общий уровень организации книгообмена не позволял произвести качественное научное исследование. Такая ситуация отражалась на деятельности исследовательских центров полонистики, в том числе и Комиссии по изучению Западной Беларуси. Впервые в отечественной историографии приводятся количественные данные о выписной литературе, что позволяет проследить за книгообменом с польской стороной, сравнить его с книгообменом с другими странами. Установлено, что иностранные командировки ученых из Белорусского государственного университета и Института белорусской культуры были малочисленными. Бюрократические преграды и слабое финансирование делали редкие выезды представителей белорусской науки малоэффективными. Можно отметить только немногочисленные контакты ученых из БССР (В. И. Пичета, В. Д. Дружниц, П. О. Горин) с коллегами из-за рубежа. При этом финансирование командировок осуществлялось из средств Народного комиссариата финансов БССР. До 1929 г. командирование ученых происходило через подачу определенной организацией ходатайств в Народный комиссариат просвещения БССР. После 1929 г. командировки согласовывало Главное управление науки только при условии, что та или иная иностранная поездка была включена в пятилетний план.

Образец цитирования:

Бароўская ВМ. Навуковыя сувязі БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2024;1:5–16.
EDN: BVHFDC

For citation:

Borovskaya ON. Scientific connections of the BSSR and Poland in 1921–1939. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;1:5–16. Belarusian.
EDN: BVHFDC

Автор:

Ольга Николаевна Боровская – кандидат исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики.

Author:

Olga N. Borovskaya, PhD (history), docent; senior researcher at the Centre for the General History, International Relations and Geopolitics.
borovskaya-olga@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7164-7432>



Ключевые слова: Рижский мирный договор; БССР; Польша; научно-культурные связи; книгообмен; командировка; конференция.

Благодарность. Исследование осуществлялось в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

НАУКОВЫЯ СУВЯЗІ БССР І ПОЛЬШЧЫ Ў 1921–1939 гг.

В. М. БАРОЎСКАЯ^{1*}

^{1*}*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца асноўныя формы навуковых сувязей БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг.: кнігаабмен, супрацоўніцтва ў рамках канферэнцый і кангрэсаў, замежныя камандзіроўкі вучоных з абедзвюх краін. Вывучэнне шырокага кола архіўных крыніц, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот, выкарыстанне спецыяльна-гістарычных метадаў, прыцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці дазволілі прыйсці да высновы аб тым, што навуковае савецка-польскае супрацоўніцтва міжваеннага часу хоць і мела станоўчую дынаміку і стабільныя формы адносін, аднак не адрознівалася планавасцю і рэгулярнасцю. Звяртаецца ўвага на тое, што па колькасці паступленняў польскамоўнай літаратуры ў БССР знаходзілася на другім месцы (пасля нямецкамоўнай), аднак агульны ўзровень арганізацыі кнігаабмену не дазваляў наладзіць якаснае навуковае даследаванне. Такая сітуацыя адбівалася на дзейнасці даследчых цэнтраў паланістыкі, у тым ліку і Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі. Упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі прыводзяцца колькасныя даныя аб выпісной літаратуры, што дазваляе прасачыць за кнігаабменам з польскім бокам, параўнаць яго з кнігаабменам з іншымі краінамі. Устаноўлена, што замежныя камандзіроўкі навукоўцаў з Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і Інстытута беларускай культуры былі нешматлікімі. Бюракратычныя перашкоды і слабое фінансаванне рабілі рэдкія выезды прадстаўнікоў беларускай навукі малаэфектыўнымі. Можна адзначыць толькі нешматлікія кантакты выбітных вучоных з БССР (В. І. Пічэта, В. Д. Дружчыц, П. В. Горын) з калегамі з-за мяжы. Пры гэтым фінансаванне камандзіровак праводзілася са сродкаў Народнага камісарыята фінансаў БССР. Да 1929 г. камандзіраванне вучоных адбывалася праз падачу пэўнай арганізацыяй хадатайства ў Народны камісарыят асветы БССР. Пасля 1929 г. камандзіроўкі ўзгадняла Галоўнае ўпраўленне навукі толькі пры ўмове, што тая ці іншая замежная паездка была ўключана ў зацверджаны пяцігадовы план.

Ключавыя словы: Рижскі мірны дагавор; БССР; Польшча; навукова-культурныя сувязі; кнігаабмен; камандзіроўка; канферэнцыя.

Падзяка. Даследаванне выконвалася ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

SCIENTIFIC CONNECTIONS OF THE BSSR AND POLAND IN 1921–1939

O. N. BOROVSKAYA^a

^a*Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus*

The article is devoted to the main forms of scientific connections between the BSSR and Poland in 1921–1939: book exchange, cooperation within the framework of conferences and congresses, the direction of foreign business trips of scientists from both sides. The involvement of a wide range of archival sources, first introduced into scientific circulation, the use of special historical methods, the principles of historicism and objectivity, made it possible to conclude that the scientific Belarusian-Polish relations of the interwar period, although had positive dynamics and stable forms of relations, however, did not differ in planning and regularity. Attention is drawn to the fact that the receipts of Polish-language literature in the BSSR were in the second place, after the German-language ones, the general level of organisation of the book exchange process did not allow for a qualitative scientific research. This fought back on the activities of the Polonist research centres, including the Commission for the study of Western Belarus. For the first time in domestic historiography, quantitative indicators of written literature are given, which makes it possible to trace the pace of book exchange with the Polish side, and compare with other countries. It has been established that foreign business trips of scientists from Belarusian State University and the Institute of Belarusian Culture were few in number. Bureaucratic barriers and poor funding made the occasional visits by representatives of Belarusian science ineffective. Only rare contacts of scientists from BSSR (V. I. Picheta, V. D. Druzchits, P. V. Gorin) can be noted. At the same time, business trips were financed at the expense of the People's Commissariat for Finance of the

BSSR. When before 1929 scientists were sent on assignment through the submission of petitions by a certain organisation to the People's Commissariat of Education of the BSSR, then after 1929 through the Main Directorate of Science and only on condition that one or another foreign trip was included in the five-year plan.

Keywords: Riga peace treaty; BSSR; Poland; scientific and cultural cooperation; book exchange; business trip; conference.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state programme of scientific research «Society and humanitarian security of the Belarusian state» on 2021–2025.

Уводзіны

Ваенныя дзеянні паміж РСФСР і Польшчай у 1919–1920 гг. не стваралі аб'ектыўных прадпасылак для навуковага і культурнага супрацоўніцтва. Падпісанне Рыжскага мірнага дагавора паміж савецкімі рэспублікамі і Польшчай у сакавіку 1921 г. заклала пачатак новага этапу ў развіцці навуковых і культурных сувязей. Згодна з арт. XI Рыжскага мірнага дагавора прадугледжваліся стварэнне змешанай (польска-расійска-ўкраінскай) рээвакуацыйнай і змешанай спецыяльнай камісій, рэстытуцыя культурных каштоўнасцей. Супрацоўніцтва савецкіх і польскіх вучоных у рамках дзейнасці змешанай спецыяльнай камісіі дало штуршок да далейшага збліжэння краін. Савецка-польскія намаганні па рэстытуцыі культурных рарытэтаў, бібліятэчных і архіўных збораў у 1921–1929 гг., на жаль, сталі найярчэйшай праявай двухбаковага навуковага партнёрства.

Гістарыяграфія савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду пачалася яшчэ ў 1920-я гг., калі выйшлі ў свет першыя працы па азначанай праблеме [1]. Гэтыя працы, як і наступныя савецкія публікацыі 1920–30-х гг. аб палітыцы СССР у адносінах заходніх суседзяў, насілі палемічны характар. У савецкай гістарычнай навуцы як міжваеннага, так і пасляваеннага часу Польшча апісвалася як дзяржава з агрэсіўнымі памкненнямі супраць Савецкага Саюза, якая гатова захапіць БССР і УССР. Савецкія гісторыкі абвінавачвалі кіруючыя колы Польшчы ў жаданні стварыць антысавецкі блок уздоўж заходніх меж СССР, невыкананні асноўных палажэнняў Рыжскага мірнага дагавора. У 1950-я гг. пытанне савецка-польскіх адносін разглядалася па-ранейшаму з класавых пазіцый. Ф. Г. Зуеў і яго калегі лічылі арганізатарамі польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. заходнія дзяржавы, а дзеянні Польшчы і «белых» вывучалі ў рамках трэцяга пахода Антанты, звяртаючы ўвагу на супярэчнасці паміж Вялікабрытаніяй, Францыяй і Польшчай па пытанні аб яе межах [2]. Гісторыкі станюўча ацэньвалі саветызацыю Польшчы ў выпадку перамогі савецкіх рэспублік, разглядалі мэты ўсходняй палітыкі Ю. Пілсудскага ў рэчышчы антысавецкіх планаў Антанты і інтарэсаў польскага памешчыцкага землеўладання ў былых усходніх землях Рэчы Паспалітай.

У 1960-я гг. у навуковы зварот былі ўведзены новыя крыніцы па гісторыі савецка-польскіх адносін 1921–1939 гг. П. Н. Альшанскі, паважаючы ацэнкі

1950-х гг., прывёў раней невядомыя матэрыялы аб працэсе выканання Рыжскага мірнага дагавора ў рамках змешаных камісій [3]. Варта адзначыць працы гэтага перыяду, аўтарамі якіх з'яўляліся А. Я. Іофе [4], Т. П. Агапкіна [5], А. Л. Дзіўнагорцаў [6], С. М. Фальковіч і М. М. Чарных [7].

У польскай гістарыяграфіі ў міжваенны перыяд сфарміравалася канцэпцыя двух ворагаў, у рамках якой РСФСР (СССР) і Германія разглядаліся як непрымірымы сапернікі Польшчы на міжнароднай арэне, якія трымаюць яе ў «геапалітычных цісках». Працы насілі ў асноўным палемічны характар, пытанне аб абаснаванасці ўваходжання ў склад польскай дзяржавы ўкраінскіх, беларускіх і літоўскіх зямель не ставілася. Гісторыкі і палітыкі пісалі, што заходнія дзяржавы заплацілі Польшчы пры вырашэнні праблемы яе меж недастаткова высокую цану [8]. Наадварот, М. Бабжынскі крытыкуе канцэпцыю нацыянал-дэмакратаў, якая заклала этнічны прынцып у аснову тэрытарыяльнага дзялення, што ў выніку прывяло да страты Польшчай часткі зямель на ўсходзе, якія ўваходзілі ў Рэч Паспалітую да XVIII ст. [9]. У перыяд да дзяржаўнага перавароту 1926 г. у працах польскіх гісторыкаў канкуруравалі погляды нацыянал-дэмакратаў, якія выступалі за незалежнасць Польшчы ў межах другога падзелу Рэчы Паспалітай, і погляды прыхільнікаў Ю. Пілсудскага па стварэнні федэрацыі ў Польшчы.

Польскія гісторыкі, якія працавалі ў часы існавання Польскай народнай рэспублікі, у ацэнках развіцця савецка-польскіх адносін паўтаралі вывады савецкай гістарыяграфіі. Такія даследчыкі, як Е. Куманецкі [10], П. Ласоўскі [11], В. Матэрскі [12], пісалі аб характары савецка-польскіх адносін пасля стварэння Польскай дзяржавы, выніках польска-савецкай вайны 1919–1921 гг., тэрытарыяльных праблемах, якія ўзніклі і па віне польскага боку. Яны адзначалі супярэчлівасць польскай знешняй палітыкі: імкненне да захопу тэрыторый на ўсходзе і жаданне захавать тэрыторыю ў пытанні аб звароце заходніх польскіх зямель. Афіцыйная гістарыяграфія Польскай народнай рэспублікі не выступала супраць магчымай саветызацыі краіны ў 1920 г. і рэвалюцыйных планаў СССР у 1923 г. Сучасная польская гістарыяграфія па дадзенай тэме прадстаўлена даследаваннямі М. Корната [13; 14], Х. Ільгевіч [15], Я. Рузевіча [16].

Геапалітычную пераемнасць пазіцыі Савецкай Расіі адносна суседніх заходніх дзяржаў і параўнальна малы ўплыў на яе ідэалогію звонку падкрэсліваюць сёння шматлікія гісторыкі. В. А. Зубачэўскі дэманструе пераемнасць расійскай нацыянальнай і геапалітычнай традыцый у розныя адрэзкі часу [17]. А. В. Бабенка лічыць, што савецкім кіраўніцтвам яшчэ ў 1922 г. у якасці галоўнай задачы развіцця быў вызначаны курс на дасягненне статусу вялікай дзяржавы, дзеля чаго патрабавалася вярнуць землі, страчаныя ва Усходняй Еўропе [18]. Пры гэтым адзначаная палітыка не адрознівалася планамернасцю і прадказальнасцю. Беларускае пытанне ў савецка-польскіх адносінах як асобны прадмет даследавання разглядаецца ў працах Ю. А. Барысёнка [19]. Сярод сучасных расійскіх даследчыкаў праблемы неабходна ўзгадаць І. У. Тарасаву [20] і Т. Р. Семакіну [21]. Беларуская гістарыяграфія па дадзенай тэме прадстаўлена працамі М. М. Мязгі [22], Р. Р. Лазько [23], В. Цынкевіча [24].

Аднак у згаданых даследаваннях амаль цалкам адсутнічала беларуская праблематыка, навуковыя сувязі БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. не былі аб'ектам самастойнага даследавання. Вывучэнне вопыту ўзаемаадносін паміж дзяржавамі з рознымі грамадска-палітычнымі і культурна-канфесійнымі сістэмамі, паміж уладай і этнічнымі групамі, разгляд гэтых узаемаадносін на розных этапах гісторыі Беларусі, у тым ліку ў міжваенны адрэзак часу, маюць значны практычны вынік.

Асноўнымі крыніцамі па праблеме сталі матэрыялы Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНА НАН Беларусі) (ф. 1 «Прэзідыум Акадэміі навук БССР», ф. 67 «Інстытут беларускай культуры», ф. 68 «Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі»), Нацыянальна-

га архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) (ф. 42 «Народны камісарыят асветы БССР», ф. 205 «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт», ф. 546 «Дзяржаўная бібліятэка БССР імя У. І. Леніна»), Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (далей – АЗП РФ) (ф. 188 «Матэрыялы калегіі Народнага камісарыята замежных спраў»), Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ф. 5283 «Усерасійскае таварыства культурнай сувязі з замежжам»). Большасць архіўных матэрыялаў упершыню ўводзіцца ў навуковы зварот.

Навуковыя сувязі БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. нават пры наяўнасці шматлікіх супярэчнасцей у палітычнай сферы двухбаковых зносін (праблемы ў выкананні артыкулаў Рыжскага мірнага дагавора, варожасць і недавер у грамадстве і кіруючых колах абодвух бакоў) мелі станоўчую дынаміку развіцця. Нягледзячы на некаторы спад у 1930–1932 гг., выкліканы непаразуменнямі ідэалагічнага плана, навуковыя беларуска-польскія кантакты міжваеннага часу мелі пэўную накіраванасць, вылучаліся стабільныя формы супрацоўніцтва (кнігаабмен, камандзіроўкі вучоных па зборы архіўнага і дакументальнага матэрыялу, удзел у навуковых канферэнцыях і кангрэсах).

Мэта даследавання – вылучыць і ахарактарызаваць асноўныя напрамкі навуковых сувязей БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. Для дасягнення мэты неабходна вырашыць наступныя задачы: вывучыць асноўныя формы навуковых двухбаковых сувязей міжваеннага перыяду, раскрыць спецыфіку ажыццяўлення кнігаабмену паміж БССР і Польшчай і выявіць асаблівасці ўсталявання навуковых кантактаў з польскім бокам праз арганізацыю адпаведных мерапрыемстваў і замежных навуковых камандзіровак.

Матэрыялы і метады даследавання

Даследаванне навуковых сувязей БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. адбывалася пры выкарыстанні спецыяльна-гістарычных метадаў, прынцыпаў гістарызму і аб'ектыўнасці. Гісторыка-параўнальны метададзволіў вылучыць тры перыяды ў развіцці навуковых сувязей БССР і Польшчы:

1) 1921–1929 гг. – перыяд, што характарызуецца навуковым узаемадзеяннем бакоў у рамках працы змешанай спецыяльнай камісіі, дзейнасць якой была засяроджана на рээвакуацыі архіўных і бібліятэчных матэрыялаў, музейных каштоўнасцей і іншых культурных рарытэтаў;

2) 1930–1932 гг. – перыяд, звязаны са спробамі наладжвання і нармалізацыі навуковых кантактаў паміж бакамі;

3) 1933–1939 гг. – перыяд, падчас якога адзначалася актывізацыя навуковага абмену, выкліканая агульным пацяпленнем двухбаковых савецка-польскіх адносін пасля падпісання 25 ліпеня 1932 г. дагавора аб ненападзенні.

Гісторыка-генетычны метададзволіў устанавіць прычынна-выніковыя сувязі і заканамернасці развіцця навуковых двухбаковых кантактаў у міжваенны перыяд.

Вынікі і іх абмеркаванне

Артыкулам XI Рыжскага мірнага дагавора прадугледжваліся рээвакуацыя культурных каштоўнасцей, архіўных матэрыялаў, кніжных збораў, вывезеных падчас падзелаў Рэчы Паспалітай з 1772 па 1917 г., і стварэнне змешанай рээвакуа-

цыйнай і змешанай спецыяльнай камісіі [25], якія 8 кастрычніка 1921 г. прыступілі да працы, і ўжо праз 20 дзён паўнамоцны прадстаўнік РСФСР у Варшаве Л. М. Карахан заявіў аб перадачы ў бліжэйшы час першай партыі твораў мастацтва. У выніку працы

камісій большасць прэтэнзій польскага боку былі задаволены ці вырашаны палюбоўна шляхам прадстаўлення эквівалента. Разам з тым некаторыя польскія прэтэнзіі былі адхілены. Гэта тычылася, у прыватнасці, Літоўскай метрыкі. Эксперт расійска-ўкраінскай дэлегацыі У. І. Пічэта ў сваіх запісах адзначаў, што Літоўская метрыка для беларусаў і літоўцаў з'яўляецца такім жа помнікам мінулых гадоў, як і Каронная метрыка для палякаў¹. 10 ліпеня 1925 г. СССР і Польшча падпісалі папярэднюю дамову, а 16 лістапада 1927 г. заключылі генеральную дамову, якая падводзіла вынік працы змешанай спецыяльнай камісіі. На аснове гэтага дакумента ў далейшым адбывалася перадача культурных каштоўнасцей, архіўных і бібліятэчных матэрыялаў, якая была скончана да 1932 г. Паўнамоцны прадстаўнік СССР у Польшчы Д. У. Багамолаў адзначаў, што генеральная дамова стала «значным крокам наперад на шляху культурнага збліжэння народаў СССР і Польшчы»² [26, с. 228]. Указваючы на аб'ектыўныя перадумовы такога збліжэння, ён заявіў: «Непамерна важным з'яўляецца ўмацаванне ўзаемаадносін паміж прадстаўнікамі навукі, мастацтва і літаратуры абедзвюх краін з мэтай узаемага азнаямлення і абмену культурнымі дасягненнямі» [26, с. 228]. У сувязі з працай змешанай спецыяльнай камісіі было пастаўлена пытанне аб допуску вучоных абедзвюх краін да архіўных матэрыялаў на ільготных умовах, што знайшло адлюстраванне ў пратаколе 1933 г. У тым жа годзе СССР перадаў Польшчы яшчэ шэраг дакументаў, якія тычыліся польскага нацыянальна-вызваленчага руху. У 1936 г. у Польшчу былі дасланы фотакопіі лістоў Г. Сенкевіча і матэрыялы аб абранні яго ганаровым членам Расійскай акадэміі навук.

Зацікаўленасць Савецкай дзяржавы ў развіцці навуковых і культурных адносін стала штуршком да стварэння ў 1925 г. Усесаюзнага таварыства культурнай сувязі з замежжам (далей – УТКС), асноўнай мэтай якога, як указана ў статуте, было «садзейнічанне ўсталяванню і развіццю навуковай і культурнай сувязі паміж устаноўмі, грамадскімі арганізацыямі і асобнымі навуковымі і культурнымі працаўнікамі СССР і замежжа»³. Са стварэннем УТКС наладжванне культурных сувязей стала справай дзяржаўнай важнасці, адносіны розных савецкіх устаноў культуры з адпаведнымі замежнымі ўстановамі ўпарадкаваліся і каардынаваліся, набывалі рэгулярнасць і планавасць. У структуры УТКС быў арганізаваны аддзел Польшчы і прыбалтыйскіх краін. Упаўнаважаны таварыства ў Польшчы стаў М. П. Аркадзьеў.

УТКС наладзіла непасрэдныя кантакты з культурнымі і навуковымі ўстановамі Польшчы, з вядомымі прадстаўнікамі польскай культуры і навукі. Па ініцыятыве таварыства адбываліся падрыхтоўка і выпуск розных інфармацыйных матэрыялаў, у тым ліку выдання «Беларускі бюлетэнь». З перапіскі прадстаўнікоў УТКС і Інстытута беларускай культуры (Інбелкульта), якая датуецца сярэдзінай верасня 1928 г., адносна падрыхтоўкі гэтага выдання, вынікае, што планавалася публікацыя матэрыялаў на трох асноўных замежных мовах для іх распаўсюджвання сярод «інтэлігентных чытачоў Еўропы і Амерыкі»⁴. Бюлетэнь павінен быў складацца з раздзелаў аб народнай гаспадарцы, народнай асвеце, выяўленчым мастацтве, беларускай мове і Заходняй Беларусі, у канцы выдання прадугледжваўся падрабязны бібліяграфічны паказальнік, карыстаючыся якім «кожны чытач замежжа, які жадае папоўніць свае веды аб Беларусі, зможа запатрабаваць адпаведную літаратуру»⁵. Фактычны матэрыял і непасрэдна сам макет бюлетэня быў падрыхтаваны беларускім бокам і накіраваны для ўзгаднення ў Маскву. Праз некаторы час на адрас Інбелкульта прыйшло патрабаванне аб унясенні пэўных карэктур і змен. УТКС было рэкамендавана «...па тактычных меркаваннях некалькі згладзіць вострыя выпадкі супраць Польшчы, якія маюцца ў главе аб Заходняй Беларусі. Нам падаецца, што гэта зроблена намі на карысць асноўнаму зместу гэтай главы»⁶. Таксама адзначалася, што «вялікае значэнне для паспяховасці “Беларускага бюлетэня” за мяжой мае забеспячэнне яго дастатковай колькасцю цікавых ілюстрацый: дзве карты Беларусі (палітычная і этнаграфічная), фотаздымкі паэтаў Я. Купалы і Я. Коласа, здымкі з гравюр, нацыянальных музычных інструментаў, старажытных ювелірных вырабаў, лепшых карцін і тэатральных пастацовак»⁷. Аднак, нягледзячы на значную працу, праведзеную беларускімі вучонымі, бюлетэнь так і не выйшаў у свет.

Важнасць і мэтазгоднасць устанаўлення і пашырэння навуковых сувязей з замежжам падкрэсліваў і СНК БССР у верасні 1929 г. У пратаколе пасяджэння СНК БССР ад 4 верасня 1929 г. была закранута праблема міжнародных навуковых зносін. Было вырашана, што Беларускае акадэмія навук (БАН), як галоўны навуковы цэнтр краіны, павінна каардынаваць усе міжнародныя навуковыя стасункі з замежнымі навукова-даследчымі арганізацыямі⁸. Ужо 17 верасня 1929 г. было вырашана, што мэтазгодным для ўмацавання замежных навуковых

¹НАРБ. Ф. 249. Воп. 4. Спр. 2. Арк. 74.

²Тут і далей пераклад наш. – В. Б.

³АЗП РФ. Ф. 188. Воп. 7. Спр. 28. Арк. 40.

⁴ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 31. Арк. 100.

⁵Там жа.

⁶Там жа. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 31. Арк. 101–102.

⁷Там жа. Арк. 103.

⁸ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 244–245.

связей з'яўляецца тэрміновае стварэнне змешанай спецыяльнай камісіі пры Акадэміі навук СССР (далей – АН СССР) з прадстаўніцтвам ад БАН, а таксама выданне штогодніка савецкай навукі.

У жніўні 1933 г. пры Прэзідыуме БАН было створана Бюро па сувязі з замежжам, праз якое павінна была ажыццяўляцца ўся асноўная праца па наладжванні міжнародных навуковых сувязей з замежнымі краінамі⁹. Аднак у лютым 1935 г. члены Прэзідыума БАН канстатавалі, што праца бюро была арганізавана «не на належнай вышыні і не задавальняла запатрабаванняў навуковых устаноў акадэміі»¹⁰. На пасяджэнні Прэзідыума БАН 9 сакавіка 1935 г. было адзначана «нездавальняючае становішча сувязі з навукова-даследчымі ўстановамі за мяжой, а таксама з асобнымі буйнымі спецыялістамі; нездавальняючая праца па складанні бібліяграфіі і анатацыі замежнай літаратуры і карыстанні яе інстытутамі, нізкія тэмпы абмену літаратурай»¹¹.

Адным з асноўных пытанняў у працы УТКС стаў кнігаабмен. Пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора ўзнікла перапіска па гэтай праблеме. У 1921 г. Палітбюро ЦК РКП(б), звяртаючыся да старшыні польскай дэлегацыі ў змешанай спецыяльнай камісіі, выказала гатоўнасць дасылаць у бібліятэкі Польшчы літаратуру, якая выходзіла ў савецкіх рэспубліках на польскай мове, «у імя бібліяграфічных неабходнасцей і навуковых даследаванняў» [27, с. 62].

У маі 1924 г. ЦВК СССР зацвердзіў Палажэнне аб абмене афіцыйнымі выданнямі з замежжам. У тым жа годзе было арганізавана Міжнароднае бюро кнігаабмену, што садзейнічала абмену навуковымі выданнямі. Аднак гэты працэс не быў інтэнсіўным: у 1924–1925 гг. было адпраўлена 305 выданняў з СССР у Польшчу і 28 кніг з Польшчы ў СССР. Тэхнічныя цяжкасці ўзніклі з-за адсутнасці паштова-тэлеграфнай канвенцыі паміж СССР і Польшчай. Быў наладжаны абмен бібліяграфічнымі матэрыяламі: бібліятэка Варшаўскага ўніверсітэта і Інбелкульт абменьваліся спісамі літаратуры аб Польшчы, якая выходзіла ў СССР, і спісамі літаратуры аб СССР, якая выдавалася ў Польшчы. У 1929 г. было пастаўлена пытанне аб стварэнні савецкага аддзела ў Варшаўскай публічнай бібліятэцы, а таксама аб забеспячэнні «польскіх дзеячаў, якія па-сяброўску адносяцца да СССР, літаратурай па адпаведных пытаннях»¹². Характэрна, што за 10 месяцаў 1926 г. у Польшчу было накіравана 1927 кніг, з Польшчы было атрымана 3710 выданняў. У 1928 г. Польшча займала

ў кнігаабмене СССР з еўрапейскімі краінамі трэцяе месца па перасылцы выданняў і шостае месца па іх адпраўцы¹³.

У бібліятэцы Інбелкульта быў створаны польскі аддзел, дзе захоўваліся агульныя творы, працы па польскім мовазнаўстве, эканоміцы і палітыцы сучаснай Польшчы, матэрыялы па польскай літаратуры, матэрыялы і даследаванні па гісторыі Польшчы¹⁴. Акрамя таго, была распачата выпіска літаратуры з-за мяжы, асаблівая ўвага звярталася на перыёдыку: на 1927 г. было выпісана 77 часопісаў (замест атрыманых у 1926 г. 12 часопісаў), з іх 25 паступіла з-за мяжы. У гэтым жа годзе атрыманых з-за мяжы кніг налічвалася 275, у тым ліку 85 выданняў з Польшчы і 40 кніг з Германіі. Бібліятэка БАН у 1928–1929 гг. атрымлівала наступныя польскамоўныя выданні: «Wiadomości literackie» (Варшава), «Gazeta Polska», «Przegląd przemysłowo-handlowy ziem polnoscwoschodniej» (Вільня), «Tygodnik rolniczy» (Вільня), «Przegląd gospodarczy» (Варшава), «Rolnik ekonomista» (Варшава), «Statystyka pracy» (Варшава), «Wiadomości statystyczne» (Варшава) і інш.¹⁵

У справаздачы бібліятэкі Інбелкульта за 1927–1928 гг. адзначалася: «На жаль, да гэтага часу не ўдалося наладзіць здавальняючай сувязі з Польшчай, нягледзячы на тое, што яшчэ ў мінулым годзе былі высланы заказы і задатак, тры разы пасланы напамінальныя лісты, толькі нядаўна, у пачатку мая 1927 г., з Польшчы ад фірмы “Гэбэтнер і Вольф” атрымана першая партыя кніг. Часопісы з Польшчы і цяпер прыходзяць надзвычай неакуратна. Контрагенты ў Варшаве і Вільні былі папярэджаны аб тым, што Інбелкульт будзе прымушаны ануліраваць заказ»¹⁶. У выніку быў зацверджаны пяцігадовы экспертна-імпартаўны план перадачы выданняў Інбелкульта ў Польшчу праз Беларускае таварыства культурнай сувязі з замежжам, якое ўдзяляла шмат увагі выпісцы літаратуры, асігнаванні на гэту справу складалі 1250–2500 руб. у год¹⁷.

Важнае месца ў пашырэнні навуковых сувязей з Польшчай займала Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі (далей – Камісія), у склад якой уваходзілі П. В. Мятла, П. А. Гарбацэвіч, Л. А. Бабровіч, Я. С. Багданскі, Б. Ф. Фрышман, К. А. Борскі, Я. М. Шнэйдэр і інш. Яна была створана ў 1925 г. пры Прэзідыуме Інбелкульта. Ва ўстаўных дакументах Камісіі адзначалася, што «...ўсебаковае вывучэнне капіталістычных краін, якія знаходзяцца па суседству з намі, з'яўляецца важным для падняцця абароназдольнасці

⁹ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 244–245.

¹⁰Там жа. Спр. 31. Арк. 14.

¹¹Там жа. Арк. 31.

¹²НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 295. Арк. 41.

¹³Там жа. Арк. 193–194.

¹⁴ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 58. Арк. 205.

¹⁵Там жа. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 29. Арк. 8–10.

¹⁶Там жа. Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 49.

¹⁷Там жа. Арк. 81.

краіны цалкам. У асаблівасці важна для нас вывучаць Заходнюю Беларусь, якая ў выпадку выступлення супраць нас Польшчы пераўтварыцца ў плацдарм вайны. Праца Камісіі можа аказаць вялікую дапамогу ў справе ўмацавання інтэрнацыянальнага выхавання працоўных і калгаснікаў. Вынікі даследавання будучы таксама выкарыстаны брацкімі камуністычнымі партыямі. Неабходна развіць працу Камісіі, стварыць умовы для таго, каб яна змагла правільна выконваць свае задачы. Для гэтага трэба забяспечыць яе большавіцкімі кваліфікаванымі навуковымі сіламі, у асаблівасці ўмацаваць кіраўніцтва працай Камісіі з боку партыі і Прэзідыума БАН»¹⁸.

Па ініцыятыве Камісіі планавалася правесці ў жніўні 1925 г. – лютым 1926 г. I Беларускае навуковае кангрэс¹⁹. Згодна са справаздачай Камісіі па арганізацыі мерапрыемства ў ім прадугледжваўся ўдзел каля 80 дэлегатаў з розных еўрапейскіх краін, у тым ліку і з Польшчы. Усе навуковыя міжнародныя сувязі наладжваліся праз пасрэдніцтва УТКС. Удзельнікам кангрэса павінны былі стаць многія польскія навукоўцы і прадстаўнікі нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі. Праца I Беларускага навуковага кангрэса планавалася ў рамках чатырох падкамісій, якія разглядалі праблемы мовы і літаратуры; гісторыі, археалогіі, этнаграфіі і мастацтва; прыроды і медыцыны; эканомікі. Прадугледжвалася выданне інфармацыйна-статыстычнага зборніка аб дасягненнях культуры і гаспадаркі БССР з дыяграмамі, картамі і ілюстрацыямі. Аднак ініцыятыва Камісіі не знайшла падтрымкі не толькі Прэзідыума Інбелкульта, але і СНК БССР.

У плане працы бібліятэчна-бібліяграфічнай секцыі Камісіі адзначалася, што сістэматычнае і плановае вывучэнне Заходняй Беларусі «...выклікае патрэбу ў належнай пастаноўцы бібліятэчна-бібліяграфічнай справы. З прычыны адарванасці ад нас нашых заходніх частак мы не ведаем і не маем у здавальняючай колькасці літаратуры, якая выйшла ў тых межах, што страшэнна адбіваецца на распрацоўках. Камісія павінна стварыць належны даведачны і арыенціровачны апарат, які даў бы магчымасць вывучэння Заходняй Беларусі планова і паглыблена па ўсіх галінах жыцця»²⁰. Згодна са справаздачай Камісіі за люты 1934 г. яе прадстаўнікамі за мяжу быў накіраваны ліст да кіраўніцтва бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта з прапановай даслаць спецыялізаваную літаратуру, аднак якіх-небудзь значных вынікаў гэта ініцыятыва не мела. Былі наладжаны адносіны толькі з кніжным магазінам «Шлапяліс» у Вільні²¹.

Цікавасць польскай навуковай грамадскасці, у першую чаргу прадстаўнікоў нацыянальнага руху Заходняй Беларусі з цэнтрам у Вільні, вылілася ў стварэнне ў 1930 г. навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы. Як пазначана ў статуце інстытута, галоўнай мэтай яго дзейнасці было «...даследаванне з гістарычнага, геаграфічнага, эканамічнага, культурнага, грамадскага і палітычнага пункту гледжання земляў і дзяржаўных утварэнняў паміж Чорным і Балтыйскім марамі, а таксама насельніцтва, якое на гэтай тэрыторыі пражывае. Пашырэнне ведаў аб згаданых землях і людзях»²². Інстытутам быў наладжаны кнігаабмен з Беларускай дзяржаўнай бібліятэкай. Доказам гэтага выступае службовая перапіска паміж прадстаўніком згаданага інстытута С. Рыгелем, які адначасова з'яўляўся дырэктарам бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта, і І. Б. Сіманоўскім, дырэктарам Беларускай дзяржаўнай і ўніверсітэцкай бібліятэкі²³. Па ініцыятыве інстытута вывучалася эканамічнае развіццё СССР (стан знешняга гандлю, фінансава-крэдытнай сістэмы, прамысловасці), якое суправаджалася выпускам выдання «Квартальныя агляды эканомікі СССР». Праца па зборы інфармацыі аб дзяржаўна-прававым упарадкаванні СССР была арганізавана з апорай на звесткі са сродкаў масавай інфармацыі²⁴. Таксама была складзена падрабязная картатэка выданняў па розных тэматыках (дзяржаўны лад СССР, нацыянальныя адносіны, дзейнасць Камінтэрна, знешняя палітыка, права і судаводства, гісторыя Рабоча-сялянскай Чырвонай арміі, рэвалюцыйны рух у Расійскай імперыі, стан адукацыі і выхавання, навукі і культуры і інш.). Тэматыка арганізаваных у 1930–1934 гг. інстытутам навукова-папулярных лекцый У. Студніцкага «Палітыка Савецкай Расіі», М. Кавалеўскага «Нацыянальная палітыка СССР», А. Латоцкага «Рэлігійныя пытанні ў СССР», А. Якубісяк «Асновы камунізма», В. Сукеніцкага «Стан савецкай навукі. Справаздача аб навуковай камандзіроўцы ў СССР», М. Ваньковіча «Асадніцтва на паўночна-ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай», Я. Клапатоўкага «Асвета ў СССР» яскрава сведчыла аб дастаткова высокім узроўні саветалагічнай школы і агульнай зацікаўленасці ва ўсебаковым вывучэнні СССР. На старонках выдання «Штогоднік навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы ў Вільні» публікаваліся вынікі працы гэтай установы. Так, у артыкуле С. Выслауха «Роля нелегальнай КПЗБ у нацыянальным руху беларусаў у II Рэчы Паспалітай» падкрэсліваецца залежнасць кіраўніцтва КПЗБ ад рашэнняў Камінтэрна [28]. Неабходна адзначыць, што крыніцамі для напісання

¹⁸ЦНА НАН Беларусі. Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 20.

¹⁹Там жа. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 18. Арк. 2–3.

²⁰Там жа. Спр. 35. Арк. 210–212.

²¹Там жа. Спр. 23. Арк. 7.

²²Літ. цэнтр. дзярж. арх. Ф. 53. Воп. 23. Спр. 2368. Арк. 2.

²³НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 295. Арк. 18.

²⁴Літ. цэнтр. дзярж. арх. Ф. 53. Воп. 9. Спр. 3299. Арк. 5–6.

большасці даследаванняў прадстаўнікоў інстытута служылі факты з розных перыядычных выданняў (як савецкіх, так і замежных), што зніжала ўзровень навуковасці гэтых прац.

Большай папулярнасцю ў БССР, асабліва ў супрацоўнікаў Камісіі, карыстаўся бюлетэнь «Балтыка-славіца», які выходзіў у 1933–1939 гг. Адзін з нумароў гэтага выдання меўся і ў БАН²⁵. На яго старонках убачылі свет артыкулы А. І. Луцкевіча «Беларускі музей ім. Івана Луцкевіча ў Вільні», С. Станкевіча «Інстытут беларускай культуры і Беларуская акадэмія навук у Мінску», Я. Станкевіча «Стан даследаванняў па класіфікацыі беларускіх дыялектаў»²⁶. Гэтыя спробы асэнсавання навуковых здабыткаў і арганізацыі навукова-даследчай дзейнасці ў БССР адраўніваліся тэндэнцыйнасцю, мелі недастаткова абгрунтаваныя высновы. Аднак яны служылі добрым доказам таго, што дзейнасць прадстаўнікоў БССР (на прыкладзе працы Камісіі) і Заходняй Беларусі выклікала ўзаемную цікавасць, імі рабіліся спробы наладзіць пэўны навуковы дыялог. Так, у БССР па ініцыятыве Інбелкульта ў 1928 г. была перавыдадзена праца Я. Станкевіча «Дыспаліталізацыя ў беларускай мове». Гэты смелы крок кіраўніцтва пасля быў асуджаны на пасяджэнні Прэзідыума БАН 11 кастрычніка 1929 г.²⁷: «Размяшчэнне артыкула ў выданні Інбелкульта справядліва выклікае глыбокае абурэнне савецкага грамадства, што і адбілася на старонках газеты “Звязда” (ад 1 кастрычніка 1929 г.) і газеты “Праўда” (ад 8 кастрычніка 1929 г.). Безумоўна, размясціўшы артыкул Я. Станкевіча, Інбелкульт (БАН) дапусціў грубейшую палітычную памылку. Ён гэтым даў усім здраднікам тыпу Я. Станкевіча повад называць БАН “нашай” акадэміяй. Факт размяшчэння артыкула фашыста Станкевіча ў выданні акадэміі тлумачыцца прыкрым для акадэміі недаглядам. Гэтае тлумачэнне Прэзідыум БАН вызначае не для свайго апраўдання, бо факт памылкі застаецца фактам. У выданнях БАН не можа быць месца для “прац” ворагаў пралетарскай дзяржавы»²⁸.

Мэтай УТКС было паляпшэнне агульнай інфармаванасці польскага грамадства аб усіх баках жыцця СССР, для гэтага ўстанова кожны тыдзень накіроўвала бюлетэні ў Польшчу. Вялікае значэнне меў візіт у СССР (студзень 1926 г.) дэлегацыі польскага сейма, якая ставіла сваёй задачай палітычнае, эканамічнае і культурнае збліжэнне СССР і Польшчы. Дэлегацыя навідала РСФСР (Маскву, Ленінград), УССР і БССР (Мінск, Віцебск), пазнаёмілася з эканомікай і культурай савецкіх рэспублік. Члены дэлегацыі адзначалі росквіт нацыянальнай культуры ў СССР, у прыватнасці свабоднае культурнае развіц-

цё польскай нацыянальнай меншасці. З 1927 г. сталі ажыццяўляцца групавыя паездкі савецкіх людзей (журналістаў, працаўнікоў асветы) у Польшчу²⁹.

У 1925–1932 гг. разам з кнігаабменам развіваліся і такія формы навуковых сувязей, як камандзіроўкі для навуковай працы і выступленняў з дакладамі перад навуковай грамадскасцю суседняй краіны. Захаваліся дакументы за той перыяд, якія тычацца камандзіроўкі ў Польшчу вучоных з Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (У. І. Пічэта, В. Д. Дружчыц, К. Г. Рэйнард, А. М. Усцінаў і інш.), Інбелкульта (М. А. Прылежаеў, Э. К. Эберт, І. І. Перасвет-Солтан і інш.), Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі і лясной гаспадаркі імя Кастрычніцкай рэвалюцыі (А. І. Кайгародаў, Г. І. Гарэцкі). Прафесары і дацэнты з мэтай развіцця сваёй навуковай працы і ўдасканалення вучэбнага працэсу, а таксама прадстаўлення рэспублікі і ўніверсітэта на міжнароднай навуковай арэне рэгулярна ажыццяўлялі творчыя камандзіроўкі ў навукова-адукацыйныя цэнтры Польшчы. Летам 1923 г. У. І. Пічэта наведаў Германію, Літву і Польшчу, а ў 1925 і 1927 гг. – Польшчу, Літву, Чэхаславакію і Германію. У снежні 1925 г. ён прыняў удзел у з’ездзе польскіх гісторыкаў у Познані, дзе ў шэрагу дакладаў былі закрануты тэмы, якія непасрэдна тычыліся гісторыі Беларусі. Пры гэтым фінансаванне камандзіровак адбывалася са сродкаў Народнага камісарыята фінансаў БССР. Калі да 1929 г. камандзіраванне вучоных адбывалася праз падачу хадатайства пэўнай арганізацыяй у Народны камісарыят асветы БССР, то пасля 1929 г. камандзіроўкі ўзгадняла Галоўнае ўпраўленне навукі пры ўмове, што тая ці іншая замежная паездка была ўключана ў зацверджаны пяцігадовы план³⁰. У 1930-я гг. адзначаецца павелічэнне колькасці замежных камандзіровак як савецкіх, так і польскіх вучоных. У 1933 г. у СССР для распрацоўкі сваіх тэм даследавання прыязджалі прафесары В. Вяржбіцкі і А. Навакоўскі з Познанскага ўніверсітэта.

Пашырэнню навуковых сувязей паміж БССР і Польшчай спрыяла правядзенне адпаведных мерапрыемстваў, канферэнцый, кангрэсаў. У сувязі з 200-годдзем АН СССР (верасень 1925 г.) Прэзідыум АН СССР накіраваў Польскай акадэміі ведаў у Кракаве і іншым навуковым установам Польшчы запрашэнні прыняць удзел у юбілейных урачыстасцях [26, с. 127]. У адказ былі атрыманы толькі прывітальныя лісты ад Польскай акадэміі ведаў, Варшаўскага ўніверсітэта і Варшаўскага ветэрынарнага інстытута.

Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі, якая стала месцам многіх

²⁵ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 34.

²⁶Там жа. Арк. 47–52.

²⁷ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 25.

²⁸Там жа. Арк. 26.

²⁹ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 35. Арк. 44.

³⁰Там жа. Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 87–88.

навуковых сустрэч і дыскусій, была арганізавана 14–21 лістапада 1926 г. У ёй прымалі ўдзел 69 чалавек з правам рашаючага голасу, у тым ліку дацэнт Варшаўскага ўніверсітэта Ю. Галомбак. Завочна з Варшавы ў мерапрыемстве ўдзельнічалі Б. А. Тарашкевіч, К. Студніцкі, І. Свянціцкі, Я. Бадуэн дэ Куртэнэ. На канферэнцыю былі запрошаны, аднак па невядомых прычынах не з'явіліся на ёй Я. Лось і Я. Развадоўскі з Кракава. Мерапрыемства выклікала шырокі рэзананс у БССР і за мяжой. У адрас канферэнцыі паступіла больш за 30 прывітальных пісем і тэлеграм ад навуковых, навучальных і іншых дзяржаўных устаноў, а таксама ад вучоных і грамадскіх дзеячаў, у тым ліку ад СНК БССР, Народнага камісарыята асветы, УТКС³¹.

На I Міжнародным кангрэсе славян-філолагаў, які праходзіў у кастрычніку 1929 г. у Чэхаславакіі, на адным з пленарных пасяджэнняў лінгвістычнай секцыі пасля заслухоўвання дакладаў беларускага спецыяліста П. А. Бузука «Аб значэнні лінгвістычнай геаграфіі для гісторыі мовы» і прафесара Страсбургскага ўніверсітэта Л. Ценьера «Аб неабходнасці складання адзінага лінгвістычнага атласа ўсіх славянскіх моваў» была выбрана Камісія для арганізацыі працы па складанні такога атласа. У яе ўвайшлі Ф. Мейе і Л. Ценьер (Францыя), К. Гуер (Чэхаславакія), В. Нічэ (Польшча), А. Беліч (Сербія), П. А. Бузук (СССР). Аднак прадстаўнік БАН так і не прыступіў да працы па складанні атласа па прычынах ідэалагічных і метадалагічных разыходжанняў, адсутнасці неабходных дазволаў з боку адпаведных савецкіх навуковых устаноў, адсутнасці дазволу на магчымае супрацоўніцтва, недастатковай інфармаванасці аб навуковай мэтазгоднасці складання атласа³².

У жніўні 1933 г. у Варшаве адбыўся VII Міжнародны кангрэс гісторыкаў. Яшчэ восенню 1932 г. рэктар Ягелонскага ўніверсітэта запрасіў А. В. Луначарскага як вучонага, які карыстаўся вялікай павагай, для ўдзелу ў кангрэсе. Аднак ён не змог прыехаць. У склад савецкай дэлегацыі ўвашлі акадэмікі В. П. Волгін,

М. С. Дзяржавін і М. М. Лукін, прэзідэнт БАН П. В. Горын, прафесары А. М. Панкратава і П. Ф. Прэабражэнскі. Савецкія вучоныя прымалі ўдзел у працы большасці секцый кангрэса, што шырока асвятлялася ў польскім друку. Асобую цікавасць польскай грамадскасці выклікаў даклад П. В. Горына «Палітыка царызму ў Польшчы і пазіцыя бальшавікоў у нацыянальным пытанні». Як адзначалася ў польскім выданні «Kurjer codzienny», даклад П. В. Горына «зрабіў моцнае ўражанне, так як быў зроблены на польскай мове»³³. У верасні 1933 г. у Познані быў арганізаваны XIV Усепольскі з'езд урачоў і прыродазнаўцаў. Па запрашэнні польскага боку ў Познань прыехалі чатыры вядомыя савецкія вучоныя і лекары. У жніўні 1934 г. у Варшаве праходзіў Міжнародны геаграфічны кангрэс, на якім прысутнічалі М. М. Баранскі, В. І. Матылёў і Ю. М. Шакальскі. Падчас мерапрыемства абмяркоўвалася пытанне аб складанні карт Польшчы для Вялікага савецкага атласа, а таксама аб шырокім абмене картаграфічнымі і геаграфічнымі выданнямі³⁴.

Пагаршэнне палітычных двухбаковых адносін прывяло да прыпынення польскім урадам у аднабаковым парадку навуковых сувязей паміж Польшчай і СССР. Найбольш моцна гэта адбілася на кнігаабмене, які з'яўляўся самай масавай формай навуковых зносін і ўзаемнага абмену інфармацыяй. Польская цэнзура набывала масавы характар, што прымушала кіраўнікоў савецкіх арганізацый, якія займаліся кнігаабменам, неаднаразова звяртацца па гэтых пытаннях да Народнага камісарыята замежных спраў СССР. У 1934 г. пытанне аб польскай цэнзуры было пастаўлена паслом СССР перад віцэ-міністрам замежных спраў Польшчы [29, с. 205]. У выніку ўжо ў 1935 г. у Польшчу з СССР увозіліся выключна тэхнічныя і медыцынскія кнігі. У 1936 г. па даручэнні польскага ўрада быў зроблены запыт аб матэрыялах, якія тычыліся метадаў барацьбы з ракам у СССР. У адказ на запыт у Польшчу былі накіраваны працы савецкіх вучоных па анкалогіі і матэрыялы I Усесаюзнага з'езду анкалогіі.

Заклучэнне

Заклучэнне Рыжскага мірнага дагавора ў сакавіку 1921 г. стала штуршком да наладжвання навуковых сувязей паміж БССР і Польшчай. Згодна з арт. XI гэтага дакумента прадугледжвалася стварэнне змешанай спецыяльнай камісіі па рэстытуцыі архіўных, музейных і бібліятэчных збораў. Устанаўленне навуковага дыялогу паміж савецкімі вучонымі, экспертамі і іх польскімі калегамі адбывалася шляхам вядзення палемікі па пытаннях

рэстытуцыі той або іншай культурнай каштоўнасці. Працэс інстытуцыяналізацыі навукі, які назіраўся як у БССР, так і ў Польшчы, прадвызначыў асноўныя формы навуковых сувязей паміж дзяржавамі. Арганізацыя міжнародных канферэнцый і сімпозіумаў, стварэнне дзейснага механізма кнігаабмену адбываліся дзякуючы намаганням УТКС (пры ўдзеле беларускага філіяла), Інбелкульту, БДУ, а таксама дзякуючы ініцыятывам польскай навуковай

³¹ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23. Арк. 17.

³²Там жа. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 127.

³³Kurjer codzienny. 1933. № 234. 15 września. S. 4.

³⁴ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 9. Арк. 64–69.

супольнасці, якая групавалася вакол вышэйшых навучальных устаноў.

Асаблівасцю навуковых сувязей БССР і Польшчы, у адрозненне ад аналагічнага супрацоўніцтва навукоўцаў СССР і Польшчы, з'яўляўся агульны аб'ект вывучэння – Заходняя Беларусь. Даследаванні па заходнебеларускай праблематыцы ажыццяўляліся ў рамках Інбелкульту і навукова-даследчага інстытута Усходняй Еўропы ў Вільні. Наладжванне тэматычнага навуковага дыялогу адбывалася шляхам спарадычных сустрэч на канферэнцыях, абмену думкамі на старонках перыядычных выданняў, атрыманых дзякуючы кнігаабмену. Нягледзячы на тое што польская літаратура ў БССР знаходзілася на другім месцы па колькасці паступленняў пасля нямецкамоўнай, агульны ўзровень арганізацыі кнігаабмену не да-

зваляў наладзіць якаснае навуковае даследаванне. Аб'ём матэрыялаў, якія паступалі пры дапамозе Міжнароднага бюро кнігаабмену, быў недастатковым для арганізацыі належнай навуковай працы пры бібліятэках рэспублікі. Гэта адбывалася на дзейнасці даследчых цэнтраў паланістыкі, у тым ліку і Камісіі па вывучэнні Заходняй Беларусі.

Замежныя камандзіроўкі навукоўцаў БДУ і Інбелкульту былі нешматлікімі. Бюракратычныя перашкоды, слабое фінансаванне рабілі рэдкія выезды прадстаўнікоў беларускай навукі малаэфектыўнымі. Арганізацыя навуковых канферэнцый і кангрэсаў не адрознівалася планавасцю і рэгулярнасцю. Можна адзначыць толькі спарадычныя кантакты выбітных вучоных (У. І. Пічэта, В. Д. Дружыц, П. В. Горын) з калегамі з-за мяжы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Мархлевский Ю. *Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией*. Москва: Государственное издательство; 1921. 42 с.
2. Зуев ФГ. *Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920 гг.)*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1954. 178 с.
3. Ольшанский ПН. *Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 гг.* Москва: Наука; 1974. 286 с.
4. Иоффе АЕ. *Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932*. Москва: Наука; 1975. 117 с.
5. Агапкина ТП. Переписка польских и советских писателей (к истории польско-советских литературных связей 20–30 годов). *Советское славяноведение*. 1973;4:96–110.
6. Дивногорцев АЛ. Первые контакты советских и зарубежных библиотекарей (20-е годы). *Советское библиотечное ведение*. 1985;3:102–110.
7. Falkowicz S, Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym. *Dzieje najnowsze*. 1970;2:105–123.
8. Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa: Księgarnia Perzyński, Niklewicz i Ska; 1926. 496 s.
9. Bobrzyński M. *Wskrzeszenie Państwa Polskiego. Tom 2, 1919–1923*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza; 1926. 300 s.
10. Kumaniecki J. *Po traktacie ryskim*. Warszawa: [s. n.]; 1971. 282 s.
11. Łossowski P. *Stosunki polsko-litewskie 1921–1939*. Warszawa: Instytut Historii PAN; 1997. 388 s.
12. Materski W. *Polska a ZSSR. 1923–1924*. Wrocław: ZN imja Ossolińskich; 1981. 380 s.
13. Kornat M. *Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939*. Kraków: Arcana; 2003. 381 s.
14. Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii. *Kwartalnik historyczny*. 2000;3:43–46.
15. Igliewicz H. *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939)*. Warszawa: Scholar; 2019. 246 s.
16. Różewicz J. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej. W: Sordylowa B, redaktor. *Słownik polskich towarzystw naukowych. Tom 2, Towarzystwa naukowe i upowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich*. Warszawa: Zakład Narodowy imja Ossolińskich; 1994. s. 60.
17. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Москва: РОССПЭН; 2019. 278 с.
18. Бабенко ОВ. *Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 2006. 173 с.
19. Борисёнок ЮА. *На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в.* Москва: Родина; 2013. 351 с.
20. Тарасова ИВ. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного книгообмена в 1925–1928 гг. В: Сукиасян АА, редактор. *Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Часть 5*. Уфа: Аэтерна; 2015. с. 83–91.
21. Семакина ТР. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. *Славянский альманах*. 2022;3–4:381–393. DOI: 10.31168/2073-5751.2022.3-4.4.03.
22. Мезга НН. *Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2019. 229 с.
23. Лазько РР. *Перад папам (еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.)*. Мінск: БДУ; 2000. 354 с.
24. Цынкевіч В. Проблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.). *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2001;3:76–83.

25. Боровская ОН. Деятельность польско-российско-украинской смешанной реэвакуационной и специальной комиссии на территории Беларуси 1921–1929 гг. *Вестник Брянского государственного университета*. 2022;3:23–31. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-23-31.
26. Хренов И, Цесляк Т, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 5, Май 1906 – декабрь 1932*. Москва: Наука; 1967. 616 с.
27. Хренов И, Цесляк Т, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 4, Апрель 1921 – май 1926*. Москва: Наука; 1966. 562 с.
28. Wysłouch S. Rola Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. *Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej*. 1933;1:174–240.
29. Хренов И, Цесляк Т, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 6, 1933–1938*. Москва: Наука; 1969. 434 с.

References

1. Marchlewskii Yu. *Voina i mir mezhduburzhuznoi Pol'shei i proletarskoi Rossiei* [War and peace between bourgeois Poland and proletarian Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; 1921. 42 p. Russian.
2. Zuev FG. *Mezhdunarodnyi imperializm – organizator napadeniya panskoi Pol'shi na Sovetskuyu Rossiyu (1919–1920)* [International imperialism is the organiser of the attack of pan Poland on Soviet Russia 1919–1920]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1954. 178 p. Russian.
3. Ol'shanskii PN. *Rizhskii dogovor i razvitie sovetsko-pol'skikh otnoshenii. 1921–1924* [Riga treaty and the development of Soviet-Polish relations. 1921–1924]. Moscow: Nauka; 1969. 260 p. Russian.
4. Ioffe AE. *Mezhdunarodnye svyazi sovetskoii nauki, tekhniki i kul'tury, 1917–1932* [International relations of Soviet science, technology and culture, 1917–1932]. Moscow: Nauka; 1975. 117 p. Russian.
5. Agapkina TP. [Correspondence of Polish and Soviet writers (on the history of Polish-Soviet literary relations in the 20s–30s)]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1973;4:96–110. Russian.
6. Divnogortsev AL. [The first contacts of Soviet and foreign librarians (20s)]. *Sovetskoe bibliotekovedenie*. 1985;3:102–110. Russian.
7. Falkowicz S, Czernych M. Polsko-radziecka współpraca kulturalna i naukowa w okresie międzywojennym. *Dzieje najnowsze*. 1970;2:105–123.
8. Dmowski R. *Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa: Księgarnia Perzyński, Niklewicz i Ska; 1926. 496 s.
9. Bobrzyński M. *Wskrzeszenie Państwa Polskiego. Tom 2, 1919–1923*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza; 1926. 300 s.
10. Kumaniecki J. *Po traktacie ryskim*. Warszawa: [s. n.]; 1971. 282 s.
11. Łossowski P. *Stosunki polsko-litewskie 1921–1939*. Warszawa: Instytut Historii PAN; 1997. 388 s.
12. Materski W. *Polska a ZSSR. 1923–1924*. Wrocław: ZN imja Ossolińskich; 1981. 380 s.
13. Kornat M. *Polska szkoła sowietologiczna 1930–1939*. Kraków: Arcana; 2003. 381 s.
14. Kornat M. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie (1930–1939) i jego wkład w rozwój polskiej sowietologii. *Kwartalnik historyczny*. 2000;3:43–46.
15. Igielnicz H. *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie oraz Szkoła Nauk Politycznych w Wilnie (1930–1939)*. Warszawa: Scholar; 2019. 246 s.
16. Różewicz J. Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej. W: Sordylowa B, redaktor. *Słownik polskich towarzystw naukowych. Tom 2, Towarzystwa naukowe i upowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich*. Warszawa: Zakład Narodowy imja Ossolińskich; 1994. s. 60.
17. Zubaczenskii VA. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskii aspekt* [Russian policy Central and Eastern Europe (first third of the 20th century): geopolitical aspect]. Moscow: ROSSPEN; 2019. 278 p. Russian.
18. Babenko OV. *Pol'sko-sovetskie otnosheniya v 1924–1928* [Polish-Soviet relations in 1924–1928] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2006. 173 p. Russian.
19. Borisenok YuA. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: obshchestvo i gosudarstvo mezhdubelarshei i Rossiei v pervoi polovine XX v.* [On the sharp turns of Belarusian history: society and the state between Poland and Russia in the first half of the 20th century]. Moscow: Rodina; 2013. 351 p. Russian.
20. Tarasova IV. [The role of the All-union society for cultural relations with foreign countries in the development of international book exchange in 1925–1928]. In: Sukiasyan AA, editor. *Traditsionnaya i innovatsionnaya nauka: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. Chast' 5* [Traditional and innovative science: history, current state, prospects: collection of articles. Part 5]. Ufa: Aeterna; 2015. p. 83–91. Russian.
21. Semakina TR. Incomprehensible literature, suspicious plays, and omnipotent censorship: on the issue of ideological contradictions in Polish-Soviet cultural contacts at the turn of the 1920s–1930s. *Slavic Almanac*. 2022;3–4:381–393. Russian. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03.
22. Mezga NN. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations in 1921–1926: a new stage of confrontation]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2019. 229 p. Russian.
23. Laz'ko RR. *Perad potopam (ewrapeiskaja palityka Pol'shchy. 1932–1939)* [Before the flood (European policy of Poland. 1932–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 354 p. Belarusian.
24. Tsynkevich V. [The problem of reparation of refugees and the opening of the Polish consulate in Minsk (1921–1924)]. *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i megdunarodnykh otnoshenii*. 2001;3:76–83. Belarusian.
25. Borovskaya ON. [The activities of the Polish-Russian-Ukrainian mixed reevacuation and special commission on the territory of Belarus 1921–1929]. *Bryansk State University Herald*. 2022;3:23–31. Russian. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-23-31.

26. Khrenov I, Tseslyak T, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 5, Mai 1926 – dekabr' 1932* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 5, May 1926 – December 1932]. Moscow: Nauka; 1967. 616 p. Russian.

27. Khrenov I, Tseslyak T, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 4, Aprel' 1921 – mai 1926* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 4, April 1921 – May 1926]. Moscow: Nauka; 1966. 562 p. Russian.

28. Wysłouch S. Rola Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. *Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej*. 1933;1:174–240.

29. Khrenov I, Tseslyak T, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 6, 1933–1938* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 6, 1933–1938]. Moscow: Nauka; 1969. 434 p. Russian.

Атрымана 19.07.2023 / выпраўлена 26.12.2023 / прынята 27.12.2023.
Received 19.07.2023 / revised 26.12.2023 / accepted 27.12.2023.

УДК 94(476)«1950/91» + 281.93

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА БЕЛОРУССКИХ ПРИХОДОВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА В 1950–1991 гг.

А. В. СЛЕСАРЕВ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается специфика политической активности духовенства белорусских приходов Константинопольского патриархата, вокруг которых объединялась значительная часть белорусской послевоенной диаспоры. Отмечается, что прямое участие Белорусской центральной рады в формировании православных общин и органов церковного управления указанной церковной юрисдикции обусловило их включенность в деятельность политического характера. Белорусские священнослужители участвовали в работе административных подразделений Белорусской центральной рады. При этом они допускались не только к обсуждению вопросов церковного характера (рукоположение белорусского епископа, утверждение кандидатов на вступление в клир и т. д.), но и к принятию политических решений (проведение пленумов и сессий рады, разработка антисоветских резолюций и т. д.). Примечательным направлением деятельности духовенства названной юрисдикции выступала поддержка Белорусской краевой обороны – антисоветского парамилитарного формирования Белорусской центральной рады, созданного в годы немецкой оккупации. Важной составляющей поддержки священнослужителями данной организации являлось принятие офицерских званий и наград. Кроме того, белорусские клирики регулярно осуществляли репрезентацию антисоветской позиции белорусской диаспоры перед высшими федеральными органами государственной власти США, а именно взаимодействовали со специальным комитетом палаты представителей США по коммунистической агрессии и посещали конгресс США по случаю годовщины провозглашения независимости Белорусской Народной Республики. Делается вывод о том, что выявленные направления политической активности белорусского духовенства константинопольской юрисдикции свидетельствуют об их политической ангажированности и отходе от принципа аполитичности в религиозной жизни.

Ключевые слова: белорусская диаспора; Белорусская православная церковь; Константинопольский патриархат; Белорусская центральная рада; православие; православная церковь; эмиграция.

ПАЛІТЫЧНАЯ АКЦЫЎНАСЦЬ ДУХАВЕНСТВА БЕЛАРУСКІХ ПАРАФІЙ КАНСТАНЦІНОПАЛЬСКАГА ПАТРЫЯРХАТА ў 1950–1991 гг.

А. В. СЛЕСАРАЎ^{1*}

^{1*}Мінская духоўная акадэмія, вул. Зыбіцкая, 27, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца спецыфіка палітычнай актыўнасці духавенства беларускіх парафій Канстанцінопальскага патрыярхата, вакол якіх аб'ядноўвалася значная частка беларускай пасляваеннай дыяспары. Адзначаецца, што прамы ўдзел Беларускай цэнтральнай рады ў фарміраванні праваслаўных абшчын і органаў царкоўнага кіравання ўказанай царкоўнай юрысдыкцыі абумовіў іх уключэнасць у дзейнасць палітычнага характару. Беларускія святары ўдзельнічалі ў працы адміністрацыйных падраздзяленняў Беларускай цэнтральнай рады. Пры гэтым клірыкі дапускаліся не толькі да абмеркавання пытанняў царкоўнага характару (пасвячэнне беларускага біскупа, зацвярджэнне кандыдатаў на ўступленне ў клір і г. д.), але і да прыняцця палітычных рашэнняў (правядзенне пленумаў і сесій рады, распрацоўка антысавецкіх рэзалюцый і г. д.). Характэрным напрамкам дзейнасці духавенства названай юрысдыкцыі з'яўлялася

Образец цитирования:

Слесарев АВ. Политическая активность духовенства белорусских приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;1:17–24. EDN: ADYDBC

For citation:

Slesarau AV. Political activity of the clergy of the Belarusian parishes of the Constantinople Patriarchate in 1950–1991. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;1:17–24. Russian. EDN: ADYDBC

Автор:

Александр Валерьевич Слесарев – доктор церковной истории; проректор по научной работе.

Author:

Aliaxandr V. Slesarau, doctor of science (church history); vice-rector for scientific work. a-slesarev@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>



падтрымка Беларускай краёвай абароны – антысавецкага парамілітарнага фарміравання Беларускай цэнтральнай рады, створанага ў гады нямецкай акупацыі Беларусі. Важным складнікам падтрымкі святарамі гэтай арганізацыі з'яўлялася прыняцце афіцэрскіх званняў і ўзнагарод. Акрамя таго, беларускія клірыкі рэгулярна ажыццяўлялі рэпрэзентацыю антысавецкай пазіцыі беларускай дыяспары перад вышэйшымі федэральнымі органамі дзяржаўнай улады ЗША, а іменна ўзаемадзейнічалі са спецыяльным камітэтам палаты прадстаўнікоў ЗША па камуністычнай агрэсіі і наведвалі кангрэс ЗША з нагоды гадавіны абвяшчэння незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. Робіцца выснова аб тым, што выяўленыя напрамкі палітычнай актыўнасці беларускага духавенства канстанцінопальскай юрысдыкцыі сведчаць аб яго палітычнай ангажаванасці і адыходзе ад прынцыпу апалітычнасці ў рэлігійным жыцці.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара; Беларуская праваслаўная царква; Канстанцінопальскі патрыярхат; Беларуская цэнтральная рада; праваслаўе; праваслаўная царква; эміграцыя.

POLITICAL ACTIVITY OF THE CLERGY OF THE BELARUSIAN PARISHES OF THE CONSTANTINOPLE PATRIARCHATE IN 1950–1991

A. V. SLESARAU^a

^a*Minsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the consideration of the specifics of the political activity of the clergy of the Belarusian parishes of the Patriarchate of Constantinople, which united around themselves a significant part of the Belarusian post-war diaspora. The direct participation of the Belarusian Central Rada in the formation of Orthodox communities and church governance bodies of this church jurisdiction led to their involvement in activities of a political nature. A manifestation of this was the direct participation of Belarusian clergy in the work of the administrative divisions of the Belarusian Central Rada. At the same time, clergy were allowed to discuss issues of a church nature (the ordination of a Belarusian bishop, the approval of candidates for entry into the clergy, etc.) and to make political decisions (conducting plenums and sessions of the rada, developing anti-Soviet resolutions, etc.). A notable component of the activities of the clergy of the named jurisdiction was the support of the Belarusian Regional Defense – an anti-Soviet paramilitary formation of the Belarusian Central Rada, created during the years of the German occupation of Belarus. An important component of the clergy's support for this organisation was the acceptance of officer ranks and awards. In addition, Belarusian clerics regularly represented the anti-Soviet position of the Belarusian diaspora before the highest federal authorities of the USA through interaction with the Select Committee on Communist Aggression of the House of Representatives of the USA and visiting Congress of the USA on the occasion of the next anniversaries of the declaration of independence of the Belarusian People's Republic. The identified areas of political activity of the Belarusian clergy of the Constantinople jurisdiction indicate their political engagement and departure from the principle of apoliticality in religious life.

Keywords: Belarusian diaspora; Belarusian Orthodox Church; Patriarchate of Constantinople; Belarusian Central Rada; Orthodoxy; Orthodox church; emigration.

Введение

Актуальность изучения конфессиональной истории белорусской диаспоры обусловлена потребностью в сохранении духовного единства народа Беларуси. На протяжении десятилетий представители послевоенной белорусской эмиграции демонстрировали критическое неприятие советского политического строя, что непосредственным образом отражалось на религиозной жизни общества. Объединение соотечественников вокруг Белорусской центральной рады (БЦР) предопределило их переход в юрисдикцию Константинопольского патриархата. От последнего ожидали содействия в формировании белорусской епархиальной структуры за границей и провозглашения независимости Белорусской православной церкви (БПЦ). Вовлеченность БЦР в организацию белорусских общин греческой церковной юрисдикции обусловила политическую ангажиро-

ванность представителей этих приходов. Изучение заявленной проблематики актуализируется необходимостью формирования ясного представления о политической составляющей деятельности белорусских приходов Константинопольского патриархата. Отсутствие четкого понимания взаимосвязи религиозной деятельности и порождаемых ею политических последствий может привести к недооценке рисков в развитии современного белорусского общества. На данный момент вопрос политической активности белорусских приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг. не имеет должного освещения в отечественной и зарубежной историографии.

Источниковая база исследования включает распорядительную, протокольную, отчетно-информационную документацию, материалы официальной и неофициальной переписки, а также публикации

периодической печати. Распорядительная документация представлена хранящимися в архиве БЦР (далее – АБЦР) (г. Саут-Ривер, штат Нью-Джерси, США) приказами президента БЦР Н. Мядейки о вручении белорусским клирикам наград Белорусской краевой обороны (БКО). К протокольной документации относятся протоколы заседаний Исполнительного органа БЦР (1975–1977) и 17-го и 18-го пленумов БЦР (1976–1977), отражающие участие православного духовенства в работе организации. Они также находятся на хранении в АБЦР. Материалы официальной переписки представлены письмом президента БЦР Н. Мядейки в адрес президента Белорусского освободительного фронта Д. Космовича (1977), которое находится в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства в ф. 522 (г. Минск). К материалам неофициальной переписки относится письмо президента БЦР Р. Островского к протопресвитеру Николаю Лапицкому (1965), хранящееся в архиве библиотеки Ратгерского университета в фонде Я. Запрудника (г. Нью-Брансуик, штат Нью-Джерси, США). Отчетно-информационную документацию составляют опубликованные отчеты о деятельности конгресса США, в которых отражена история взаимодействия белорусского духовенства Константинопольского патриархата с представителями американского высшего законодательного органа. Источником данной группы являются также опубликованные в 1954 г. материалы специального комитета палаты представителей США по коммунистиче-

ской агрессии, включающие доклад администратора белорусских приходов Константинопольского патриархата в Северной Америке протопресвитера Николая Лапицкого о положении православного духовенства и православных верующих после присоединения Западной Беларуси к БССР. Наиболее информативным периодическим изданием для изучения темы стал журнал «Царкоўны светач», издававшийся в 1951–1988 гг. сообществом белорусских приходов Константинопольского патриархата в Северной Америке. Кроме того, данной проблематике посвящены отдельные публикации газеты «Беларускае слова» (издавалась в 1948–1958 гг. в Германии, а затем в США), журнала «Беларуская думка» (издается с 1960 г. в г. Нью-Йорке) и газеты «Беларус» (издается с 1950 г. в г. Нью-Йорке).

Целью настоящей статьи выступает исследование основных характеристик политической активности духовенства белорусских приходов Константинопольского патриархата. Для достижения поставленной цели были реализованы следующие задачи: описание отношения белорусского духовенства греческой церковной юрисдикции к политическим центрам белорусской диаспоры (БЦР и Раде Белорусской Народной Республики), выявление форм их вовлеченности в организацию деятельности БЦР, рассмотрение их влияния на принятие политических резолюций антисоветского характера, оценка степени их взаимодействия с высшими федеральными органами государственной власти США.

Методология исследования

Исследование проведено на основе диалектических принципов объективности, всесторонности, конкретности и историзма с использованием общелогических методов познания, таких как анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение. Изучение материалов осуществлялось с помощью специально-научных методов. Историко-генетический метод позволил рассмотреть феномен политической активности белорусских приходов

Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг. в процессе его исторического развития. Историко-сравнительный метод дал возможность определить уровень статусности мероприятий, проходивших в конгрессе США с участием представителей белорусских приходов греческой юрисдикции. Историко-системный метод позволил исследовать специфику политической активности белорусских приходов Константинопольского патриархата.

Основная часть

Примечательным явлением религиозной жизни послевоенной белорусской диаспоры стало возникновение православных приходов, входивших в состав Константинопольского патриархата. Их учреждение было обусловлено конфессиональной политикой БЦР, ориентированной на формирование белорусской диаспоральной церковно-административной структуры в греческой церковной юрисдикции. Конечной целью этой стратегии виделось обретение БПЦ полной канонической независимости (автокефалии), признаваемой Константинопольским патриархатом и другими поместными православными церквями. В рассматриваемый период руково-

дящими органами белорусских приходов греческой юрисдикции на территории Северной Америки являлись Белорусский православный церковный комитет в Америке (БПЦКА) (1950–1958), Церковный совет Белорусской православной церкви (далее – ЦС БПЦ) (1958–1970) и Белорусский совет православных церквей в Северной Америке (далее – БС ПЦСА) (с 1970 г.) [1, с. 176–192; 2, с. 208–219]. Прямая вовлеченность БЦР в процесс развития православных приходов и церковных структур могла повлиять на специфику их политической позиции. Основными формами политической активности духовенства белорусских приходов Константинопольского

патриархата выступали поддержка деятельности БЦР, участие в работе ее руководящих органов и организации праздничных мероприятий БЦР, поддержка резолюций антисоветского характера, а также репрезентация антисоветской позиции белорусской диаспоры перед американской администрацией.

Поддержка белорусскими клириками деятельности БЦР и участие в работе ее руководящих органов. Выразительным проявлением политической активности белорусского духовенства константинопольской юрисдикции являлось многолетнее вхождение администратора БПЦКА (затем ЦС БПЦ и БС ПЦСА) протопресвитера Николая Лапицкого в состав Исполнительного органа БЦР, одновременно он осуществлял руководство отделом культуры и искусства указанной организации¹. Поддерживая регулярную личную переписку с президентом БЦР Р. Островским, протопресвитер принимал непосредственное участие в обсуждении вопросов о работе Христианского объединения белорусских работников в Великобритании, антикоммунистической деятельности и советском влиянии на белорусскую диаспору². В 1976 г. протопресвитер Николай Лапицкий скончался, после чего в состав Исполнительного органа БЦР вошел новый администратор БС ПЦСА протопресвитер Святослав Ковш. Он также принял руководство отделом культуры и искусства БЦР (26 ноября 1977 г.)³. Присутствие священнослужителей на заседаниях Исполнительного органа БЦР не являлось номинальным. Они участвовали в обсуждениях как церковных вопросов (поиск архиерея для возглавления белорусских приходов в диаспоре, отбор кандидатов на священническое рукоположение, организация приходской жизни)⁴,

так и вопросов, связанных с деятельностью БЦР (проведение очередных сессий БЦР, обновление состава Исполнительного органа БЦР, выпуск медалей БЦР, формирование архива организации, проведение юбилейных мероприятий)⁵. По инициативе протопресвитера Николая Лапицкого в 1975 г. было принято решение о размещении АБЦР при белорусском храме в г. Саут-Ривере⁶. Более глубокой интеграции представителей Исполнительного органа БЦР в белорусскую церковную жизнь способствовало рукоположение его председателя Петра Савчица в сан священника с назначением на должность настоятеля прихода, состоявшееся 6 ноября 1977 г. в г. Ричмонд-Хилле (штат Нью-Йорк, США)⁷. На заседании Исполнительного органа БЦР, проходившем 20 ноября 1977 г., он согласился продолжить работу в должности председателя и заниматься координацией политической и общественной деятельности БЦР⁸.

О вовлеченности представителей белорусского духовенства и приходов юрисдикции Константинопольского патриархата в политическую деятельность свидетельствует участие священнослужителей в проведении пленумов БЦР. Так, участниками 17-го Пленума БЦР, проходившего 3–4 июля 1976 г. в г. Чикаго, стали настоятели белорусских приходов в городах Саут-Ривере, Чикаго (штат Иллинойс, США) и Торонто (Канада), а также представители белорусского прихода в г. Ричмонд-Хилле⁹. В работе 18-го Пленума БЦР, проходившего 3–4 июля 1977 г. в религиозном центре отдыха «Бэлер-Менск» в г. Глен Спей (штат Нью-Йорк, США), приняли участие протопресвитер Святослав Ковш и представители приходских комитетов городов Саут-Ривера, Ричмонд-Хилла, Торонто и Лондона¹⁰.

¹Пратакол № 1 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 25.01.1975 // АБЦР. Папка «Пратаколы Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады». Л. 9–11 ; Пратакол № 2 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 29.09.1975 // Там жа. Л. 2–4 ; Пратакол № 4 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 26.11.1977 // Там жа. Л. 7–8.

²Ліст прэзідэнта БЦР Р. Астроўскага протапрэсвітару Мікалаю Лапіцкаму. 17 красавіка 1965 г. // Rutgers Univ. Libr. Special Collect. and Univ. Arch. Zaprudnik J. Collect. Box 2 «Lapitski Mikalaj, 1907–1976. Papers». Folder «Astrouski, Radaslau, 1964–1969». Л. 1.

³Пратакол № 4 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 26.11.1977 // АБЦР. Папка «Пратаколы Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады». Л. 7–8 ; Пасяджэнне Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 10.12.1976 // Там жа. Л. 2.

⁴Пратакол № 2 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 29.09.1975 // Там жа. Л. 2–4 ; Пратакол № 4 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 26.11.1977 // Там жа. Л. 7–8.

⁵Пратакол № 1 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 25.01.1975 // Там жа. Л. 9–11 ; Пратакол № 2 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 29.09.1975 // Там жа. Л. 2–4 ; Пратакол № 4 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 26.11.1977 // Там жа. Л. 7–8 ; Пасяджэнне Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 10.12.1976 // Там жа. Л. 2.

⁶Пратакол № 2 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 29.09.1975 // Там жа. Л. 2–4.

⁷Беларускі нацыянальны фонд Выканаўчага органа БЦР. 2 верасня 1977 г. // Там жа. Л. 6 ; Біяграфія а[йца] Саўчыца // Царкоўн. светач. 1978. № 26. С. 15 ; В. Ш. Новы беларускі святар // Беларус. 1978. Студзень. С. 4.

⁸Пратакол № 4 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, 26.11.1977 // АБЦР. Папка «Пратаколы Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады». Л. 7–8 ; Беларус. гос. архив-музей лит. и искусства. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 59 (Ліст прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі прэзідэнту БВФ Д. Касмовічу. 17 ліпеня 1977 г.) ; Там жа. Л. 64 (Ліст прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі прэзідэнту БВФ Д. Касмовічу. 12 лістапада 1977 г.).

⁹Пратакол 17-га Пленума БЦР, які адбыўся 3 і 4 ліпеня 1976 г. у Чыкага, Злучаныя Штаты Паўночнай Амерыкі // АБЦР. Папка «17-ты Пленум БЦР». Л. 1–10.

¹⁰Пратакол 18-га Пленума БЦР, які адбыўся 3 і 4 ліпеня 1977 г. у «Рэсорце Бэлер-Менску», Злучаныя Штаты Паўночнай Амерыкі // Там жа. Л. 11–22.

В свете того что белорусское духовенство активно поддерживало политическую линию БЦР, священнослужителям были присуждены официальные награды организации. Так, постановлением Исполнительного органа БЦР от 18 сентября 1976 г. администратор БС ПЦСА протопресвитер Святослав Ковш, настоятель белорусского прихода в г. Торонто протоиерей Павел Великий и настоятель белорусского прихода в г. Чикаго протоиерей Олег Миронович были награждены орденами «Пагоня. Жыве Беларусь!»¹¹, крестами Заслуги БКО и медалями «Белорусские ветераны за границей». В тот же день клирики прихода в г. Саут-Ривере архимандрит Иосиф (Строк) и протодиакон Олег Махнюк были удостоены орденов «Пагоня. Жыве Беларусь!»¹². В 1977 г. президент БЦР Н. Мядейка удостоил всех указанных наград протопресвитера Николая Лапицкого (посмертно)¹³, а в 1978 г. – настоятеля белорусского прихода в г. Лондоне протопресвитера Вячеслава Тарановича и клирика того же прихода протодиакона Владимира Мороза¹⁴.

знаком особого расположения руководства БЦР к белорусским священнослужителям стало также присвоение им офицерских званий БКО – военизированного формирования, созданного немецкой оккупационной администрацией в годы Второй мировой войны и позиционировавшегося в качестве вооруженных сил Беларуси. Администратор БС ПЦСА протопресвитер Николай Лапицкий к моменту своей смерти в 1976 г. носил звание генерала БКО¹⁵. К этому же времени полковниками БКО являлись протопресвитер Святослав Ковш, протоиерей Олег Миронович и протоиерей Павел Великий¹⁶. Принявший в 1977 г. священный сан Петр Савчиц, клирик белорусского прихода в г. Ричмонд-Хилле, также являлся полковником БКО¹⁷. К 1978 г. звание полковника БКО имел настоятель лондонского прихода протопресвитер Вячеслав Таранович¹⁸. Представители белорусского духовенства в Исполнительном органе БЦР активно влияли на решения о присуждении офицерских званий другим членам организации. В частности, 29 сентября 1975 г. протопресвитер Николай Лапицкий выступил с такой инициативой в отношении представителей белорусской диаспоры в Канаде и США¹⁹. Наряду с поддержкой клириков

Константинопольского патриархата руководство БЦР демонстрировало свое расположение к белорусским священнослужителям других церковных юрисдикций. Так, в 1978 г. архиепископу Филофею (Нарко) (Русская православная церковь за границей) президент БЦР присудил орден «Пагоня. Жыве Беларусь!», а диакону Михаилу Страпко (Белорусская автокефальная православная церковь) – орден «Пагоня. Жыве Беларусь!», крест Заслуги БКО и медаль «Белорусские ветераны за границей»²⁰.

Участие белорусских клириков в организации праздничных мероприятий БЦР. Традиционной составляющей церковной жизни белорусских приходов юрисдикции Константинопольского патриархата являлось ежегодное празднование годовщины провозглашения независимости Белорусской Народной Республики (БНР) (1918) и годовщины начала Слуцкого восстания (1920). Программа мероприятий по случаю воспоминания этих событий предполагала проведение панихид (нередко предваряемых совершением литургии), во время которых возносились молитвы о жертвах коммунистического режима и павших в борьбе за независимость Беларуси. При этом под последними подразумевались исключительно военнотружачие военизированных формирований БНР периода 1918–1921 гг. и армии генерала В. Андерса, а также комбатанты антисоветских вооруженных формирований периода Второй мировой войны. После завершения богослужений на базе православных приходов предполагалось проведение актов части (торжественной академии), в ходе которой докладчики выступали на темы, связанные с вспоминаемым событием. В большинстве случаев празднования завершались художественной программой, включавшей литературную часть, выступления хоровых коллективов и т. д. В отдельные годы мероприятия посещали представители гражданской администрации (губернаторы штатов, мэры городов) и политических партий. Активное участие в организации памятных мероприятий принимала Ассоциация белорусско-американских ветеранов. Нередко во время совершения панихиды члены данного объединения выстраивались в почетный караул с белорусскими, американскими флагами, а также с флагами ветеранской организации. В 1970-х гг. сложилась устойчивая

¹¹ Данный лозунг включен в Республике Беларусь в перечень нацистской символики.

¹² Bielaruskaja Narodnaja Respublica. Prezidyum Plenumu Bielaruskaj Centralnaj Rady. Яго міласці прафесару Р. Астроўскаму, прэзідэнту БЦР. 5 кастрычніка 1976 г. // АБЦР. Папка «Беларуская цэнтральная рада». Л. 15–18.

¹³ Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 18 лістапада 1977 г. // Там жа. Л. 19.

¹⁴ Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 20 жніўня 1978 г. // АБЦР. Папка «Узнагароды». Л. 3 ; Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 6 верасня 1978 г. // Там жа. Л. 4.

¹⁵ Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 18 лістапада 1977 г. // АБЦР. Папка «Беларуская цэнтральная рада». Л. 19.

¹⁶ Bielaruskaja Narodnaja Respublica. Prezidyum Plenumu Bielaruskaj Centralnaj Rady. Яго міласці прафесару Р. Астроўскаму, прэзідэнту БЦР. 5 кастрычніка 1976 г. // Там жа. Л. 15–18.

¹⁷ Там жа.

¹⁸ Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 20 жніўня 1978 г. // АБЦР. Папка «Узнагароды». Л. 3.

¹⁹ Пратакол № 2 пасяджэння Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады. Саўт-Рывер, Нью-Джэрсі, 29.09.1975 // АБЦР. Папка «Пратаколы Выканаўчага органа Беларускай цэнтральнай рады». Л. 2–4.

²⁰ Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 4 ліпеня 1978 г. // АБЦР. Папка «Узнагароды». Л. 1 ; Загад прэзідэнта БЦР Н. Мядзейкі. 4 жніўня 1978 г. // Там жа. Л. 2.

традиция предвзвешивать начало богослужений в дни национальных праздников поднятием белорусского флага перед зданием городского управления г. Саут-Ривера в присутствии представителей гражданской власти, белорусской общественности и учеников белорусской церковной школы²¹ [3–6].

В отдельные годы белорусские клирики Константинопольского патриархата проводили общественные богослужения и принимали активное участие в мероприятиях по случаю круглых дат со времени проведения II Всебелорусского конгресса (27 июня 1944 г.)²², начала мобилизации в БКО (6 марта 1944 г.)²³, юбилея президента БНР Р. Островского²⁴ и 200-летия независимости США²⁵.

Поддержка белорусскими клириками принятия резолюций антисоветского характера. Представители белорусских приходов Константинопольского патриархата, являясь участниками мероприятий, проводимых белорусскими общественными организациями, поддерживали принимаемые на них резолюции антисоветского характера. В частности, они выразили поддержку итоговому меморандуму съезда белорусов США и Канады от 3 сентября 1962 г., содержащему резкую критику политического, экономического, национального и иных аспектов внутренней и внешней политики БССР²⁶. Белорусские клирики греческой церковной юрисдикции также поддержали меморандум очередного съезда белорусов США и Канады от 1 сентября 1968 г., обращенный к государствам – членам ООН. Документ содержал критику политического, экономического, национального, религиозного, правового и иных аспектов советской политики в БССР. При этом осуждалось прекращение деятельности

на территории БССР независимой Белорусской митрополии в 1944 г., а также последовавшее за этим присоединение православных приходов к Московскому патриархату²⁷.

Репрезентация белорусскими клириками антисоветской позиции белорусской диаспоры перед представителями американской администрации. Яркими примерами политической активности клириков белорусских приходов Константинопольского патриархата стало участие в политических мероприятиях антисоветского характера, а также репрезентация белорусской диаспоры перед американскими политическими элитами. Так, 14 октября 1954 г. протопресвитер Николай Лапицкий дал показания специальному комитету палаты представителей США по коммунистической агрессии. В то время комитет возглавлял Ч. Дж. Керстен. В своем докладе священнослужитель обвинил советскую власть в репрессиях по отношению к представителям православия, католицизма и иудаизма после присоединения Западной Беларуси к БССР. Целью этих репрессий называлось полное уничтожение религиозной жизни²⁸. По мнению протопресвитера, «эта волна внезапных арестов, тюремных заключений и безжалостного истребления грекоправославного духовенства, разрушения церквей, кладбищ, бесчестия икон явилась признаком советской антирелигиозной кампании в Западной Беларуси (здесь и далее перевод наш. – А. С.)»²⁹. При этом священнослужитель обвинял Московский патриархат в поддержке действий советской власти, а экзархат Русской православной церкви на новоприсоединенных территориях Западной Беларуси и Украины именовал «неканоничным»³⁰. Свое выступление перед

²¹ Дзень абвяшчэння незалежнасці Беларусі ў Саўт-Рыверы // Царкоўн. светач. 1979. № 28. С. 32–33 ; Дзень незалежнасці // Там жа. С. 36 ; Рычманд-Хіл, Нью-Ёрк // Беларус. думка. 1981–1982. № 25–26. С. 59 ; Рэха. 25 сакавіка. Святкаванне ў Нью-Ёрку // Царкоўн. светач. 1967. № 16. С. 24–26 ; Сакавіковыя ўгодкі // Беларус. 1984. Красавік. С. 2, 4 ; Саўт-Рывер // Беларус. думка. 1981–1982. № 25–26. С. 60 ; Святкаванне 37-х угодкаў Слуцкага паўстання // Царкоўн. светач. 1957. № 8. С. 22–24 ; Святкаванне 51-х угодкаў Слуцкага паўстання // Там жа. 1971. № 20. С. 24–26 ; Святкаванне гадавіны Слуцкага паўстання // Там жа. 1968. № 17. С. 35–36 ; Святкаванне ўгодкаў 25 сакавіка // Там жа. 1983. № 35. С. 21–22 ; Святкаванне ўгодкаў 25 сакавіка было наладжана сябрамі БЦР // Там жа. 1982. № 33. С. 21–22 ; Таронта, Канада // Там жа. 1983. № 35. С. 23 ; Угодкі незалежнасці // Беларус. 1987. Красавік. С. 2–3, 5 ; Угодкі Слуцкага паўстання // Там жа. 1986. Студзень – сакавік. С. 3 ; Угодкі Слуцкага паўстання // Там жа. 1987. Студзень – сакавік. С. 2 ; Ушанаванне 70-х угодкаў незалежнасці БНР // Там жа. 1988. Красавік. С. 2–4 ; Хроніка // Царкоўн. светач. 1981. № 30. С. 20–22 ; Хроніка. ЗША // Там жа. 1973. № 22. С. 31–32 ; Хроніка. Саўт-Рывер // Там жа. 1980. № 29. С. 32–34 ; Хроніка. Саўт-Рывер. 1976 год // Там жа. 1976. № 25. С. 19–22 ; Хроніка. Саўт-Рывер // Там жа. 1978. № 26. С. 24–25 ; Хроніка. Таронта, Канада // Там жа. 1973. № 22. С. 28–30 ; Хроніка. Саўт-Рывер // Там жа. 1984. № 36. С. 37 ; Царква Святога Кірылы Тураўскага. Рычманд-Хіл, Нью-Ёрк // Там жа. С. 38.

²² 30-я ўгодкі II Усебеларускага кангрэса і мабілізацыі БКА // Беларус. думка. 1974–1975. № 18–19. С. 36 ; Беларуская хроніка. Саўт-Рывер, ЗША // Беларус. слова. 1954. Ліпень. С. 3 ; Латушкін М. Угодкі II Усебеларускага кангрэса ў Чыкага // Беларус. 1979. Жнівень. С. 1 ; Угодкі II Усебеларускага кангрэса ў Таронта // Там жа. 1974. Ліпень. С. 6.

²³ Беларуская хроніка. Саўт-Рывер, ЗША // Беларус. слова. 1954. Ліпень. С. 3.

²⁴ Святкаванне 70-х угодкаў нараджэння і 50-годдзя грамадска-палітычнай дзейнасці сп[адара] прэз[ідэнта] БЦР праф[есара] Р. Астроўскага // Царкоўн. светач. 1957. № 8. С. 25.

²⁵ Хроніка. Нью-Ёрк // Там жа. 1976. № 25. С. 24–25.

²⁶ Пяты гадавы з'езд беларусаў ЗША і Канады // Там жа. 1962. № 12. С. 15–19.

²⁷ Мемарандум у [Арганізацыю] Аб'яднаных Нацый // Там жа. 1968. № 17. С. 19–24.

²⁸ Testimony of Rev. Nikolaj Lapitzki, through the interpreter, George Lapitzki // Investigation of Communist takeover and occupation of the non-Russian nations of the USSR. Eighth interim report of hearings before the Select Committee on Communist Aggression, House of Representatives, eighty-third Congress. Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438. Washington : The United States Gov. Publ. Office, 1954. P. 215–232.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

членами комитета протопресвитер Николай Лапицкий завершил словами: «Наш народ в Беларуси и изгнании стремится к освобождению от иностранной оккупации и созданию независимого национального белорусского государства и Белорусской греко-православной автокефальной церкви в соответствии с церковными канонами»³¹. Отвечая на дополнительные вопросы, докладчик перечислил известные ему случаи насильственной гибели православных клириков и рассказал о применявшихся советской властью методах давления на религиозные организации³². В 1954 г. по итогам опроса представителей белорусской, украинской, литовской и иных диаспор народов СССР комитет выпустил специальное издание, материалы которого были представлены конгрессу США³³. Выступление протопресвитера Николая Лапицкого перед комитетом получило позитивную оценку со стороны журнала «Царкоўны светач», являвшегося официальным органом БПЦКА³⁴.

Другим направлением политической деятельности представителей белорусских приходов Константинопольского патриархата являлось периодическое посещение конгресса США по случаю годовщины провозглашения независимости БНР. Визиты протопресвитера Николая Лапицкого в палату представителей США для прочтения молитвы о независимости Беларуси зафиксированы в 1964, 1965, 1967, 1968, 1970 и 1971 гг.³⁵ Его преемник на должности администратора белорусских приходов в Северной Америке протопресвитер Святослав Ковш открывал заседания палаты представителей США молитвой о Беларуси в 1973, 1977, 1978

и 1979 гг.³⁶ Уровень статусности парламентских мероприятий с участием белорусских клириков греческой церковной юрисдикции значительно уступал уровню аналогичных мероприятий, посещаемых священнослужителями непризнанной Белорусской автокефальной православной церкви [9]. Белорусское духовенство Константинопольского патриархата не получало приглашений посетить сенат США, не имело специальных встреч с вице-президентами и лидерами парламентских партий. Приглашения же в нижнюю палату конгресса США носили нерегулярный характер. Наиболее вероятной причиной этого являлось отсутствие в Константинопольском патриархате белорусской административно-канонической структуры, возглавляемой архиереем и обладающей высоким уровнем субъектности (епархии или митрополии).

Кроме того, белорусское духовенство Константинопольского патриархата участвовало в переговорах с представителями местной власти американских штатов о придании особого статуса дням провозглашения независимости БНР. Так, в марте 1967 г. протопресвитер Николай Лапицкий совместно с представителями Белорусского конгрессового комитета Америки посетил губернатора штата Нью-Джерси Р. Хьюза, который во время встречи подписал официальное распоряжение, устанавливавшее празднование дня независимости Беларуси в штате на 25 марта. В тот же год по инициативе Белорусского конгрессового комитета Америки аналогичные распоряжения подписали губернаторы штата Нью-Йорк и штата Пенсильвания³⁷.

Заключение

Представители белорусских приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг. были глубоко вовлечены в реализацию политической стратегии БЦР. Данное обстоятельство обусловлено прямой вовлеченностью БЦР в формирование белорусских

приходов греческой церковной юрисдикции, что рассматривалось политическими активистами организации в качестве важной составляющей процесса формирования подконтрольной им независимой БПЦ. Не ограничиваясь удовлетворением религиозных

³¹Testimony of Rev. Nikolaj Lapitzki, through the interpreter, George Lapitzki // Investigation of Communist takeover and occupation of the non-Russian nations of the USSR. Eighth interim report of hearings before the Select Committee on Communist Aggression, House of Representatives, eighty-third Congress. Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438. Washington : The United States Gov. Publ. Office, 1954. P. 220.

³²Ibid. P. 221–223.

³³Investigation of Communist takeover and occupation of the non-Russian nations of the USSR. Eighth interim report of hearings before the Select Committee on Communist Aggression, House of Representatives, eighty-third Congress. Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438. Washington : The United States Gov. Publ. Office, 1954. 370 p.

³⁴Сведчанні перед кангрэсам // Царкоўн. светач. 1955. № 6. С. 15.

³⁵House of Representatives. Thursday, March 26, 1964 // Congr. Rec. 1964. Vol. 110. Part 5. P. 6357 ; House of Representatives. Thursday, March 25, 1965 // Ibid. 1965. Vol. 111. Part 5. P. 5957 ; House of Representatives. Wednesday, March 15, 1967 // Ibid. 1967. Vol. 113. Part 5. P. 6672 ; House of Representatives. Thursday, April 4, 1968 // Ibid. 1968. Vol. 114. Part 7. P. 8983 ; House of Representatives. Thursday, March 19, 1970 // Ibid. 1970. Vol. 116. Part 6. P. 8085 ; House of Representatives. Thursday, March 25, 1971 // Ibid. 1971. Vol. 117. Part 6. P. 7959–7961 ; 25 сакавіка ў кангрэсе і сенате ЗША // Царкоўн. светач. 1967. № 16. С. 26–28 ; Малітва ў кангрэсе // Беларус. 1964. Красавік – май. С. 3 ; Хроніка // Царкоўн. светач. 1970. № 19. С. 46–47.

³⁶House of Representatives. Thursday, March 22, 1973 // Congr. Rec. 1973. Vol. 119. Part 7. P. 9007 ; House of Representatives. Thursday, March 24, 1977 // Ibid. 1977. Vol. 123. Part 8. P. 8909–8910 ; House of Representatives. Monday, March 26, 1979 // Ibid. 1979. Vol. 125. Part 5. P. 6230 ; Дзень абвяшчэння незалежнасці Беларусі ў амерыканскім кангрэсе // Царкоўн. светач. 1979. № 28. С. 19–21 ; Малітва за Беларусь у палаце рэпрэзэнтантаў ЗША // Беларус. 1977. Красавік. С. 5 ; Хроніка. Рычманд-Хіл // Царкоўн. светач. 1978. № 26. С. 27.

³⁷Пракламацыі беларускага дня Беларускай Народнай Рэспублікі // Царкоўн. светач. 1967. № 16. С. 28–32.

потребностей соотечественников, белорусские клирики константинопольского подчинения проявляли политическую ангажированность посредством вхождения в состав Исполнительного органа БЦР, руководства отделом культуры и искусства БЦР, оказания непосредственного влияния на принятие решений руководства БЦР, участия в проведении пленумов БЦР и организации празднований рады, принятия наград БЦР и офицерских званий БКО, разработки политических резолюций антисоветского характе-

ра, активного взаимодействия с комитетом палаты представителей США по коммунистической агрессии, репрезентации белорусской диаспоры во время посещений конгресса США по случаю годовщины провозглашения независимости БНР. Указанные обстоятельства дают основания охарактеризовать БПЦКА, ЦС БПЦ и БС ПЦСА как религиозные сообщества, ориентированные на легитимацию БЦР и антисоветский вектор внешней политики высших федеральных органов государственной власти США.

Библиографические ссылки

1. Слесарев АВ. Предпосылки возникновения и история развития Белорусского совета православных церквей в Северной Америке в 1950–1976 гг. *Христианское чтение*. 2019;4:176–192. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10077.
2. Слесарев АВ. Белорусский совет православных церквей в Северной Америке под руководством протопресвитера Святослава Ковша в 1976–1986 гг. *Христианское чтение*. 2020;2:208–219. DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10037.
3. Дольны Я. Дзень слуцкіх герояў. *Царкоўны светач*. 1970;19:44–45.
4. Латушкін М. Чыкаго. Царкоўная хроніка. *Царкоўны светач*. 1982;34:23.
5. Святаслаў А. Сакавіковая ўрачыстасць. Таронта (Канада). *Царкоўны светач*. 1981;30:17–18.
6. Шчэцька В. Хроніка. Рычманд-Хіл. *Царкоўны светач*. 1978;26:26–28.
7. Слесарев АВ. Политическая активность Белорусской автокефальной православной церкви в 1950–1982 гг. *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук*. 2022;67(2):166–176. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-2-166-176.

References

1. Slesarev AV. Background of the origin and history of the development of the Belarusian Council of Orthodox Churches in North America in 1950–1976. *Christian Reading*. 2019;4:176–192. Russian. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10077.
2. Slesarev AV. The Belarusian Council of Orthodox Churches in North America under the leadership of protopresbyter Svyatoslav Kous in 1976–1986. *Christian Reading*. 2020;2:208–219. Russian. DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10037.
3. Dol'ny Ja. [Slutsk Heroes' Day]. *Carkowny svetach*. 1970;19:44–45. Belarusian.
4. Latushkin M. [Chicago. Church chronicle]. *Carkowny svetach*. 1982;34:23. Belarusian.
5. Svjataslaw A. [The March celebration. Toronto (Canada)]. *Carkowny svetach*. 1981;30:17–18. Belarusian.
6. Shchjec'ka V. [Chronicle. Richmond Hill]. *Carkowny svetach*. 1978;26:26–28. Belarusian.
7. Slesarev AV. Political activity of the Belarusian Autocephalic Orthodox Church in 1950–1982. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2022;67(2):166–176. Russian. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-2-166-176.

Получена 16.03.2023 / исправлена 22.12.2023 / принята 23.12.2023.
Received 16.03.2023 / revised 22.12.2023 / accepted 23.12.2023.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(3)

ЖЕНСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В ЭПИГРАФИКЕ РИМСКОЙ ЛУЗИТАНИИ

М. П. МОЛИНА-ТОРРЕС¹⁾

¹⁾Университет Кордовы, пр. Мадина аз-Захра, 5, 14071, г. Кордова, Испания

Несмотря на наличие многочисленных изданий, посвященных римскому религиозному миру, в настоящее время наблюдается нехватка научных работ, интерпретирующих женские верования в Лузитании. С точки зрения гендерной проблематики это направление исследований стало особенно актуальным в последние десятилетия и заинтересовало ученых, которые обновили корпуса памятников эпиграфики, а также глубоко проанализировали данную тему. Эпиграфические памятники дают ряд конкретных указаний на географическую область, в которой были основаны лузитанские женские культы. Именно по votivным надписям можно проследить, как женщины с юго-запада Пиренейского полуострова сознательно или бессознательно воспользовались культурными изменениями, чтобы более заинтересованно подойти к своим культовым требованиям как в религиозной, так и в личной сфере. Следует добавить, что прототип благочестивой лузитанской женщины характеризовался ее поклонением определенным богам, покровителям личного и семейного окружения, что в некоторой степени влияло на выбор ею религиозных практик. Большинство этих ритуальных практик проводились в святилищах или местах поклонения, расположенных в сельской местности, что свидетельствует о распространении доримских верований, которые сосуществовали с римскими культами, и их постоянстве. Фактически отсутствие археологической документации препятствует более детальному изучению религиозной эпиграфики сельского мира, что позволяет провести глобальный анализ его социокультурного контекста.

Ключевые слова: верования; божественность; эпиграфика; Лузитания; римская религия; женские культы.

Благодарность. Исследование было проведено при поддержке Министерства науки, инноваций и университетов Испании (грант № PGC2018-097481-B-I00) и финансируемого Европейским союзом проекта «Prueba de Concepto» (грант № PDC2022-133123-I00).

Образец цитирования:

Молина-Торрес МП. Женские посвящения в эпиграфике римской Лузитании. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:25–32 (на англ.). EDN: AKRLHX

For citation:

Molina-Torres MP. Women's devotions in the epigraphy of Roman Lusitania. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:25–32. EDN: AKRLHX

Автор:

Мария Пилар Молина-Торрес – кандидат исторических наук; профессор факультета образования.

Author:

Maria Pilar Molina-Torres, PhD (history); professor at the faculty of education.
pilar.molina@uco.es



ЖАНОЧЫЯ ПАСВЯЧЭННІ Ў ЭПІГРАФІЦЫ РЫМСКАЙ ЛУЗІТАНІ

М. П. МОЛІНА-ТОРЭС^{1*}

^{1*}Універсітэт Кардовы, пр. Мадзіна аз-Захра, 5, 14071, г. Кардова, Іспанія

Нягледзячы на наяўнасць шматлікіх выданняў, прысвечаных рымскаму рэлігійнаму свету, назіраецца недахоп навуковых прац, якія інтэрпрэтуюць жаночыя вераванні ў Лузітаніі. З пункту гледжання гендарнай праблематыкі гэты напрамак даследаванняў стаў асабліва актуальным у апошнія дзесяцігоддзі і зацікавіў навукоўцаў, якія абнавілі карпусы эпиграфічных помнікаў і глыбока прааналізавалі гэту тэму. Эпіграфічныя помнікі даюць шэраг канкрэтных указанняў на геаграфічную вобласць, у якой былі заснаваны лузітанскія жаночыя культуры. Менавіта па ватыўных надпісах можна прасачыць, як жанчыны з паўднёвага захаду Пірынейскага паўвострава свядома ці несвядома выкарысталі культурныя змены, каб больш зацікаўлена падысці да сваіх культурных патрабаванняў як у рэлігійнай, так і ў асабістай сферы. Варта дадаць, што прататып набожнай лузітанскай жанчыны характарызаваўся яе пакланеннем пэўным багам, заступнікам асабістага і сямейнага асяроддзя, што ў некаторай ступені вызначала выбар ёй рэлігійных практык. Большасць гэтых рытуальных практык праводзіліся ў свяцілішчах ці месцах пакланення ў сельскай мясцовасці, што сведчыць аб распаўсюджанасці дарымскіх вераванняў, якія суіснавалі з рымскімі культурамі, і іх пастаянстве. Фактычна адсутнасць археалагічнай дакументацыі з'яўляецца перашкодай для больш дэталёвага вывучэння рэлігійнай эпиграфікі сельскага свету, што дазваляе правесці глабальны аналіз яго сацыякультурнага кантэксту.

Ключавыя словы: вераванні; боскасць; эпиграфіка; Лузітанія; рымская рэлігія; жаночыя культуры.

Падзяка. Даследаванне было праведзена пры падтрымцы Міністэрства навук, інавацый і ўніверсітэтаў Іспаніі (грант № PGC2018-097481-B-I00) і праекта «Prueba de Concepto», які фінансуецца Еўрапейскім саюзам (грант № PDC2022-133123-I00).

WOMEN'S DEVOTIONS IN THE EPIGRAPHY OF ROMAN LUSITANIA

M. P. MOLINA-TORRES^a

^aUniversity of Cordoba, 5 de Medina Azahara Avenue, Cordoba 14071, Spain

The main motivation for this research is the lack of works on the history of Lusitanian women. Despite the numerous studies on the Roman religious world, there is a significant lack of research on the interpretation of women's beliefs in Lusitania. From a gender perspective, this line of research has been particularly innovative in recent decades and has been taken up by various researchers who have updated the epigraphic corpora and subjected the subject to a profound process of debate and reflection. The epigraphic documentation provides a series of specific references to the geographical area in which the Lusitanian women's cults were established. It is precisely through the votive inscriptions that we can see how the women of the southwest of the Iberian Peninsula, consciously or unconsciously, took advantage of the cultural change to take a more interested approach to their cultic demands, both in their religious and personal spheres. It should be added that the prototype of the devout Lusitanian woman is defined by her predilection for certain gods, protectors of her personal and family environment, which to some extent determined her choice of religious practices. Most of these ritual practices took place in sanctuaries or places of worship located in rural areas, with a clear diffusion and permanence of pre-Roman beliefs that coexisted with Roman cults. In fact, the lack of archaeological documentation is an obstacle to a more detailed knowledge of the religious epigraphy of a rural world, allowing to make a global analysis of its socio-cultural context.

Keywords: beliefs; divinity; epigraphy; Lusitania; Roman religion; women's cults.

Acknowledgements. The research was prepared with the support of the Ministry of Science, Innovation and Universities of Spain (grant No. PGC2018-097481-B-I00) and the funded by the European Union project «Prueba de Concepto» (grant No. PDC2022-133123-I00).

Introduction

The sphere of female devotion in Lusitania, based on the so-called gender archaeology, has cleared up some doubts about the female religious universe [1]. However, the lack of available material does not allow us to present an analysis of the beliefs of Roman women in His-

pania from a strictly archaeological and epigraphic approach. The religious cults that we are analysing in the southwest of the Iberian Peninsula are attested to by dedicators or recipients, women who make an offering to a divinity. The epigraphs contain valuable historical and

cultural information, and their correct interpretation requires the consideration of a wide range of contextual factors. These factors help researchers to piece together the puzzle of the past and to gain a fuller understanding of the meaning and significance of the inscriptions.

This process of assimilation of new religious ideas and the persistence of local beliefs in Roman Hispania offers a fascinating insight into how ancient communities adapted and maintained their traditions in the context of cultural and religious change [2]. The study of votive and honorary epigraphy provides a unique window into the complex cultural and religious dynamics of the Hispanic world. In many cases we know the original spatial location of the inscription, be it an urban site or a rural context. However, it is mainly in rural areas that we find a strong devotion to cults of local origin. To this must be added the existence of inscriptions dedicated to Roman gods, Roman abstractions and virtues, and mystery deities [3].

In this sense, there is evidence that indigenous, mystery and Roman deities shared the same territory. However, if pre-Roman and Roman beliefs in Lusitania clearly became a differentiated object of worship, there was also a selective assimilation of cultic practices that must have been established unequally in rural and urban

areas [4]. The coexistence of different deities and religious practices is common in ancient societies and can be observed in many regions of the ancient world. This harmonisation often reflects the cultural and religious diversity of a region. It can also be the result of the assimilation of beliefs and practices over time. It is true that autochthonous and purely Roman deities were established, giving rise to an innovative religious landscape characterised by its uneven territorial distribution.

It is therefore possible to confirm that each community had its own socio-religious expression [5]. The coexistence of Roman cults related to political or civil life and indigenous cults based on traditional religiosity could certainly have given rise to a rich and complex religious scene in the second half of the 1st century AD and the end of the 2nd century AD. The persistence of certain local cults in the private sphere suggests a strong emotional and cultural attachment to these deities and highlights the diversity and richness of religious experience in antiquity. Therefore, the cultic context of Lusitania during this period reveals the complexity of religion in people's lives and how religious beliefs and practices could be influenced by cultural, political, and personal factors [6].

Women's devotion in the southwest of the Iberian Peninsula

Although the devout Hispano-Roman women shared a cultural background with their Roman contemporaries, they did not experience a similar cultic reality. Their religiosity kept them faithfully attached to their own beliefs which they considered more important to maintain their traditions and the stability of their religious sphere. It is necessarily these differences in the adoption of new cultic forms and the progressive adaptation of the cults introduced by Rome that enrich the religious panorama of Hispania. It is possible that some Hispano-Roman devotees may have practiced selective religious syncretism, where they incorporated elements of Roman religion into their local beliefs without completely abandoning their own traditions [7]. These differences in the adoption of new cultic forms and the selective adaptation of Roman cults enriched the religious landscape of Hispania and reflect the complexity of religion in antiquity. They also highlight the importance of culture and identity in the way people practiced and maintained their religious beliefs in a context of cultural and religious change [8].

On the other hand, it must be made clear that the epigraphs analysed respond to a specific need, namely the selection of Lusitanian women associated with a deity, either because of a particular devotion or because of state obligations. This situation leaves no doubt that the fact of worshipping a deity in an honorary or votive

inscription is not necessarily related to a personal belief, but that the sacrifice may be contaminated by the obligatory fidelity to the established official order, which detracts from the quality of the inscriptions intended to show gratitude for obtaining a divine favour. However, the possibilities offered by this research are very limited, as the number of inscriptions of women associated with a divinity or virtue and holding priestly offices is small. Similarly, although there is no explanation for such a scarcity of material, what is surprising are the numerous titles of the provincial flaminica *Flavia Rufina* related to the cult of *Jupiter Optimus Maximus* in the *conventus Pacensis*, and the cult of *Pietas* of the flaminica *Iulia Modesta* in the *conventus Scallabitanus*, both epigraphs dating from the 2nd century AD. These testimonies show the clear intention of the Lusitanian faithful to present their cultic practices in a context far removed from the civil cults¹. The honour of holding a priesthood at the provincial level must have been the most prestigious public office that a matron of a province could have aspired to [9]. In principle, it is customary for ruling families belonging to the *Ordo Decurionum* to monopolise the cultic competences of the places from which they come [10]. But if we look at the object of worship in the inscription and the fact that she was a perpetual flaminica in *Emerita* and a provincial flaminica, we might think that *Flavia* was not originally from the capital of

¹These examples refer to the provincial flaminica, *Flavia Rufina* in Alcácer do Sal (see: *Corpus Inscriptionum Latinarum* (hereinafter – CIL). Vol. 2. P. 32), and to the flaminica, *Iulia Modesta* in Oliveira do Hospital (see: CIL. Vol. 2. P. 396, 397 ; *L'Année épigraphique* (hereinafter – AE). 2004. No. 693).

Lusitania, but that her roots were in *Salacia* where the altar consecrated to *Jupiter Optimus Maximus* was found and where she began her priestly career [11–13].



Fig. 1. Devotion by *Licinius Severianus* and *Varinia Flaccina* to *Juno Regina*.
Source: CIL. Vol. 2. P. 1024

However, the Lusitanian believer may have considered her religious beliefs and practices to be intimate and personal, not intended for the public sphere. By performing her rituals in secluded places or in private contexts, she may have sought to maintain the privacy and authenticity of her beliefs without the influence of social or political expectations. Similarly, the separation of her cultic practices from civic worship may indicate her desire to preserve local or indigenous religious traditions, which may have been in danger of being suppressed or diluted by more dominant Roman religious beliefs and practices. By separating her cultic practices, the Lusita-

nian worshipper may have asserted a distinct religious identity. This may have been important to her in order to maintain her religious autonomy and to express her beliefs authentically. It is interesting to note that, despite their geographical proximity to *Baetica*, the worshippers of Lusitania showed a discreet attraction to the goddesses of the Greco-Roman pantheon, such as *Juno* and *Venus*, and mystery deities such as *Cybele* [14]. These cultic patterns suggest a diversity of religious beliefs and practices in the Lusitanian region. Although Lusitania and *Baetica* were close regions, they may have experienced slightly different cultural influences. The attraction to Greco-Roman and mystery deities may have been the result of cultural interaction with other areas, or the selective adoption of beliefs from outside the region.

As a whole, these cults are an illustration of the complexity and diversity of religious beliefs in the Lusitania region [15]. Each deity had its own meaning and purpose, and female worshippers may have invoked them according to their individual needs and beliefs. Epigraphic evidence suggests that women of different social status, who were not distinguished by the richness of their tributes, did so because of their strong symbolic content. An example of this is an inscription from the *conventus Emeritensis* found in the baths of *Alange*, dedicated by two high social figures, *Licinius Severianus*, *vir clarissimus*, and *Varinia Flaccina*, *clarissima femina*, in gratitude to *Juno* for the cure of their daughter in the 3rd century AD (fig. 1). In this context, the degree of devotion was determined by individual religious beliefs, which could be shaped by upbringing, family tradition and personal experience, meaning that some people felt a stronger connection to certain deities in relation to these circumstances [16].

The situation of women in religious cults

So far, it seems to have been demonstrated that the religious ceremonies of women belonging to the oligarchies had little to do with the religious ceremonies of women belonging to the oligarchies in comparison with believers devoted to their private cults and which, practically discriminated against by historiography [17], form an interesting line of research for our work. In fact, an approximate idea of the scant attention paid by researchers to this subject can be gleaned from the obstacles and problems they face in obtaining less abundant and less accurate information that would allow us to make solid assumptions and reconstruct their domestic religious world [18]. It is clear, then, that Roman women chose their places of religious expression, which did not necessarily have to be in an official setting. In essence, women gave a social content to their religious practices, since one of the main themes of these gatherings was the treatment of women's issues. In this sense, the social content of the *Matronalia* made this female celebration a reference point for marriage and motherhood, and consequently

for the virtues that a Roman matron reinforced through these social acts [19].

Hence their interest in beliefs that confirm the values that society expects of them. Indeed, virginity, marriage and fertility are virtues that exalt the dignity of women [20]. In fact, these virtues, in contrast to the masculine virtues, also contrast the spheres of action of men and women, thus establishing a clear distinction between the festivals of the Roman calendar. In this sense, it is striking to note the time frame that concentrated most of the female celebrations, which took place from spring to summer [21], officially beginning on 1 March with the feast of the *Matronalia*. Moreover, whether by coincidence or not, this date marking the beginning of the year coincided with the month of the cult of *Mars* and clearly established an opposition between female and male cultic tasks. It is obvious that the social organisation of these liturgies creates inequalities between the sexes by pigeonholing the women as mothers and the men as soldiers [22]. It should also be made clear that, despite the worship of certain deities, we have no

evidence that the Hispano-Roman matrons had exclusive celebrations differentiated by sex, in the style of the *Matronalia*, *Bona Dea*, *Fortuna Muliebris*, characteristic of the Romans.



Fig. 2. Inscription from the *conventus Pacensis* to *Bona Dea*.
Source: Hispania Epigraphica database (hereinafter – HEp). 2008. Vol. 17. No. 212

On the other hand, a small fragment of a lintel was found in *Beja*. It is inscribed with the dedication of a freedwoman, *Iulia Saturnina*, to *Bona Dea* and could have been part of a temple dedicated to the goddess, suggesting that this cult was practiced in Hispania [23]. Nevertheless, and without drawing any categorical conclusions, it would be risky to raise this possibility and use it to justify the presence of a cult of *Bona Dea* in Lusitania, and therefore of a place of worship dedicated to the goddess (fig. 2). Indeed, the existence and development of certain liturgies confirm that female cults were not disadvantaged in relation to male religion, on the contrary. This was the case of the matrons who met to celebrate a festival in honour of the goddess *Bona Dea*, where the presence of

men was strictly forbidden [24]. This ceremony, characterised by an air of ambiguity and secrecy, involved contact with substances that were unhealthy for women, such as wine, which was only to be consumed by men [25]. In fact, the interpretations of their ritual forms are, in my opinion, a distorted version of the interests and values that the female devotees tried to share.

Be that as it may, when Ovid describes a respectable group of aristocrats celebrating the *Matronalia*, we should not be surprised that the cult of *Juno Lucina* was seen as a mechanism of sociability and religiosity exclusively for women [26–28]. Apparently, the matrons received gifts from their husbands in the private sphere and later went to the sacred precinct of the goddess to lay flowers in gratitude for the protection they had received in their maternal role. It seems, therefore, that one of the functions of the festival calendar was precisely to link the public ritual with the domestic cult [29]. Indeed, we can imagine that these matronal organisations, as devotees, facilitated and also reinforced the defense of a role attributed to a particular *ordo matronarum*. In any case, we know that these religious performances were restricted to privileged female citizens who practiced religious rites specific to their social category. In this way, the spread of a matriarchal cult in a public space favoured the consolidation of a model of social organisation which up to now has been essentially masculine [30]. Certainly, I believe that these ritual practices reinforced the importance of their own feminine beliefs, while at the same time demonstrating that the configuration of a ceremony was not necessarily regulated according to gender.

Civic life and local cults

From this perspective, it is clear that Roman women had access to religion as a means of actively participating in the daily life of their communities. However, in addition to these beliefs, there was also a preference for those male gods that suited the religious needs of female believers. This meant that they had a certain predilection for healing gods associated with a promise of health for a loved one. To this end, they preferred to preserve their local customs, which were linked to their traditional sphere and therefore close to their private habits. An example of this is the cult of the god *Endovellicus*, who concentrated his ritual practices in a sanctuary or cultic space located in a rural context of the *conventus Pacensis* [31; 32]. This local divinity shows the devotion of women to gods that were familiar to them and that they worshipped according to their daily concerns.

In fact, it is mainly in rural areas that there is a significant devotion to local cults, which have as their reference point a collective meeting place in sacred open-air precincts. Moreover, the worship of the pre-Roman god, with its clearly masculine connotations, does not

prevent the concentration of a considerable number of female devotees in a collective cult, as evidenced by the density of altars found in his honour, made by a plural representation of social groups (fig. 3). Although the lack of archaeological documentation makes it difficult to analyse religious manifestations in the rural world and, therefore, its geographical limits, we do know the remains of a sanctuary dedicated to the cult of the god *Endovellicus* [33; 34] in Sao Miguel da Mota (Alandroal, Portugal), dating from the 1st century AD. In addition to these cultic references, the salutary and supernatural character was a claim made by its main devotees, mainly mothers praying for the health of their sons and husbands, daughters thanking for the appearance of a deceased relative in their sleep, and husbands expressing hope for the speedy recovery of their wives and daughters.

Against this epigraphic wealth, it is not unusual to find isolated elements of private worship. The most eloquent case is that of the Roman goddess *Proserpina* and the indigenous goddess *Ataecina*, to whom an infernal



Fig. 3. Altar dedicated to the god *Endovellicus*.
Sanctuary of Sao Miguel da Mota.
Source: CIL. Vol. 2. P. 6267



Fig. 4. Dedication to *Ataecina*.
Source: HEp. 2000. Vol. 10. No. 124

character is attributed, without excluding the virtue of maintaining the good functioning of agriculture and protecting health². It is precisely the appellations that the latter bears, linking her to the town of *Turobriga*, that indicate that most of the sanctuaries dedicated to the goddess were located in this area. The pre-Roman worship of *Dea Sancta Ataecina* in the *conventus Emeritensis*, dated between the 1st and 2nd centuries AD, indicates the possible existence of other places of worship in *Emerita* and the surrounding area that we cannot physically connect [35]. Therefore, and despite the dispersion of the testimonies, its cultic context in Hispania would be mainly an ancient place of worship located in the church of Santa Lucía del Trampal [36]. It should be noted that, despite being a female deity, the sacrifices made by women are not the most numerous.

So, once again, we have a sacred reference point for believers to worship their gods. It seems that indigenous cultic traditions were difficult to maintain in urban areas [37], but it would be inappropriate to think that domestic altars, characterised by their lack of public presence, were necessarily located in rural areas, basically isolated from the general ensemble. In relation to these beliefs, in a colony such as *Norba Caesarina*, *Victorinus*, a slave of *Cocceia Severa*, appears next to his mistress on a rustic bronze votive with the statuette of a goat related to the cult of *Ataecina*³. Not only does the special relationship that seems to exist between the two perhaps reflect a close religious affiliation, but the crude workmanship of the piece is further evidence that its place of origin was a private home (fig. 4). Another example of *Amia*'s closeness to her master, *Ispanus*, is the small arula, which she personally dedicated to the god *Uriloucus*, perhaps in gratitude for her manumission. If so, this belief would indirectly link owner and freed-woman in an atmosphere of prayer [38].

More important is the Lusitanian votive documentation, which clearly shows a peculiar cult of *Jupiter Optimus Maximus*. The considerable number of altars dedicated to this cult offers a particular view of this religious phenomenon in a delimited area of the *conventus Emeritensis*. Curiously, the indigenous elements in the onomastics of the worshippers lead us to believe that the private worship of the Capitoline god concealed an offering to an indigenous deity. Indeed, it is worth remembering that its spread was more pronounced in areas with a clear indigenous substratum, although it is difficult to explain why its cult seems to have been confined to very limited areas close to the main cities [39].

Therefore, a constant in the cultic manifestations to this god will be the appearance of less Romanised votive offerings in this monastic area. In fact, we can confirm in these offerings that the dedicators, when they have one, do not express any public position, appearing expressly as devotees of the divinity. Despite this evidence, everything seems to indicate that the practice of the *votum* would imply a good knowledge of the complex Roman religious practices, as well as defining the spontaneous character of these beliefs, carried out in a domestic space. In the same way that the cult of Jupiter became part of indigenous religiosity, it is possible that a process of syncretism took place that is not clearly evident in the votive offerings. However, references to Jupiter with an indigenous appellative, such as *Solutorio*, do not necessarily denote an *interpretatio*, but rather a distinctive denomination of the Roman god in certain indigenous population contexts in Lusitania [40]. We can get an idea of the plurality of cultural manifestations, which include very different cultural traditions, from these private women's devotions.

²From the cult of *Proserpina*, we have only one epigraph. It emphasises the goddess' ability to restore the health of her worshippers (see: HEp. 2005. Vol. 14. No. 451 ; CIL. Vol. 2. P. 145). Similarly, in the case of *Ataecina*, two inscriptions from *Iulia Severa* and *Flavia Patricia* have survived in which they happily fulfil their vow (see: HEp. 1995. Vol. 5. No. 184, 185).

³Confer: CIL. Vol. 2. P. 5298 ; HEp. 2000. Vol. 10. No. 124 ; AE. 1946. No. 193 ; Ibid. 1947. No. 17 ; Ibid. 1950. No. 25. Another votive offering to the divinity by *Cocceius Modestinus* was also found in *Norba*, which leads us to think that the proximity between the two dedicators and their *nomina* allow for the possibility of relationship (see: CIL. Vol. 2. P. 5299).

Conclusions

It is clear from the above that the symbolic universe of a religious community could take on different characteristics in different regions [41]. For this reason, any attempt to explain the religious phenomenon in the Iberian Peninsula would confirm the strength that indigenous cults achieved among women. So far, it seems clear that in the process of adapting to Roman cultic patterns, the dedicators of votive epigraphs transmit aspects that are notoriously sensitive to their indigenous cultic tradition. In fact, it is clear that the fruits of syncretism only made sense if they were reproduced in the same historical context, which is evidenced by the fact that the local environment is impregnated with a pure and defined model that accentuates the unequal diffusion of their own beliefs [42]. As far as Lusitania is concerned, the introduction of the Roman religious model did not eliminate local religious practices [43]. People, including women, continued to participate in rituals and cults rooted in their everyday beliefs and local traditions. Although it is difficult to identify the specific motives behind each act of devotion, people turned to deities for a variety of purposes, such as protecting the health of their children [44]. Promises made to deities were common and were fulfilled as a way of expressing gratitude for favours received. The choice of a particular deity to worship could depend on a number of factors, including family tradition and the particular qualities of the deity in relation to the person's need or desire.

In this sense, cultural change, such as the introduction of Roman beliefs and practices, influenced women's religious and personal decisions and actions [45]. This

suggests that women made more conscious and active choices about their religious beliefs and practices. The introduction of the Roman religious model did not suppress local religious practices. People, especially Lusitanian women, continued to participate in rituals and cults rooted in their everyday beliefs and local traditions. This continuity demonstrates the importance of these practices in their lives [46]. Although it is difficult to determine the specific motives behind each devotion to a particular deity, people resorted to these practices to seek protection and help, especially for the health of their children. Promises and offerings to deities were common as a form of thanksgiving for favours received. Votive and tribute inscriptions thus provide evidence of where these women's cults took place. The places of worship studied reflect the traces left by women in their religious and personal choices [47]. In short, the epigraphic documentation analysed provides details about the specific places where cults and rituals were carried out. These places of worship can range from small personal altars to larger shrines or sacred places in the community [48]. Studying these places can help to reconstruct the religious geography of the region and how these practices were distributed. The diversity of religious practices and the worship of different deities, both Roman and local, underlines the complexity and richness of the religious landscape of the time. Lusitanian women not only maintained their local traditions, but also showed an interest in Roman and mystery deities, reflecting a selective adaptation to the surrounding cultural influences.

References

1. Zarzalejos M. Los estudios de arqueología del género en la Hispania romana. In: Prados L, Lopez C, editors. *Arqueología del género: 1^{er} encuentro internacional en la UAM*. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid; 2008. p. 297–326.
2. Rupke J. Religious agency, identity, and communication: reflections on history and theory of religion. *Religion*. 2015; 45(3):344–366. DOI: 10.1080/0048721X.2015.1024040.
3. Alvar J. *Romanising oriental gods: myth, salvation, and ethics in the cults of Cybele, Isis, and Mithras. Religions of the Graeco-Roman world*. Leiden: Brill; 2008. 486 p.
4. Prósper B. *Lenguas y religiones prerromanas del Occidente de la Península Ibérica*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca; 2002. 520 p.
5. Blázquez JM. Últimas aportaciones a las religiones de Hispania. Teónimos II. *Ilu Revista de Ciencias de las Religiones*. 2006;11:205–235.
6. Mirón MD. *Mujeres, religión y poder: el culto imperial en el Occidente Mediterráneo*. Granada: Editorial Universidad de Granada; 1996. 373 p.
7. Xella P. 'Syncretisme' comme catégorie conceptuelle: une notion utile? In: Bonnet C, Pirenne-Delforge V, Praet D, editors. *Les religions orientales dans le monde grec et romain cent ans après Cumont (1906–2006)*. Roma: [s. n.]; 2009. p. 135–147.
8. Domínguez A. *Política y género en la propaganda en la Antigüedad: antecedentes y legado*. Gijón: Trea; 2013. 304 p.
9. Molina MP. La matrona ideal según las fuentes literarias grecorromanas de finales de la República al S. I D. C. *Espacio, tiempo y forma. Serie 2, Historia Antigua*. 2016;29:57–70. DOI: 10.5944/etfi.29.2016.16986.
10. Goffaux B. Formes d'organisation des cultes dans la Colonia Augusta Emerita (Lusitanie). In: Dondin-Payre M, Raep-saet-Charlier MT, editors. *Sanctuaires, pratiques cultuelles et territoires civiques dans l'Occident romain*. Bruselas: Le Livre Timperman; 2006. p. 51–97.
11. Delgado JA. El flaminado local y provincial en Lusitania. Contribución a la historia política, social y religiosa de una provincia Hispana. In: Cardoso JL, Almagro-Gorbea M, editors. *Lucius Cornelius Bocchus. Escritor lusitano da idade de prata da literatura latina*. Lisboa: Academia Portuguesa da História; 2011. p. 231–244.
12. Fishwick D. *Cult places and cult personnel in the Roman Empire*. Farnham: Routledge; 2014. 392 p.
13. Rodríguez J, Salinas de Frías M. Las elites femeninas en la provincia romana de Lusitania. *Studia Historica*. 2000;18:243–255.
14. Carneiro A. Mulheres na Lusitânia romana: vestígios de uma presença discreta. In: Ferreira Lopes MJ, Pinto AP, Melo A, Gonçalves A, Carvalho da Silva JA, Gonçalves M, editors. *Narrativas do poder feminino*. Braga: Universidade Católica Portuguesa; 2012. p. 547–564.

15. Rodríguez J, Salinas de Frías M. El Culto Imperial en el contexto político y religioso del conventus Emeritensis. In: Nogales T, González J, editors. *Culto imperial: política y poder. Actas del Congreso Internacional Culto Imperial: política y poder*. Mérida: L'Erma di Bretschneider; 2007. p. 577–596.
16. Navarro M. *Perfectissima femina*. Burdeos: Ausonius Éditions; 2017. 863 p.
17. Keegan P. *Roles for men and women in Roman epigraphic culture and beyond: gender, social identity and cultural practice in private Latin inscriptions and the literary record*. Oxford: BAR Publishing; 2014. 158 p.
18. Pérez M. *Al amparo de los lares: el culto doméstico en las provincias romanas Bética y Tarraconense*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas; 2014. 548 p.
19. Cenerini F. The role of women as municipal Matres. In: Hemelrijk E, Woolf G, editors. *Women and the Roman City in the Latin West*. Leiden: Brill; 2013. p. 9–22.
20. Caldwell L. *Roman girlhood and the fashioning of femininity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 188 p.
21. Sirago VA. *Femminismo a Roma nel Primo Imperio*. Catanzaro: Rubbettino; 1983. 236 p.
22. Cid RM. Imágenes y prácticas religiosas de la sumisión femenina en la antigua Roma. El culto de «Juno Lucina» y la fiesta de «Matronalia». *Studia historica. Historia Antigua*. 2007;25:357–372.
23. Mastrocinque A. *Bona Dea and the cults of Roman women*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2014. 204 p.
24. Brouwer HJ. *Bona Dea. The sources and a description of the cult*. Leiden: Brill; 1989. 507 p.
25. Scheid J. Extranjeras indispensables. Las funciones religiosas de las mujeres en Roma. In: Duby G, Perrot M, editors. *Historia de las mujeres en Occidente. La Antigüedad*. Madrid: Taurus; 1991. p. 421–462.
26. Boëls-Janssen N. *La vie religieuse des matrones dans la Rome archaïque*. Roma: Ecole Française de Rome Palais Farnèse; 1993. 512 p.
27. Dolansky F. Reconsidering the Matronalia and women's rites. *Classical World*. 2011;104(2):191–209.
28. Gagé J. *Matronalia: essai sur les dévotions et les organisations culturelles des femmes dans l'ancienne Rome*. Bruselas: Latomus; 1963. 289 p.
29. Beard M, North JA, Price SRF, editors. *Religions of Rome*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 476 p.
30. Woolf G. Ritual and the individual in Roman religion. In: Rupke J, editor. *The individual in the religions of the Ancient Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 136–163.
31. Cardim J. Endovellicus. In: Cardim J, editor. *Religões da Lusitania*. Lisboa: Museu Nacional de Arqueologia; 2002. p. 79–90.
32. González JM. La presencia del culto al dios Endovellicus en el suroeste peninsular y su pervivencia en el mundo romano. In: Alvar J, Hernández L, editors. *Jerarquías religiosas y control social en el Mundo Antiguo*. Valladolid: Universidad de Valladolid; 2004. p. 299–303.
33. Guerra A. La documentation épigraphique sur Endovellicus et les nouvelles recherches dans son sanctuaire à S. Miguel da Mota. In: Haeussler R, King A, editors. *Continuity and innovation in religion in the Roman West. Volume 1*. Portsmouth: Journal of Roman Archaeology; 2008. p. 159–167.
34. Schattner T, Fabião C, Guerra A. A investigação em torno do santuário de S. Miguel da Mota: o ponto de situação. *Cadernos do Endovéllico*. 2013;1:65–98.
35. Le Roux P. A criação romana da Lusitania. In: Álvarez JM, Carvalho A, Fabião C, editors. *Lusitânia Romana: origem de dois povos*. Madrid: Secretaría General Técnica; 2016. p. 92–99.
36. Abascal JM. Las inscripciones latinas de Santa Lucía del Trampal (Alcuescar, Cáceres) y el culto a Ataecina en Hispania. *Archivo Español de Arqueología*. 2002;75:37–57.
37. Olivares JC. El culto a Júpiter, deidades autóctonas y el proceso de interacción religiosa en la céltica hispana. *Gerión*. 2009;27:331–360.
38. Urbina D. Ataecina y Urilouco. Una pareja de dioses prerromanos en Talavera de la Reina. *Cuaderna*. 1998;6:17–30.
39. Hemelrijk E, Greg W, editors. *Women and the Roman City in the Latin West*. Leiden: Brill; 2013. 428 p.
40. Beltrán F. Iuppiter Repulsor(ius) y Iuppiter Solutorius: dos cultos provinciales de la Lusitania interior. *Veleia*. 2002; 18–19:117–128.
41. Olivares JC. Urbanismo e interacción religiosa en las ciudades de la Hispania céltica. *Iberia*. 2006;9:79–106.
42. Molina MP. Las devociones femeninas en la Hispania romana. *ARYS Anejos*. 2018;3:311–315.
43. Le Roux P. Mérida capitale de la province de la Lusitanie. In: Gorges JG, Cerrillo E, Nogales T, editor. *V Mesa redonda internacional sobre Lusitania romana*. Cáceres: [s. n.]; 2004. p. 17–31.
44. D'Encarnação J. Manifestaciones religiosas en la Lusitania romana occidental. In: Álvarez JA, Nogales T, editors. *Lusitania Romana. Origen de dos pueblos*. Mérida: Ministerio de Educación, Cultura y Deporte; 2015. p. 267–273.
45. Oria M. Sacerdotisas y devotas en la Hispania antigua: un acercamiento iconográfico. *SPAL*. 2012;21:75–88.
46. Molina MP. La esfera religiosa de la mujer Romana: Espacio público vs privado. *Arenal: Revista de historia de las mujeres*. 2018;25(1):125–143.
47. Palacios J. Miradas romanas sobre lo femenino: discurso, estereotipos y representación. *Asparkia*. 2014;25:92–110.
48. Martínez C. Amantissima civium suorum: matronazgo cívico en el Occidente romano. *Arenal: Revista de historia de las mujeres*. 2011;18(2):277–307.

Received 15.10.2023 / revised 22.12.2023 / accepted 23.12.2023.

ДЕЛЬФИЙСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО И СУДЬБА СПАРТАНСКОГО ЦАРЯ ЛЕОНИДА

О. В. КУЛИШОВА¹⁾, Л. Г. ПЕЧАТНОВА¹⁾

¹⁾Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечается, что согласно античной литературной традиции среди греческих полисов именно Спарта была наиболее тесно связана со знаменитым святилищем и оракулом Аполлона в Дельфах, причем не только в религиозном, но и в военно-политическом смысле. Традиция сохранила множество адресованных спартанским царям дельфийских пророчеств, как подлинных, так и составленных постфактум. Одно из них было связано с именем спартанского царя Леонида и его участием в сражении при Фермопилах в 480 г. до н. э. Возможно, сам Леонид прибегнул к помощи дельфийских жрецов, чтобы получить нужное ему прорицание. Геродот передает содержание дельфийского предсказания и в прозаической, и в стихотворной форме. Подчеркивается, что исследователи Нового времени сомневаются в подлинности данного прорицания. Предметом обсуждения являются также обстоятельства возникновения и различные толкования оракула в античных источниках. Делается предположение о том, что разные формы пророчества появились в разное время: прозаическая форма – еще до событий у Фермопил, а стихотворная форма – уже после них. Высказывается мысль о том, что по крайней мере стихотворный вариант пророчества появился после сражения при Фермопилах. Вероятно, он был создан по инициативе царского рода Агиадов, к которому принадлежал Леонид. Подчеркивается, что оракул, согласно которому условием спасения Спарты была объявлена гибель ее царя, стал интегральной составляющей мифа о Леониде. Используя этот миф, Спарта успешно трансформировала поражение в фермопильской битве в победу своих политических и моральных ценностей. Сражение при Фермопилах стало важной частью «спартанского миража», а Леонид и его отряд – героическим примером, на котором на протяжении веков воспитывалась спартанская молодежь.

Ключевые слова: Древняя Греция; Дельфийский оракул; Греко-персидские войны; Спарта; царь Леонид.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01360).

ДЭЛЬФІЙСКАЕ ПРАРОЦТВА І ЛЁС СПАРТАНСКАГА ЦАРА ЛЕАНІДА

А. В. КУЛІШОВА^{1*}, Л. Г. ПЯЧАТНАВА^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
Мендзялееўская лінія, 5, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Адзначаецца, што згодна з антычнай літаратурнай традыцыяй сярод грэчаскіх полісаў менавіта Спарта была найбольш цесна звязана са знакамітым свяцілішчам і аракулам Апалона ў Дэльфах, прычым не толькі ў рэлігійным, але і ў ваенна-палітычным сэнсе. Традыцыя захавала мноства адрасаваных спартанскім царам дэльфійскіх прароцтваў,

Образец цитирования:

Кулишова ОВ, Печатнова ЛГ. Дельфийское пророчество и судьба спартанского царя Леонида. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:33–41. EDN: LLVWVU

For citation:

Kulishova OV, Pechatnova LG. The Delphian prophecy and the fate of the Spartan king Leonidas. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:33–41. Russian. EDN: LLVWVU

Авторы:

Оксана Викторовна Кулишова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории.

Лариса Гавришиловна Печатнова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории.

Authors:

Oksana V. Kulishova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome, Institute of History.

o.kulishova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7892-0083>

Larisa G. Pechatnova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome, Institute of History.

l.pechatnova@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6065-037X>

як сапраўдных, так і складзеных пастфактум. Адно з іх было звязана з імем спартанскага цара Леаніда і яго ўдзелам у змаганні пры Фермапілах у 480 г. да н. э. Магчыма, сам Леанід звярнуўся да дапамогі дэльфійскіх жрацоў, каб атрымаць патрэбнае яму прароцтва. Геродот перадае змест дэльфійскага прадказання і ў праявічай, і ў вершаванай форме. Падкрэсліваецца, што даследчыкі Новага часу сумняваюцца ў сапраўднасці прароцтва. Прадметам абмеркавання з'яўляюцца таксама абставіны ўзнікнення і розныя тлумачэнні аракула ў антычных крыніцах. Робіцца здагадка аб тым, што розныя формы прароцтва былі створаны ў розны час: праявічая форма – яшчэ да падзей у Фермапілах, вершаваная форма – ужо пасля іх. Выказваецца меркаванне аб тым, што вершаваны варыянт прароцтва з'явіўся ўжо пасля бітвы пры Фермапілах. Верагодна, ён быў створаны па ініцыятыве царскага роду Агіядаў, да якога належаў Леанід. Падкрэсліваецца, што аракул, згодна з якім умовай выратавання Спарты была абвешчана гібель цара, стаў інтэгральным складнікам міфа аб Леанідзе. Выкарыстоўваючы гэты міф, Спарта паспяхова трансфармавала паражэнне пры Фермапілах у перамогу сваіх палітычных і маральных каштоўнасцей. Змаганне пры Фермапілах стала важнай часткай «спартанскага міражу», а Леанід і яго атрад – гераічным прыкладам, на якім яшчэ на працягу стагоддзяў выхоўвалася спартанская моладзь.

Ключавыя словы: Старажытная Грэцыя; Дэльфійскі аракул; Грэка-персідскія войны; Спарта; цар Леанід.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 23-28-01360).

THE DELPHIAN PROPHECY AND THE FATE OF THE SPARTAN KING LEONIDAS

O. V. KULISHOVA^a, L. G. PECHATNOVA^a

^aInstitute of History, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: O. V. Kulishova (o.kulishova@spbu.ru)

According to the ancient literary tradition, among the Greek city-states, it was Sparta that was most closely connected with the famous sanctuary and oracle of Apollo in Delphi, not only in a religious, but also in a military-political sense. Tradition has preserved many Delphic prophecies addressed to the Spartan kings, both authentic and composed after the fact. One of them was associated with the name of the Spartan king Leonidas and his participation in the battle of Thermopylae in 480 BC. Perhaps Leonidas himself resorted to the help of the Delphic priests to obtain the prophecy he needed. Herodotus conveys the contents of the Delphic oracle in both prose and poetic form. It is emphasised that modern researchers doubt the authenticity of this prophecy. The subject of discussion is also the circumstances of the origin and various interpretations of the Delphic oracle in ancient sources. It is assumed that different forms of prophecy appeared at different times: the prose form even before the events at Thermopylae, and the poetic form after them. It has been suggested that at least a poetic version of the prophecy appeared after the battle of Thermopylae. It was probably created on the initiative of the royal family of the Agiads, to which Leonidas belonged. It is emphasised that the oracle, according to which the death of its king was declared a condition for the salvation of Sparta, became an integral component of the myth of Leonidas. Using this myth, Sparta successfully transformed the defeat at the battle of Thermopylae into a victory for its political and moral values. The battle of Thermopylae became an important part of the «Spartan mirage», and Leonidas and his squad became a heroic example on which Spartan youth were brought up over the centuries.

Keywords: Ancient Greece; Delphic oracle; Greco-Persian wars; Sparta; Spartan king Leonidas.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 23-28-01360).

Введение

При исследовании любой темы, касающейся отношений Дельфийского оракула и греческих полисов в эпоху Греко-персидских войн, главным источником сведений выступают труды Геродота. В данной статье предпринимается попытка оценить подлинность дельфийского пророчества, полученного Спартой согласно Геродоту перед началом сражения при Фермопилах в 480 г. до н. э. – одного из самых известных и трагичных эпизодов Греко-персидских войн. Содержание оракула античные авторы пере-

давали и в прозаической, и в стихотворной форме. У исследователей Нового времени достоверность пророчества вызывает немало сомнений. Предметом обсуждения выступают также обстоятельства возникновения и различные толкования прорицания в античных источниках. Следует заметить, что эта тема является частью важного для истории Спарты сюжета – влияния Дельфийского оракула на укрепление и рост авторитета царской власти в Спарте¹. С проблемой подлинности оракула связана еще одна

¹Согласно античной литературной традиции среди всех греческих полисов именно Спарта была наиболее тесно связана со знаменитым святилищем в Дельфах, причем не только в религиозном, но и в военно-политическом смысле.

тема, также выступающая предметом настоящего исследования. Это реакция царя Леонида на полученное пророчество и степень его влияния на принимаемые царем решения.

Поскольку интересующее нас прорицание касается непосредственно судьбы Леонида, обратимся прежде всего к рассказу Геродота как к наиболее ценному источнику информации. Повествование историка о сражении при Фермопилах построено вокруг анализа

последовательно происходящих событий, в центре которых находится спартанский царь Леонид², стоящий во главе союзного войска. Поскольку текст Геродота не поддается однозначному толкованию, в ходе исследования возникает ряд вопросов, в первую очередь о том, какими соображениями руководствовался Леонид, приняв отнюдь не легкое и с военной точки зрения весьма спорное решение остаться у Фермопил уже после того, как стало известно о заходе врагов в тыл.

Результаты и их обсуждение

О царе Леониде известно чрезвычайно мало. К 480 г. до н. э. он находился у власти уже около 10 лет, однако о его деятельности до сражения у Фермопил ничего не известно. Возможно, это связано с нежеланием спартанцев дискредитировать царя, ставшего после фермопильской битвы национальным героем. Но что ему могли инкриминировать? Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, некоторые исследователи предполагают, что царь Клеомен I, сводный брат царя Леонида, не покончил жизнь самоубийством, а стал жертвой заговора, во главе которого стоял именно Леонид, как человек, наиболее заинтересованный в гибели брата. С осторожностью эту версию рассматривает Д. Харви [3]. По мнению П. Картледжа, «Клеомен был убит по приказу... своего младшего сводного брата Леонида. Что касается слухов о пьянстве Клеомена, то, скорее всего, это была дымовая завеса, за которой пытались скрыть как самоубийство царя, так и участие в этом убийстве другого царя» [4, р. 89]. Такого же мнения придерживается и И. Е. Суриков. По его словам, Клеомен I был объявлен сумасшедшим по инициативе родственников, среди которых были не только его братья Леонид и Клеомброт, но и его дочь, а также Горго, супруга Леонида [5, с. 266]. Геродот эту версию не поддерживает, однако исключать такую гипотезу нельзя, о чем свидетельствуют слова Геродота о том, что Леонид «получил спартанский престол неожиданно»³ (Her. VII, 204). Дискуссия по поводу убийства или самоубийства Клеомена I представлена в работах [6, р. 143, note 603; 7, р. 26–51].

Обратимся к событиям в Фермопилах. Как свидетельствует Геродот, в первые два дня противостояния греки успешно отражали нападения персов и даже нанесли противнику значительные потери. Видимо, боевых сил с учетом союзников было достаточно, чтобы отражать атаки персидского войска в ущелье (Her. VII, 202–203).

Однако персидский отряд «бессмертных» во главе со знатным персом Гидарном смог пройти по горной тропе и оказаться в тылу греков. О реакции руководителей союзных отрядов, узнавших, что персы у них в тылу, сообщает Геродот. По его словам, единого мнения о ситуации среди персов не сложилось: «Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили оставаться» (Her. VII, 219). Из этого лаконичного свидетельства следует, что часть армии Леонида фактически дезертировала. Но уже в следующей главе Геродот реабилитирует ушедших, сообщая, что «сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели» (Her. VII, 220, 1). Правда, выглядит это неубедительно. Решение Леонида отпустить союзников Геродот поясняет следующим образом: «...я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь не охотно они подвергаются опасности вместе с ним... и поэтому велел им уходить»⁴ (Her. VII, 220, 2).

Геродот дает еще одно толкование странному с военной точки зрения решению Леонида отпустить союзнические силы: царь, уже осознавая неизбежность гибели, желал стяжать «славу только одним спартанцам» (Her. VII, 220, 4). Однако, скорее всего, данное объяснение возникло позже как романтическая версия поступка Леонида. Акцент в спартанской пропаганде, по крайней мере со времен Тиртея, делался на важности физической подготовки, тренировки и умения сражаться в гоплитском строю. В качестве высших добродетелей признавались мужество и послушание. Поиски воинской славы в этой концепции не занимали важного места [9, р. 133].

Таким образом, основным мотивом Леонида, принявшего роковое решение сражаться и героически погибнуть в бою, был усвоенный с детства императив,

²Леонид (ок. 540–480 гг. до н. э.) принадлежал к царской семье Агиадов и был сыном царя Анаксандрида (560–520 гг. до н. э.). В первом браке у него родились три сына – Дорией, Леонид и Клеомброт, а во втором браке родился один сын, будущий царь Клеомен I (Her. V, 39–41; Paus. III, 3, 9). Леонид был женат на Горго, дочери своего сводного брата Клеомена I, и имел от нее сына Плистарха (Her. V, 41, 48; VII, 205; IX, 10). Поскольку смерть Клеомена I датируется между 491 и 488 гг. до н. э., точное время воцарения Леонида неизвестно [1, р. 275]. Он стал царем примерно в 50 лет [2, р. 21].

³Здесь и далее перевод Г. А. Стратановского.

⁴Э. Пауэлл полагает, что свидетельство Геродота о Леониде, добровольно отославшем греческих союзников, может быть идеализированной ложной историей [8, р. 14].

который предписывал спартиатам никогда не поворачиваться к противнику спиной. Видимо, на последнем военном собрании Леонид вполне мог объяснить свое твердое решение остаться и принять бой тем, что «ему самому и его спартиатам не

подобает... покинуть место, на защиту которого их как раз и послали» (Her. VII, 220, 1). Послушание, как великая добродетель, выдвигается на первый план и в знаменитой эпитафии погибшим спартиатам, которую цитирует Геродот:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли (Her. VIII, 228, 2).

Геродот дает и альтернативное объяснение роковому решению Леонида сражаться до последнего воина: царь действовал так, следуя изречению дельфийского Аполлона. Геродот утверждает, что Леонид знал об оракуле⁵, полученном спартиатами еще в самом начале Греко-персидских войн:

«Или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет» (Her. VII, 220, 3; Justin. II, 11, 8). Обращает на себя внимание тот факт, что Геродот не ограничился краткой прозаической формой этого прорицания и привел его стихотворный вариант⁶:

Ныне же вам изреку, о жители Спарты обширной:
Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов
Будет повергнут во прах, а не то – из Гераклова рода
Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область.
Не одолеет врага ни бычачья, ни львиная сила,
Ибо во брани Зевсова мощь у него и брань он не прежде
Кончит, чем град целиком иль царя на куски растерзает⁷ (Her. VII, 220, 4).

Геродот не сомневается в подлинности данного прорицания, согласно которому жертвенная смерть царя должна стать ценой спасения Спарты. У более поздних античных авторов подлинность этого оракула также не вызывает сомнений (Diod. XI, 4, 4; Plut. Pelop. 21).

Геродот ограничился только цитированием обоих вариантов прорицания и не привел своих комментариев. Ничего он не сообщает и о реакции спартиатов на дельфийское пророчество, предсказавшее гибель царя. Э. Пауэлл считает это весьма странным. Он напоминает, что пророчества, которые были даны Афинам примерно в то же время (Her. VII, 139–143), совершенно другие, более загадочные. К тому же Геродот наполняет свой рассказ об этих пророчествах многочисленными деталями: он называет имена пифии и одного из ведущих жрецов (Her. VII, 140–141), приводит различные интерпретации предсказаний, смысл которых был непонятен афинянам (Her. VII, 142–143) [12, p. 41–42].

Вопрос о подлинности оракула, данного спартиатам, встает уже после битвы при Фермопилах.

Гипотезу о вымышленности оракула поддерживали большинство ученых, когда-либо затрагивавших эту тему⁸. Историчность дельфийского пророчества вызывала и вызывает сомнения прежде всего потому, что оно является слишком простым, недвусмысленным и точно воспроизводит ситуацию сражения при Фермопилах. Если признать оракул ложным, возникает вопрос о хронологии: когда в таком случае он мог появиться? Г. Парк полагал, что поддельное пророчество было составлено вскоре после фермопильской битвы с целью морально поддержать спартиатов и укрепить их стойкость. Как считает Г. Парк, оракул вполне мог быть создан с помощью дельфийского жречества [15, p. 44]. По мнению Г. Цайльхофера, пророчество возникло после сражений при Саламине и Платеях, когда судьба Греции была уже решена и стало возможным заявить (как это сделано в оракуле), что после гибели царя Спарте больше ничего не угрожает [16, S. 22]. В любом случае предполагается, что подделка появилась в ближайшие после сражения у Фермопил годы.

⁵Объем сакральной власти, которой были наделены спартиатские цари, по греческим стандартам являлся колоссальным. Спартиатские цари, будучи верховными жрецами общины, заведовали отношениями Спарты с Дельфами и хранили записи оракульных ответов (Xen. Lac. pol. 15, 1–4). Цари были единственными доминантными фигурами, осуществлявшими контакты святилища в Дельфах и Спарте. Пифии, их помощники, скорее всего, полностью зависели от царей и подчинялись им. Цари, видимо, влияли не только на получение предсказания, но и на его толкование, а при необходимости и на раскрытие опасной или секретной информации [10, с. 264–266].

⁶По свидетельству Страбона, в Дельфах существовала практика переложения прозаических оракулов в тонические: «...пифия вдыхает испарения и затем изрекает оракулы в стихах и в прозе; прозаические оракулы перелажались в стихи поэтами, жившими при храме» (Strab. IX, 3, 5).

⁷В последней строке употребляется глагол διαδάττωαι, имеющий значения «разорвать», «растерзать». Комментаторы Геродота видят в этом намек на изувечение трупа Леонида по приказу разъяренного Ксеркса (Her. VII, 238) [11, comment. on VII, 220, 4].

⁸До этого подлинность оракула оспаривали К. Ю. Белох [13, S. 91ff] и Эд. Мейер [14, S. 348, Anm. 1].

Комментаторы трудов Геродота У. Хау и Д. Уэллс рассматривали дельфийское прорицание определенно как «предсказание после события». По мнению ученых, оно несовместимо с поведением Леонида в ходе всей военной кампании⁹. Дж. Эванс также не признает подлинности оракула и полагает, что он «заключает в себе все признаки *vaticinium post eventum*, призванного восстановить боевой дух в Греции после поражения спартанцев при Фермопилах» [17, р. 231]. Леонид, принимая решение сражаться у Фермопил, не мог руководствоваться этим пророчеством, поскольку его еще просто не существовало. В противном случае, как уверяет Дж. Эванс [17, р. 232], царь не оставил бы в своих рядах отряды феспийцев¹⁰ и фиванцев¹¹. В качестве требуемой жертвы вполне достаточно было гибели самого Леонида. Больше оракул ничего и не требовал. Даже гибель всего отряда была уже избыточной.

Еще одно объяснение появления поддельного оракула дает Дж. Фонтенроуз. По его мнению, прорицание является репликой оригинала – оракула из области мифической истории Афин: «Конечно, этот оракул сочинен *post eventum*, ибо он повторяет тему другого оракула, некогда данного мифическому царю Афин Кодру... Героическая смерть Леонида и его небольшого отряда напоминает эту старую легенду: Леонид, подобно Кодру, охотно умер, спасая свой город. Таким образом, это пророчество было сочинено как оракул, в котором героизм Леонида соответствовал бы легенде о Кодре»¹² [18, р. 78].

В последнее время исследователи, как правило, довольно осторожны в оценке подлинности Дельфийского оракула. Так, М. Лупи полагает, что по крайней мере метрический вариант пророчества не поддается однозначной оценке: «Семь стихотворных строк, кто бы их ни составил, по правде говоря, оставляют много сомнений, является ли этот оракул *post eventum* или нет» [19, р. 357]. Однако слишком явная ссылка на смерть царя, отмечает М. Лупи, заставляет склониться в пользу интерпретации стихотворного оракула как появившегося после событий у Фермопил [19, р. 359].

Аналогичного мнения придерживаются Н. Рише [20, р. 250] и Э. Пауэлл. Последний полагает, что имя

Леонид олицетворяет льва, упомянутого в стихотворном оракуле, а это соответствие слишком точное, чтобы быть подлинным. Подлинность данного пророчества вызывает сильные сомнения также из-за отсутствия в нем привычных для дельфийского пророчества черт: двусмысленности, трудно понимаемых аллегорий и вариативности толкований [12, р. 41].

В меньшем числе пребывают сторонники подлинности данного пророчества, особенно его поэтического варианта. Так, по словам Л. Э. Росси, единственной гарантией подлинности стихотворного прорицания является наличие в тексте «технической некорректности и стилистического уродства» [21, р. 208–209]. Однако его аргументы не кажутся нам особенно убедительными. Еще одним способом спасти репутацию оракула оказываются попытки связать его появление с другим историческим контекстом. По мнению Д. Кинаста, позднейшим измышлением следует признать не само прорицание, а толкование, которое дает ему Геродот. Немецкий исследователь относит возникновение дельфийского предсказания к более раннему эпизоду спартанской истории и связывает его с царем Демаратом, отстраненным от царской власти с помощью интриг Клеомена I. После событий при Фермопилах это прорицание, как считает Д. Кинаст, стали связывать с царем Леонидом [10, с. 265–266; 22, S. 125; 23, с. 25].

На основании краткого обзора можно предположить, что прозаическая и стихотворная версии оракула возникли в разное время. Первая версия, прозаическая, могла появиться, как свидетельствует Геродот, если не в самом начале войны, то в начале нашествия Ксеркса¹³ (Her. VII, 220, 3), а вторая версия, стихотворная, возникла уже после событий у Фермопил. Анализ стихотворного прорицания явно указывает на то, что оно создано тогда, когда уже было известно и об исходе сражения, и об изувечении трупа царя, а упоминание львиной силы, конечно, связано с именем главнокомандующего Леонида.

Но если это действительно так, то что подтолкнуло дельфийских жрецов дать первое прозаическое предсказание? Возможно, как это не раз бывало в истории отношений спартанских царей и Дельфийского

⁹Согласно Геродоту Леонид был послан во главе небольшого спартанского отряда в качестве авангарда, который должен был побудить членов Пелопоннесской лиги присоединиться к нему (Her. VII, 202). По окончании Карней спартанцы собирались отправить на помощь Леониду более внушительное войско. Видимо, так же после Олимпийских игр намеревались поступить и пелопоннесские союзники (Her. VII, 202–206). То, что помощь так и не была послана, Геродот объясняет слишком быстрым развитием событий (Her. VII, 206, 2).

¹⁰Отряд из 700 феспийцев был единственным, выразившим твердое желание остаться с Леонидом, и у царя не было никаких оснований отказываться от его помощи. Если судьба пелопоннесских союзников еще могла его волновать, то о спасении ополчения какого-то беотийского городка он думал меньше всего.

¹¹Трудно сказать, в каком качестве Леонид оставил при себе фиванцев: как заложников согласно повествованию Геродота (Her. VII, 222) или как добровольцев по версии адвоката беотийцев Плутарха (Mor. 867a, 867b = De Her. mal. 33). Этот вопрос остается дискуссионным.

¹²Описание данной мифической истории представлено в ряде работ античных авторов (Paus. VII, 25, 2; Cic. Tusc. disput. I, 116; Justin. II, 6, 20).

¹³Хронология Геродота не обладает абсолютной точностью.

оракула¹⁴, главным интересантом в данном случае оказался именно царь. Около 480 г. до н. э. Леонид был уже пожилым человеком. Он не так давно стал царем, а ранее, видимо, вел интриги против своего сводного брата царя Клеомена I. Во всяком случае его в этом подозревали. Возможно, во время своего правления Леонид искал любую возможность как-то отличиться. Перед серьезной военной угрозой со стороны армии Ксеркса, видимо, именно он отправился в Дельфы за советом и помощью божества. Леонид хотел возглавить союзное войско и надеялся, что благодаря недвусмысленному пророчеству, полученному в Дельфах, именно он, а не его более молодой коллега Леотихид (правил в 491–469 гг. до н. э.) добьется от эфоров этого назначения. Задумка Леонида осуществилась. Из двух царей выбор пал именно на него. Вероятно, Леонид сумел убедить эфоров в целесообразности назначения главнокомандующим войсками союзников именно его. В качестве аргумента в свою пользу он мог использовать полученное в Дельфах прорицание. Стоит заметить, что прозаическая и стихотворная формы оракула построены исключительно вокруг фигуры спартанского царя.

В прорицании идет речь о гибели царя как об обязательном условии спасения Спарты. В нем нет ни слова о необходимости гибели всего отряда воинов. Возможно, сразу после напрасной гибели 300 спартиатов (а именно так это могло восприниматься в Спарте) решение Леонида остаться в окружении и погибнуть не выглядело таким уж однозначным. В первый момент спартанцы вряд ли оценили тот колоссальный моральный ресурс, обладательницей которого стала Спарта, как оказалось, на многие века. Однако потеря 300 граждан выступила серьезным ударом для государства и значительно ускорила уже начавшийся процесс олигантропии («малолюдства»)¹⁵.

Вероятно, когда пророчество сбылось, семья Агиадов начала разрабатывать собственную интерпретацию событий, произошедших у Фермопил, согласно которой Леонид совершил акт самопожертвования. Причем такая интерпретация несколько отличалась от государственной точки зрения. Скорее всего, Агиады акцентировали

внимание исключительно на подвиге Леонида, а в официальной версии акцент делался скорее на подвиге 300 спартиатов, погибших вместе с царем [19, р. 354]. Указанные традиции различались, но имели спартанское происхождение. В ближайшие после событий у Фермопил годы и появился (не без участия Агиадов) стихотворный вариант краткого прозаического оракула, где тема гибели царя приобрела эпическое звучание. Агиадам, вероятно, снова помог Дельфийский оракул, с которым у семьи были длительные дружественные связи [1, р. 279; 19, р. 353–354].

Уже ко времени Геродота сложился романтизированный образ Леонида как героя и благочестивого царя, самоотверженно жертвующего собой ради спасения Родины. Это хорошо видно по той безусловно положительной оценке, которую дает Леониду Геродот. Историк высоко оценивает царя, утверждая, что тот «особенно достоин восхищения» (Her. VII, 204). Из контекста ясно, что Геродот имел в виду полководческие таланты Леонида. К своей оценке историк прилагает генеалогию царя, перечислив всех его предков вплоть до Геракла (Her. VII, 204). Подобное происхождение Леонида сближает его с гомеровскими героями и делает рассказ Геродота о Фермопилах эпически масштабным. Гомеровский колорит еще более усиливается в повествовании о смерти царя и борьбе за его тело (Her. VII, 224–225) [26, р. 238].

В трудах Геродота царь Леонид предстает в качестве отличного полководца, а не самоубийцы, погубившего и себя, и весь свой отряд. Рассказ Геродота, как отметили его комментаторы, «подразумевает только опасность, а не самоуничтожение» [11, comment. on VII, 221]. У Геродота нет даже намека на то, что роковое пророчество было для Леонида руководством к действию. Концепция героической гибели Леонида и его отряда полностью сложилась только в поздней историографии. И только тогда появилась версия, согласно которой Леонид, зная о своей участи, чуть ли не с радостью шел ей навстречу. Так, Плутарх сообщает, что «перед выступлением отряда Леонида в поход спартанцы устроили... надгробное состязание; зрителями на этом состязании были отцы и матери отправлявшихся»¹⁶

¹⁴Дельфы помогли Агиаду Клеомену I избавиться от своего соперника царя Демарата. Клеомен I привлек на свою сторону Кобона, «весьма влиятельного человека в Дельфах», и получил от пифии нужный ему ответ (Her. VI, 66). Возможно, здесь имел место подкуп. Дельфийские жрецы помогли вернуть власть Агиаду Плистоанакту (правил с большим перерывом в 459–409 гг. до н. э.), уличенному в получении взятки от врага (Thuc. II, 21, 1; V, 16, 3; Plut. Per. 22–23). Ходили слухи, что Плистоанакт, тяготясь частью изгнанника, отправился в Дельфы за помощью и получил ее (Thuc. V, 16, 2). Реабилитация Агиада Павсания, регента и героя Платей, также связана с Дельфами: от спартанцев неоднократно требовали достойно похоронить Павсания и воздвигнуть в его честь два памятника (Thuc. I, 134, 4; Diod. XI, 45, 8–9). Подобные сведения об особой связи между семьей Агиадов и Дельфами в V в. представлены в работе [24, р. 57–59].

¹⁵Под олигантропией имеется в виду катастрофическое сокращение гражданского населения Спарты, на что обращал внимание уже Ксенофонт (Lac. pol. 1, 1) [25].

¹⁶Перевод С. Я. Лурье.

(Plut. Mor. 866b = De Her. mal. 32)¹⁷. У Геродота такое свидетельство отсутствует.

Леонид и его отряд были удостоены небывалых почестей. На их примере воспитывалась спартанская молодежь. Недаром могилу Леонида поместили в центре Спарты близ агоры и святилища Афины¹⁸ (Paus. III, 14, 1). Там же находилась и стела с именами спартиатов, погибших вместе с царем [1, р. 279]. По словам Геродота, каждого из воинов Леонид знал поименно (Her. VII, 224). Это означает, что историк уже был свидетелем увековечения их памяти. Но саму стелу с именами спартиатов Геродот не упоминает, видимо, в те времена она еще не су-

ществовала. Вполне возможно, что процесс увековечения имен героев сражений у Фермопил, начавшийся в устной форме, позже олицетворился уже в виде записи на указанной стеле¹⁹ [29, р. 101–102]. Традицию «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» Плутарх объясняет необходимостью усилить наглядную агитацию (особенно в отношении спартанской молодежи), наполнить «город множеством поучительных примеров» (Luc. 27, 1–2). Возможно, Леонид был первым спартанцем, удостоившимся чести иметь отдельный памятник, расположенный не в месте захоронения Агиадов²⁰.

Заключение

Спарта приложила значительные усилия, чтобы трансформировать военное поражение при Фермопилах в победу своих политических и моральных ценностей. Поведение Леонида и его отряда было признано в Спарте образцовым и стало обязательным этическим императивом для любого истинного спартиата. По словам Э. Пауэлла, «может быть, самым необычным достижением Спарты с участием Фермопил было создание мифа, который стал стимулировать ее собственных граждан к проявлению в целом успешной, хотя часто фатальной, храбрости в будущем» [8, р. 24].

Об успехе патриотического воспитания, основанного на подобных образцах, можно судить на примере Калликратида, спартанского наварха в 406–405 гг. до н. э., сменившего на этом посту Лисандра (Xen. Hell. I, 6, 1; Diod. XIII, 76; Plut. Lys. 6). Калликратида предсказывали смерть в битве и связывали ее со спартанской победой (Plut. Mor. 222f = Apoph. Lac. 43, 6), что напоминает о гибели Леонида у Фермопил. В афоризме, который Плутарх приписывает Калликратиду, четко прослеживается мысль о том, что государство имеет большую ценность, чем личность²¹. У Плутарха и Диодора (в отличие от Ксенофонта) мы находим уже вполне сконструированный в романтическом

ключе образ Калликратида, гибнущего ради спасения Отечества [30, р. 76].

За мифом о Леониде и его отряде скрывалась действительность, но она была сильно стилизованной и упрощенной по образцу любой патриотической пропаганды. Интегральной частью этого мифа стал оракул, согласно которому условием спасения Спарты была объявлена гибель ее царя. Геродот приводит обе версии этого прорицания как подлинные, но, на наш взгляд, прозаический и стихотворный варианты оракула возникли, скорее всего, в разное время. Первая версия, краткая, действительно могла появиться, как свидетельствует Геродот (Her. VII, 220, 3), в самом начале Греко-персидских войн. Леонид и его хитроумная жена Горго вполне могли иметь отношение к созданию подобного прорицания, хотя такая интерпретация событий в любом случае остается всего лишь предположением. Вторая же версия, тоническая, возникла уже после событий у Фермопил. Она представляет собой одну из деталей начавшейся после сражения кампании по прославлению его героев²². Судя по содержанию стихотворного варианта, он, вероятно, появился благодаря усилиям царского рода Агиадов, к которому принадлежал Леонид. Семья Агиадов более всего была заинтересована

¹⁷По Геродоту, «Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в триста человек, и притом таких, у кого уже были дети» (Her. VII, 205, 2). Если последний фрагмент не был дописан позднее, то, видимо, Леонид вместо своей обычной свиты, состоявшей из 300 спартанских «всадников», отобрал такое же количество рядовых спартиатов, уже имеющих сыновей и не относящихся к «всадникам» [27, р. 68, 70]. Такой поступок вполне объясним. Предприятие было действительно связано с повышенным риском, а ценность жизни немногочисленных спартиатов, тем более «всадников», была достаточно высока. Спартанские «всадники» представляли собой элитарный отряд, куда входили 300 молодых людей в возрасте 20–29 лет, принадлежавших «к самым славным домам» Спарты (Dionys. Hal. II, 13, 1). Они охраняли царя в походе (Her. VIII, 124, 3; Thuc. V, 72, 4; Xen. Lac. pol. 4, 3), а в мирное время выполняли особо важные правительственные поручения (Xen. Hell. III, 3, 9). Леонид сохранил традиционную численность своей свиты, но изменил ее состав.

¹⁸Размещение могил в центре города было разрешенным актом, санкционированным согласно традиции еще Ликургом (Plut. Mor. 238d = Inst. Lac. 18).

¹⁹Все спартанцы, павшие при Фермопилах, почитались как герои даже в римское время (IG. V, 1, 660) [28, р. 153–154].

²⁰Захоронения в пределах городской черты в классический период считались исключительным явлением. Этой чести удостоились немногие, например Брасид в Амфиполе (Thuc. V, 11, 1), Эвфрон в Сикионе (Xen. Hell. VII, 3, 12) и Тимолонт в Сиракузах (Plut. Tim. 29).

²¹У Диодора перед морским сражением при Аргинусах Калликратид заявляет о том, что готов умереть согласно полученному предсказанию (Diod. XIII, 97, 4–98, 2).

²²Напомним, что на месте сражения при Фермопилах был воздвигнут целый комплекс надгробных памятников с эпитафиями, три из которых цитирует Геродот (Her. VII, 228).

как в реабилитации Леонида, лишившего Спарту 300 граждан, так и в интерпретации его действий как обязательных для правоверного спартиата. Стихотворный вариант прорицания является, по сути, комментарием к первой, краткой, версии. В нем содержится оправдание Леонида, у которого не было другого выхода, как пожертвовать собой и своими соратниками ради спасения Спарты. Возможно, оракул появился благодаря манипуляциям кого-либо из дружественных Агиадам дельфийцев.

Мы полагаем, что прозаический оракул никоим образом не влиял на принимаемые Леонидом решения. В трудах Геродота нет ни слова о том, что Леонид действовал под влиянием этого пророчества. Наоборот, Геродот изображает спартанского царя талантливым полководцем, принимающим стратегически верные решения. Видимо, Леонид, не будучи суеверным, мог использовать прорицания, особенно дельфийские, ради достижения своих целей²³, но при этом не обязательно следовал им.

Спартанские цари не раз пытались решать свои частные проблемы с помощью Дельфийского оракула. При острой необходимости цари вмешивались даже в процесс создания прорицаний, задавая Зевсу в Додоне или Аполлону в Дельфах такие вопросы, на которые можно было получить только нужный им ответ. Имен-

но так поступили Агесилай II (Plut. Mor. 208f–209a) и Агесиполид I (Xen. Hell. IV, 7, 2). Манипуляции с предсказаниями были обычными практиками спартанских басилевсов. Такой смелостью они сильно отличались от своих богобоязненных и крайне суеверных сограждан. Ведь, чтобы решиться на подкуп пифии или фабрикации предначертаний, требовалось проявить цинизм.

Можно сделать вывод о том, что основным мотивом Леонида, решившего остаться в Фермопилах даже после того, как он узнал об окружении, было твердо усвоенное с детства представление об образе спартиата, который не может показать свою спину противнику, не может обратиться в бегство. В этом были убеждены не только сами спартанцы, но и вся Греция. По словам Фукидида, «мнение о лакедемонянах заключалось в том, что ни голод, ни какая-либо крайность не заставят их сдать оружие, но они сохраняют его, сражаясь» (Thuc. IV, 40, 1). Спартанцев воспитывали на примере героических деяний их предков, для которых славная гибель в бою выступала ценностью. Героическая смерть спартанца прославляла не только его самого²⁴, но и всю его семью, была предметом гордости для всех его родственников (Xen. Hell. VI, 4, 16). Таким образом, для Леонида и для его отряда, состоящего только из спартиатов, об отступлении не было и речи.

Библиографические ссылки

1. Lupi M. Sparta and the Persian Wars, 499–478. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 271–290.
2. Grant JR. Leonidas' last Stand. *Phoenix*. 1961;15:14–27.
3. Harvey D. Leonidas the Regicide? Speculations on the death of Kleomenes I. Bowersock GW, Burkert W, Putnam MCJ, editors. *Arktouros. Hellenic Studies presented to Bernard M. W. Knox*. Berlin: De Gruyter; 1979. p. 253–260.
4. Cartledge P. *The Spartans: an epic history*. London: Channel 4 Books; 2002. 285 p.
5. Суриков ИЕ. *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. Москва: Наука; 2005. 351 с.
6. Huxley GL. *Early Sparta*. London: Faber; 1962. 164 p.
7. Griffiths A. Was Kleomenes Mad? In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 26–51.
8. Powell IA. Sparta. Reconstructing history from secrecy, lies and myth. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 3–28.
9. Hooker JT. Spartan propaganda. In: Powell A, editor. *Classical Sparta, techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 122–141.
10. Кулишова ОВ. *Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2001. 432 с.
11. How WW, Wells J. *A commentary on Herodotus. Volume 2, books 5–9*. Oxford: Clarendon Press; 1912. 458 p.
12. Powell A. Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta. *Kernos: Revue Internationale et Pluridisciplinaire de Religion Grecque Antique*. 2009;22:35–82. DOI: 10.4000/kernos.1767.
13. Beloch KJ. *Griechische Geschichte. Band 2*. Strassburg: Trübner; 1916. 432 S.
14. Meyer Ed. *Geschichte des Altertums. Band 4*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1954. 356 S.
15. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic oracle. Volume 2, The oracular responses*. Oxford: Blackwell; 1956. 271 p.
16. Zeilhofer G. *Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5 Jahrhundert vor Christus* [dissertation]. Erlangen: [s. n.]; 1959. 80 S.
17. Evans JAS. The «final problem» at Thermopylae. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1964;5(4):231–237.
18. Fontenrose JE. *The Delphic oracle. Its responses and operations, with a catalogue of responses*. Berkeley: University of California Press; 1978. 496 p.
19. Lupi M. Oracoli ed eroicizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. In: Nicolai R, editor. *Seminari Romani di Cultura Greca, n. s. III*. Roma: Edizioni Quasar; 2014. p. 353–370.
20. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–252.

²³Спартанские басилевсы, судя по поступкам некоторых из них, например Клеомена I (Her. VI, 61–64; 75, 3; 79–81), не отличались особой религиозностью и не были суеверны. Это объясняется тем, что они пользовались большей свободой, чем остальные спартиаты. В частности, они были единственными спартанцами, освобожденными от многолетнего пребывания в школах-казармах (Plut. Ages. 1, 1), на них не распространялся закон, запрещающий выезжать за пределы страны (Xen. Lac. pol. 14, 4).

²⁴Могилы рядовых спартиатов были безымянными (Plut. Luc. 27, 2), но имена погибших в сражениях писались на могильных камнях (Plut. Mor. 238d = Inst. Lac. 18).

21. Rossi LE. Gli oracoli come documento di improvvisazione. Brillante C, Cantilena M, Pavese CO, editors. *I poemi epici rap-sodici non omerici e la tradizione orale. Atti del convegno; 1977 settembre 28–30; Venezia, Italy*. Padova: Antenore; 1981. p. 203–221.
22. Kienast D. Die Politizierung des griechischen Nationalbewusstseins und die Rolle Delphis im grossen Perserkrieg. In: Shubert C, Brodersen K, Huttner U, editors. *Rom und der griechische Osten. Festschriften fuer H. H. Schmitt zum 65 Geburtstag*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1995. S. 117–133.
23. Кулишова ОВ. Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте. *Вестник древней истории*. 2001;3:17–35.
24. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria: Edizioni dell'Orso; 2008. 217 p.
25. Doran T. Spartan oliganthropia. *Ancient History*. 2018;1–2:1–106.
26. Zali V. Suspense in Herodotus' narrative of the battle of Thermopylae. Konstantakos IM, Liotsakis V, editors. *Suspense in Ancient Greek literature*. Berlin: De Gruyter; 2021. p. 229–241.
27. Lazenby JF. *The Spartan army*. Mechanicsburg: Stackpole Books; 2012. 280 p.
28. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: memory of the dead and identity in Roman Sparta. In: Cavanagh H, Cavanagh W, Roy J, editors. *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the conference; 2009 April 23–25; Sparta, Greece*. Nottingham: University of Nottingham; 2011. p. 151–161.
29. Allgaier B. *Embedded Inscriptions in Herodotus and Thucydides*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2022. 198 p.
30. Scott AG. The Spartan heroic death in Plutarch' Laconian Apophthegms. *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. 2015;143:72–82.

References

1. Lupi M. Sparta and the Persian Wars, 499–478. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 271–290.
2. Grant JR. Leonidas' last Stand. *Phoenix*. 1961;15:14–27.
3. Harvey D. Leonidas the Regicide? Speculations on the death of Kleomenes I. Bowersock GW, Burkert W, Putnam MCJ, editors. *Arktouros. Hellenic Studies presented to Bernard M. W. Knox*. Berlin: De Gruyter; 1979. p. 253–260.
4. Cartledge P. *The Spartans: an epic history*. London: Channel 4 Books; 2002. 285 p.
5. Surikov IE. *Antichnaya Gretsya: politiki v kontekste ehpokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece: politicians in the context of epoch: Archaic and Early Classical period]. Moscow: Nauka; 2005. 351 p. Russian.
6. Huxley GL. *Early Sparta*. London: Faber; 1962. 164 p.
7. Griffiths A. Was Kleomenes Mad? In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 26–51.
8. Powell IA. Sparta. Reconstructing history from secrecy, lies and myth. In: Powell IA, editor. *A companion to Sparta. Volume 1*. Hoboken: Wiley-Blackwell; 2018. p. 3–28.
9. Hooker JT. Spartan propaganda. In: Powell A, editor. *Classical Sparta, techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 122–141.
10. Kulishova OV. *Del'fiiskii orakul v sisteme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnoshenii (VII–V vv. do n. eh.)* [The Delphic oracle in the system of ancient interstate relations (7th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2001. 432 p. Russian.
11. How WW, Wells J. *A commentary on Herodotus. Volume 2, books 5–9*. Oxford: Clarendon Press; 1912. 458 p.
12. Powell A. Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta. *Kernos: Revue Internationale et Pluridisciplinaire de Religion Grecque Antique*. 2009;22:35–82. DOI: 10.4000/kernos.1767.
13. Beloch KJ. *Griechische Geschichte. Band 2*. Strassburg: Trübner; 1916. 432 S.
14. Meyer Ed. *Geschichte des Altertums. Band 4*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1954.
15. Parke HW, Wormell DEW. *The Delphic oracle. Volume 2, The oracular responses*. Oxford: Blackwell; 1956. 271 p.
16. Zeilhofer G. *Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5 Jahrhundert vor Christus* [dissertation]. Erlangen: [s. n.]; 1959. 80 S.
17. Evans JAS. The «final problem» at Thermopylae. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1964;5(4):231–237.
18. Fontenrose JE. *The Delphic oracle. Its responses and operations, with a catalogue of responses*. Berkeley: University of California Press; 1978. 496 p.
19. Lupi M. Oracoli ed eroizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. In: Nicolai R, editor. *Seminari Romani di Cultura Greca, n. s. III*. Roma: Edizioni Quasar; 2014. p. 353–370.
20. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–252.
21. Rossi LE. Gli oracoli come documento di improvvisazione. Brillante C, Cantilena M, Pavese CO, editors. *I poemi epici rap-sodici non omerici e la tradizione orale. Atti del convegno; 1977 settembre 28–30; Venezia, Italy*. Padova: Antenore; 1981. p. 203–221.
22. Kienast D. Die Politizierung des griechischen Nationalbewusstseins und die Rolle Delphis im grossen Perserkrieg. In: Shubert C, Brodersen K, Huttner U, editors. *Rom und der griechische Osten. Festschriften fuer H. H. Schmitt zum 65 Geburtstag*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1995. S. 117–133.
23. Kulishova OV. [The oracle of Delphi in the Greco-Persian conflict]. *Vestnik drevnei istorii*. 2001;3:17–35. Russian.
24. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria: Edizioni dell'Orso; 2008. 217 p.
25. Doran T. Spartan oliganthropia. *Ancient History*. 2018;1–2:1–106.
26. Zali V. Suspense in Herodotus' narrative of the battle of Thermopylae. Konstantakos IM, Liotsakis V, editors. *Suspense in Ancient Greek literature*. Berlin: De Gruyter; 2021. p. 229–241.
27. Lazenby JF. *The Spartan army*. Mechanicsburg: Stackpole Books; 2012. 280 p.
28. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: memory of the dead and identity in Roman Sparta. In: Cavanagh H, Cavanagh W, Roy J, editors. *Honouring the Dead in the Peloponnese. Proceedings of the conference; 2009 April 23–25; Sparta, Greece*. Nottingham: University of Nottingham; 2011. p. 151–161.
29. Allgaier B. *Embedded Inscriptions in Herodotus and Thucydides*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 2022. 198 p.
30. Scott AG. The Spartan heroic death in Plutarch' Laconian Apophthegms. *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. 2015;143:72–82.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГРАЖДАНСКУЮ (1763–1871)

О. В. ЕРОХИНА^{1), 2)}, А. А. КАЙРЯК²⁾

¹⁾Московский педагогический государственный университет,
пр. Вернадского, 88, 119571, г. Москва, Россия

²⁾Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается формирование этнической идентичности у немцев, переселившихся в Российскую империю во второй половине XVIII в., а также трансформация данной идентичности в гражданскую. Анализируется жизнь немецких переселенцев в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии. Делается вывод о том, что у городских немцев и сельских немцев (колонистов) преобразование этнической идентичности в гражданскую проходило по-разному. Его специфика была обусловлена вероисповеданием, сословной принадлежностью, а также экономической самодостаточностью немцев. До конца XVIII в. они стремились сохранять свою этническую идентичность, поэтому разговаривали на немецком языке, записывались в немецкие ремесленные цехи, заключали браки с этническими немцами. В конце XVIII в. начался процесс развития гражданской идентичности у городских немцев Санкт-Петербурга. Они тесно контактировали с русским населением, поэтому стремились изучать русский язык, получать образование в русских учебных заведениях и т. д. Отмечается, что у колонистов, которые находились под влиянием общины и имели многочисленные льготы, трансформация идентичности происходила медленнее. Началу данной трансформации поспособствовали модернизационные процессы в государстве в середине XIX в. У немецких колонистов Санкт-Петербургской губернии преобразование этнической идентичности в гражданскую началось несколько раньше, уже в начале XIX в.

Ключевые слова: этническая идентичность; гражданская идентичность; Российская империя; Санкт-Петербург; Санкт-Петербургская губерния; городские немцы; колонисты.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (грант № 23-18-20025).

Образец цитирования:

Ерохина ОВ, Кайряк АА. Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:42–55. EDN: PJIGEF

For citation:

Erokhina OV, Kayryak AA. Transformation of the ethnic identity of the Germans of the Saint Petersburg province into a civil one (1763–1871). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:42–55. Russian. EDN: PJIGEF

Авторы:

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики¹⁾, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа²⁾.

Анна Алексеевна Кайряк – лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа.

Authors:

Olga V. Erokhina, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Russia, Institute of History and Politics^a, and chief researcher at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis^b.
ov.erokhina@mpgu.su

<https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>

Anna A. Kayryak, laboratory assistant at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.
anna_solveig@mail.ru

ПЕРАЎТВАРЭННЕ ЭТНІЧНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ НЕМЦАЎ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ГРАМАДЗЯНСКУЮ (1763–1871)

В. В. ЯРОХІНА^{1*}, Г. А. КАЙРАК^{2*}

^{1*} Маскоўскі педагагічны дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Вярнадскага, 88, 119571, г. Масква, Расія

^{2*} Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
Пецярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Разглядаецца фарміраванне этнічнай ідэнтычнасці ў немцаў, якія перасяліліся ў Расійскую імперыю ў другой палове XVIII ст., а таксама трансфармацыя этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую. Аналізуецца жыццё нямецкіх перасяленцаў у Санкт-Пецярбургу і Санкт-Пецярбургскай губерні. Робіцца выснова аб тым, што ў гарадскіх немцаў і сельскіх немцаў (каланістаў) пераўтварэнне этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую адбывалася па-рознаму. Яго спецыфіка была абумоўлена веравызнаннем, саслоўнай прыналежнасцю, а таксама эканамічнай самадастатковасцю немцаў. Да канца XVIII ст. яны імкнуліся захоўваць сваю этнічную ідэнтычнасць, таму размаўлялі на нямецкай мове, запісваліся ў нямецкія рамесніцкія цэхі, заключалі шлюбы з этнічнымі немцамі. У канцы XVIII ст. пачаўся працэс развіцця грамадзянскай ідэнтычнасці ў гарадскіх немцаў Санкт-Пецярбурга. Яны цесна кантактавалі з рускім насельніцтвам, таму імкнуліся вывучаць рускую мову, атрымліваць адукацыю ў рускіх навучальных установах і г. д. Адзначаецца, што ў каланістаў, якія знаходзіліся пад уплывам абшчыны і мелі шматлікія льготы, трансфармацыя ідэнтычнасці адбывалася больш павольна. Пачатку гэтай трансфармацыі паспрыялі мадэрнізацыйныя працэсы ў дзяржаве ў сярэдзіне XIX ст. У нямецкіх каланістаў Санкт-Пецярбургскай губерні пераўтварэнне этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую пачалося крыху раней, у пачатку XIX ст.

Ключавыя словы: этнічная ідэнтычнасць; грамадзянская ідэнтычнасць; Расійская імперыя; Санкт-Пецярбург; Санкт-Пецярбургская губерня; гарадскія немцы; каланісты.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду і Санкт-Пецярбургскага навуковага фонду (грант № 23-18-20025).

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE GERMANS OF THE SAINT PETERSBURG PROVINCE INTO A CIVIL ONE (1763–1871)

O. V. EROKHINA^{a,b}, A. A. KAYRYAK^b

^a Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadskogo Avenue, Moscow 119571, Russia

^b Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia

Corresponding author: O. V. Erokhina (ov.erokhina@mpgu.su)

The formation of ethnic identity among Germans who moved to the Russian Empire in the second half of the 18th century is considered, as well as the transformation of this identity into a civil one. The life of German settlers in Saint Petersburg and the Saint Petersburg province is analysed. It is concluded that among urban Germans and rural Germans (colonists) the process of transition from ethnic identity to civil identity took place differently. Its specificity was determined by the religion, class, and economic self-sufficiency of the Germans. Until the end of the 18th century they sought to preserve their ethnic identity and therefore they spoke German, enrolled in German craft guilds, and married ethnic Germans. At the end of the 18th century the process of developing civic identity among the urban Germans of Saint Petersburg began. They were in close contact with the Russian population, so they sought to learn the Russian language, get an education in Russian educational institutions, etc. It is noted that among the colonists, who were under the influence of the community and had numerous benefits, the transformation of identity occurred more slowly. The beginning of this transformation was facilitated by modernisation processes in the state in the middle of the 19th century. Among the German colonists of the Saint Petersburg province, the transformation of ethnic identity into civil identity began somewhat earlier, already at the beginning of the 19th century.

Keywords: ethnic identity; civic identity; Russian Empire; Saint Petersburg; Saint Petersburg province; urban Germans; colonists.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and the Saint Petersburg Science Foundation (grant No. 23-18-20025).

Введение

Эпоха Нового времени характеризовалась существенными трансформациями в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни европейского общества. Данные преобразования обусловили формирование национальных государств. В разных регионах этот процесс имел свою специфику.

Полиэтничность населения Российской империи требовала проведения особой национальной политики, нацеленной на гомогенизацию общества. Это нашло отражение в многочисленных законах, согласно которым, например, цыгане должны были переходить к оседлому образу жизни, восточноевропейские евреи – отдавать детей в рекруты и т. д. Реализация такой политики в условиях экономической и социальной модернизации общества влекла за собой эволюцию идентичности всех подданных.

Тема идентичности (этнической, государственной, гражданской, национальной) обрела популярность среди отечественных исследователей в конце XX – начале XXI в. Первые работы в данной области появились в психологии, социологии и философии [1–4], но вскоре и историки увидели связь между феноменом идентичности и исторической памятью [5–7]. При этом ученые иногда формировали определенный идеологический конструкт, с помощью которого «навязываемый аудитории образ прошлого становился нормой ее собственного представления о себе» [8, с. 9].

Указанной темой заинтересовались также специалисты по истории российских немцев. Этот интерес нашел отражение в докладах на конференциях, проводимых с 1994 г. под эгидой Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Наибольшее внимание ученые уделяли изучению национальных проблем, в частности исследовали политику российского государства в отношении этнических немцев в разное время, описывали вклад немцев в развитие общества, анализировали их взаимоотношения с властями и местным населением. После распада СССР под влиянием социально-политических и экономических процессов в России наблюдался всплеск интереса к национальным корням, традициям и обычаям. Это было обусловлено тем, что для этнической общности характерна стабильность: «...человека, обладающего этнической идентичностью, невозможно исключить из этноса без его собственного желания отречься от своего народа»¹.

Вопросу идентичности при этом уделялось недостаточно внимания. В 2010 г. Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев была организована конференция

в Москве «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков» [9]. Все представленные на мероприятии доклады выходят за рамки настоящей работы, но следует отметить статью Е. В. Лебедевой. В ней предпринята попытка показать особенности формирования общероссийского сознания у российских немцев через их сословную идентичность в дореволюционный период [10]. По мнению автора, параллельно процессу формирования надэтнической общероссийской идентичности у немцев происходил процесс становления этнической (национальной) немецкой идентичности, приходившей на смену групповому сознанию отдельных социальных, конфессиональных и религиозных групп.

О развитии общероссийской идентичности в немецких колониях со второй половины XIX в. писала И. В. Черказьянова [11]. Она исследовала изменения в жизни и сознании российских немцев на основе анализа празднования юбилейных дат их переселения под Санкт-Петербург. По мнению И. В. Черказьяновой, с 1866 г. колонисты стали воспринимать себя как «самостоятельную большую группу... вышедшую за границы отдельных колоний» [11, с. 109].

Из иностранных исследователей к теме идентичности российских немцев обращались в разное время М. Буш и Д. Дальман [12; 13]. Опираясь на статистические материалы, М. Буш выявила и описала основные черты быта и культуры немецкого населения Санкт-Петербурга, а также предприняла попытку определить их вклад в экономическую жизнь города. Она сделала вывод о том, что городские немцы не могли иметь единую идентичность из-за принадлежности к разным религиозным и социальным группам [12, S. 111]. По мнению Д. Дальмана, «язык и религия, вместе взятые, означают со значительной долей вероятности принадлежность к немецкой этнической группе» [13, с. 157]. Однако следует отметить, что на немецком языке могли говорить не только немцы. Кроме того, немцы могли исповедовать православие и даже иудаизм [12, S. 30].

Основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении вопросов быта, культуры и традиций городских немцев и сельских немцев (колонистов). Тема идентичности для историков представляла интерес только в связи с выяснением положения немцев после прихода к власти большевиков.

Целью настоящей работы является анализ преобразования этнической идентичности российских немцев (городских жителей и колонистов) в гражданскую на примере немцев, проживавших в Санкт-Петербургской губернии. Анализ проводится на

¹Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М. : Воен.-техн. ун-т при Федер. агентстве спец. строительства Рос. Федерации, 2011. С. 3.

основании следующих критериев идентичности: вероисповедания, владения языком, принадлежности к социальной группе, общественной организации или определенному поколению и взаимоотношений с властями и местным населением.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1763 г., когда был издан манифест Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию², до 1871 г., когда были опубликованы Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и области Бессарабской³. Выбор таких рамок исследования обусловлен тем, что переселение иностранцев (большинство которых составляли немцы) с предоставлением им привилегий и льгот способствовало формированию у них этнической идентичности.

В процессе подготовки статьи были использованы опубликованные и неопубликованные источники. Нормативно-правовые акты, представленные в Полном собрании законов Российской империи, позволили выявить основные принципы государственной политики по отношению к немцам-переселенцам. Важным источником информации для определения численности немецкого населения в Санкт-Петербурге в конце 1860-х гг. стали материалы однодневной городской переписи⁴. В рамках исследования были использованы делопроизвод-

ственные, статистические и иные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности ф. 383 «Первый департамент Министерства государственных имуществ», ф. 733 «Департамент народного просвещения» и ф. 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД», а также материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), в частности ф. 239 «Императорское Петроградское коммерческое училище», ф. 781 «Санкт-Петербургское городское депутатское собрание», ф. 788 «Санкт-Петербургская городская шестигласная дума» и ф. 1716 «Санкт-Петербургский нижний надворный суд». Уникальным источником сведений о жизни населения Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии стала рукопись Ф. О. Туманского «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санктпетербургской губернии, включая народы и селения от времен древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями» (1789–1790)⁵. Анализ документов позволил выяснить, как петербургские немцы стремились сохранить свою этническую идентичность и когда наметился переход к формированию у них гражданской идентичности. Привлечение широкого круга источников позволило сделать вывод о том, что специфика трансформации этнической идентичности в гражданскую у немцев была обусловлена не только их принадлежностью к городской или сельской среде, но и близостью их проживания к столице.

Теоретические основы исследования

Исследование построено в рамках научного дискурса двух идентичностей – этнической и гражданской. Основу работы составили теоретические разработки М. Н. Губогло, Л. П. Репиной, В. А. Тишкова и других авторов [14–16].

Этническая идентичность является феноменом сознания, т. е. она ситуативна и подвержена изменениям. Именно поэтому в данной статье сконцентрировано внимание на «социокультурных факторах длительной временной протяженности

(культурно означенное, обжитое предками прошество, общий язык, символы, обычаи и ценности, верования/религия, многовековая устная традиция)» [15, с. 14].

Для поиска и обработки информации были использованы специальные и междисциплинарные методы: историко-сравнительный, историко-проблемный и историко-описательный. Кроме того, для анализа статистических данных применялись количественные методы.

Результаты и их обсуждение

Этническая идентичность и гражданская идентичность: теоретические аспекты. Этническая идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической

общности и его обособление от других этносов. Гражданская идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства.

² Полное собрание законов Российской империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 16, № 11880. С. 313–316.

³ Полное собрание законов Российской империи : [собр. 2-е]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 46, № 49705. Отд. 1. 1871. С. 813–819.

⁴ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. 129 с.

⁵ Отд. рукоп. Рос. нац. б-ки (далее – ОР РНБ). Ф. 885. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

Существует мнение о том, что формулировки «национальная идентичность» и «этническая идентичность» тождественны [17, с. 129]. Однако В. А. Ачкасов считает, что «понятия “этнос”/“этничность” являются базовыми для этнической классификации, а понятие “нация” определяется чаще всего как государственная форма этнической общности людей» [1, с. 48]. Данной точки зрения придерживается и В. М. Менжуев⁶.

По мнению Б. Н. Миронова, Российская империя никогда не была нацией-государством, потому что этносы «не жили единой жизнью, общими мыслями и настроениями, не существовали как единое общество», их жизнь протекала по своим обычаям и законам [18, с. XVIII]. На данное обстоятельство обращает внимание В. Г. Чеботарева, которая в статье [19] анализирует жизнь немецких колоний в Российской империи до 1917 г. Автор отмечает, что «...колонии были устроены на основе национальных традиций с учетом национальной психологии. Колонисты не знали стрессов, связанных с грубым разрушением их национальной самобытности» [19, с. 141]. По словам В. Г. Чеботаревой, немецкие колонии в Российской империи существовали как государство в государстве.

Идентичность представляет собой постоянно развивающийся феномен. Под влиянием новых исторических обстоятельств происходит трансформация этнической идентичности в гражданскую. Й. Рюзен называет это кризисом исторической памяти, наступающим «при столкновении исторического сознания с опытом, который не укладывается в рамки привычных исторических представлений» [15, с. 14].

Формирование гражданской идентичности, по мнению Л. М. Дробужева, «связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его патерналистских настроений на деятельность самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих» [20, с. 13–14]. Позже Л. М. Дробужева⁷, как и В. А. Тишков [21], будет отождествлять гражданскую и государственную идентичность. По убеждению Л. П. Репиной и И. Н. Ионова, стирать границы между данными понятиями нельзя, потому что государственная идентичность выражает вертикальное доверие общества к власти, а гражданская идентичность – горизонтальное доверие и солидарность между группами общества [8, с. 38].

Специфика формирования идентичности у немецкого населения Санкт-Петербурга.

По мнению Е. В. Лебедевой, городские немцы реализовывали восполняющую функцию в российском обществе. Такая функция имела место, когда социальная структура страны-реципиента не позволяла эффективно решать задачи экономической и культурной модернизации [10, с. 418]. Первые упоминания о российских немцах встречаются в источниках второй половины XVI в., в частности в материалах о Немецкой слободе в Москве. Со второй половины XVIII в. такие же поселения появились в Санкт-Петербурге, Одессе, Саратове и других городах.

В дореволюционной статистике отсутствовало понятие «национальность», поэтому определить численность немецкой общины можно лишь приблизительно. Некоторые историки, используя профессиональный подход, утверждают, что к 1780-м гг. численность немцев – прихожан лютеранских и католических церквей в Санкт-Петербурге составляла не менее 16 тыс. человек [12, S. 21; 13, с. 157; 22, S. 194]. Кроме того, в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии проживали 538 человек⁸.

Г. Шторх, определяя численность немецкой общины, опирался на языковой критерий этнической идентичности. По данным историка, в 1789 г. в Санкт-Петербурге проживали 17 660 немцев [12, S. 21], однако эти сведения не подтверждены документально. Единственным объективным источником информации о численности немецкой общины являются исповедные ведомости (росписи), которые составлялись как для православного, так и для инородческого (в том числе для католического и лютеранского) населения Российской империи. Но за XVIII – первую половину XIX в. такие документы в фондах церквей отсутствуют. В метрических книгах лютеранских церквей Санкт-Петербурга за XVIII в. содержится информация лишь о числе крещеных, умерших, причастившихся и повенчанных.

По сведениям Ф. О. Туманского, в 1786 г. в Санкт-Петербурге проживали 20 027 немцев, плативших и не плативших подати⁹ (речь идет о главах семей). На основании данных Петербургской городской обывательской книги за 1785–1789 гг. мы определили, что средний размер городской семьи составлял 5–6 человек¹⁰. Таким образом, в столице проживало порядка 100–120 тыс. человек, не относившихся к дворянам и духовенству. Ежегодное количество рожденных, которые были зарегистрированы

⁶Менжуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Гражданское общество в России : электрон. б-ка. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).

⁷Дробужева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Перспективы : портал. URL: https://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskiye_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (дата обращения: 11.07.2023).

⁸ОР РНБ. Ф. 885. С. 69.

⁹Там же. С. 69 об.

¹⁰ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 491.

в православных приходах в 1786–1788 гг., составляло в среднем 5597 человек¹¹.

Указанные данные позволяют заключить, что усредненный коэффициент рождаемости был высоким (50,9 ‰). Учитывая этот показатель и зная, что в 1786 г. родились 474 человека (456 младенцев лютеранского исповедания и 18 младенцев реформатского исповедания), можно определить, что численность немецкого лютеранского и реформатского населения составляла приблизительно 9300 человек¹². Вполне допустимо, что на самом деле численность немцев была несколько ниже полученного значения. Так, изучение материалов ревизских сказок рубежа XVIII – начала XIX в. показало, что средний размер немецкой семьи составлял 2,7 человека¹³.

Обратимся к концу рассматриваемого в статье периода. По данным однодневной городской переписи 1869 г., численность немецкой городской общины составляла около 45 тыс. человек (7,7 % населения Санкт-Петербурга)¹⁴. По словам немецкого исследователя М. Буш, 8 % из них были заняты в искусстве, науке, здравоохранении и образовании, что свидетельствовало о высоком уровне профессиональных знаний [12, S. 46]. Значительную часть немецкого населения составляли представители мещанского (32 %) и купеческого сословия (7 %). Конфессиональный состав при этом не изменился: около 92 % немцев были протестантами, более 5 % – католиками и 1 % – православными¹⁵. Кроме того, около 1 % исповедовали иудаизм [12, S. 30].

Еще при Петре I был принят закон, согласно которому русские и иностранные купцы и ремесленники должны были записываться в русские и иностранные гильдии или цехи соответственно. Жалованная грамота городам 1785 г. несколько изменила такое положение вещей, однако в Санкт-Петербурге сохранялась прежняя система социального деления, что в какой-то мере обуславливало этническую замкнутость иностранцев.

Немецкие ремесленники и купцы могли проживать во всех районах столицы, но все же стремились селиться в Адмиралтейской, Литейной и Васильевской частях города, что объяснялось наличием здесь лютеранских церквей. Еще в первой трети XVIII в. в Санкт-Петербурге было открыто четыре немецких прихода: при церкви Святого Петра (1704), церкви Святой Анны (1719), церкви Святой Екатерины (1728) и церкви Святого Михаила (1732).

Анализ статистических данных рождаемости и смертности за вторую половину 1780-х гг. свидетельствует о том, что большая часть немцев-лютеран обосновалась в Адмиралтейской и Литейной частях города, тогда как на Васильевском острове их проживало немного¹⁶. К концу XVIII в. в Санкт-Петербурге фактически сложился своеобразный немецкий мир с достаточно развитой инфраструктурой: функционировали церкви, кладбища, пивные, гостиницы и т. д.¹⁷

Как отмечал Ф. О. Туманский, немецкие мещане и ремесленники говорили на наречии, называемом «платдейч»¹⁸. Немцы были выходцами с разных европейских территорий, поэтому нередко между ними возникали конфликты. Например, 18 ноября 1781 г. в Санкт-Петербурге обер-полицмейстером П. В. Лопухиным были засвидетельствованы побои у мастера немецкого булочного цеха Е. Эйхольца, нанесенные ему уроженцем Гданьска И. Г. Линком и уроженцем Мекленбурга И. Зелисом¹⁹.

М. Буш и Е. В. Лебедева считают, что принадлежность немцев к ремесленному цеху не свидетельствовала о наличии у них коллективной идентичности по той причине, что немецкое городское население было представлено многочисленными группами, имеющими свою специфику [10, с. 418; 12, S. 231–232]. Критериями причисления к немецкому населению могли выступать язык, место рождения, гражданство и религия [13, с. 157]. Подсчет данных на основании лишь одного критерия, безусловно, не может быть объективным. Нельзя забывать о том, что в России проживали немцы, говорившие на немецком языке, но имевшие русское или иностранное подданство, что также оказывало влияние на формирование их идентичности. Например, в 1843 г. к немцам причисляли граждан из Пруссии (5616 человек) и Австрии (2573 человека) [23, S. 272].

В конце XVIII – начале XIX в. немецкие ремесленники, как наиболее многочисленная социальная страта петербургских немцев, стали активно интегрироваться в городское сообщество. С одной стороны, они могли, как и раньше, состоять в том или ином цехе, находившемся под руководством немецкой ремесленной управы, либо заниматься самостоятельной деятельностью, т. е. вести замкнутый образ жизни. С другой стороны, такая изоляция ремесленников немецкого происхождения значительно препятствовала реализации их профессиональных

¹¹ОР РНБ. Ф. 885. С. 70.

¹²Там же. С. 71.

¹³ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5.

¹⁴Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. С. 42–61.

¹⁵Там же. С. 124–127.

¹⁶ОР РНБ. Ф. 885. С. 71.

¹⁷Keller A. Das Deutsche Theater und die Entwicklung der deutschen Gesellschaft in St. Petersburg im 18. und 19. Jahrhundert. Freiburg : Albert-Ludwig-Universität, 1995. S. 13–14.

¹⁸ОР РНБ. Ф. 885. С. 77 об.

¹⁹ЦГИА СПб. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 594. Л. 1.

возможностей, поэтому многие из них уже с конца 1780-х гг. стали принимать российское подданство и записываться в цеховые организации. Например, в 1789 г. мастер немецкого цеха И. Фейфер просил причислить его к российскому шорному цеху мастером²⁰. Нередки были случаи перехода немецких булочников в русский кондитерский цех²¹. Кроме того, уже в 1810-х гг. немецкие ремесленники были готовы нести те же повинности и платить те же подати, что и русские.

Как правило, церковные общины всегда являлись центром сплочения этнических групп. В Российской империи немцы были представлены в разных конфессиях (лютеранство, католицизм, меннонитство, православие). Преобладали при этом протестанты. Церковь стремилась к тому, чтобы сохранить этническую идентичность немцев посредством языка и веры. Однако со временем это становилось все труднее, потому что немцы постепенно забывали родной язык, чаще пользуясь русским языком. Некоторые из них принимали православие или заключали браки с православными. Указанные факторы свидетельствовали о начале кризиса этнической идентичности у российских немцев и преобразовании ее в гражданскую. В подтверждение этому можно привести слова доктора медицины Г. Л. Атенгофера: «Я знаю в сем городе некоторых, у коих отец или мать были из немцев, кои однако же вовсе не говорят по-немецки и живут по русскому обычаю. Напротив того, известны мне и такие особы, коих еще деды поселились в сей стране; а между тем они удержали немецкий характер, а с ним и обыкновение их предков» [24, с. 167].

Духовенство вынуждено было приспособляться к изменениям, происходившим с их паствой под влиянием ассимиляционных и модернизационных процессов. Службы на русском языке велись в церквях Гатчины, Олонца, Санкт-Петербурга, Кронштадта²².

Не последнюю роль в сохранении этнической идентичности немцев играли школы, которые стали открываться при церквях с 1710 г. Их главная задача заключалась не только в том, чтобы подготовить детей к конфирмации, но и в том, чтобы способствовать «надлежащим обучением для дальнейшего вступления в общину, образовывать из них хороших прихожан»²³.

Одна из первых немецких школ в Санкт-Петербурге была открыта при Лютеранской церкви Святой Екатерины на Васильевском острове в 1736 г. Однако к 1780-м гг. она была закрыта. В 1762 г. при

Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто училище, построенное за счет средств прихожан. Его специфика состояла в том, что в нем могли обучаться дети любой национальности и любой религиозной принадлежности. Сохранился один из журналов училища²⁴. В нем насчитывается 4 тыс. фамилий учащихся, при этом «большинство детей было от выходцев из Средней и Северной Европы, а около одной четверти – дети народов, населяющих Россию, в основном русские» [25, с. 131].

В немецких школах действовала пятиступенчатая система обучения. Она позволяла учащимся получить систематизированные знания по математике, географии, истории, экономике и другим наукам. Большое внимание уделялось изучению немецкого, русского и французского (а в дальнейшем латинского и английского) языков. В 1783 г. данное учебное заведение было переименовано в Главное немецкое училище при церкви Святого Петра. В его рамках было открыто отделение для девушек. Они не только осваивали базовую программу, но и дополнительно обучались шитью, вышивке и другим видам рукоделия. За дополнительную плату можно было брать уроки рисования и танцев²⁵.

Занятия в школах проводились на немецком языке, так как он был родным для большинства учеников. В школьных библиотеках была представлена в основном немецкоязычная литература, которая должна была обеспечивать духовное и нравственное развитие детей. Обучение в немецкой школе рассматривали как «важнейший элемент сохранения на века немецкого языка и вообще немецкого характера немецкой части населения в России» [26, с. 81–82].

Важным фактором социализации немцев в России стала доступность обучения. Так, училище при Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто для лиц всех национальностей. При этом занятия можно было посещать как эпизодически, так и систематически. В первом случае позволялось «каждому желающему и в каждое время прийти в класс и слушать способ преподавания, во втором случае ученики принимались на полный или половинный пансион»²⁶.

Позиции Евангелическо-лютеранской церкви укрепились после подписания ее устава 28 декабря 1832 г. Усилилось влияние церкви на обучение в немецких школах [27, с. 445–446]. Молодые люди могли быть не допущены к конфирмации, если не умели читать и писать по-немецки.

²⁰ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 620. Л. 1–2.

²¹Там же. Д. 2071. Л. 3.

²²Бобылев А. Евангелическо-лютеранская церковь // Немцы России : энциклопедия : в 3 т. Т. 1. А – И / редкол.: В. Карев [и др.]. М. : ЭРН, 1999. С. 753.

²³РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 18. Л. 62.

²⁴В журнал были внесены фамилии учащихся, принятых в школу в 1788–1818 гг.

²⁵ОР РНБ. Ф. 885. С. 100 об.

²⁶Там же. С. 101.

С появлением капиталистических тенденций в российской экономике положение немцев несколько изменилось. Они вынуждены были учить русский язык, чтобы быть успешными в профессиональной деятельности. Но, как писал В. Г. Белинский, их «язык был и не русским, и не иностранным, это был русский язык на немецкий манер» [13, с. 158].

Немаловажное значение в развитии гражданской идентичности немцев имело совместное обучение немецких и русских детей. Такой подход позволял прививать детям навыки конструктивного межкультурного общения и закладывать у них основы толерантности. Например, в немецкой школе Святой Анны русские дети составляли более 40 % учащихся [28, с. 35]. Г. Л. Аттенгофер писал: «Многие иностранные художники и ремесленники, по милости фортуны нажившие здесь хороший достаток, воспитывают детей своих на высокой ноге... и обыкновенно ведут их по высшей стезе, нежели каковую проложили и указали им их родители» [24, с. 167].

Одним из факторов трансформации этнической идентичности в гражданскую являлось стремление немцев отдавать своих детей на обучение в русские учебные заведения. Считалось, что в будущем это позволит им изменить свою сословную принадлежность и обеспечит их карьерный рост. Однако, чтобы поступить в государственное учреждение образования, необходимо было сдать экзамены, в том числе на знание русского языка. Примечательно, что к середине XIX в. уровень владения русским языком у молодых немцев был достаточно высоким. Так, средний показатель успеваемости абитуриента Санкт-Петербургского коммерческого училища К. Зура по немецкому языку составлял восемь баллов, а по русскому языку – шесть баллов [29, с. 67].

Значимую роль в поддержании этнической идентичности немцев Санкт-Петербурга играли социальные организации. Немецкие общины осуществляли призрение нуждающихся. При лютеранских церквях Санкт-Петербурга уже в XVIII в. функционировала «бедная казна», которая пополнялась за счет пожертвований членов общины при совершении церковных треб (крещения, отпевания, венчания и т. д.) и во время праздничных богослужений в честь Пасхи, Троицы, Рождества. Собранные средства ежемесячно распределялись между неимущими²⁷.

Во второй половине XVIII в. возникла новая форма социальной поддержки единоверцев: были учреждены похоронные кассы. Одна из первых таких касс появилась в Санкт-Петербурге при Лютеранской церкви Святой Екатерины. Данная касса была известна под названием «Общество для смертных случаев»²⁸.

Иногда немецкие социальные организации оказывали помощь не только немцам. Например, в апреле

1788 г. усилиями пастора Лампа при Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто «заведение для призрения больных без различия веры и народа», где можно было бесплатно получить медицинскую помощь. С апреля 1788 по апрель 1789 г. в данном учреждении прошли лечение 462 человека: 35 православных, 410 лютеран, 12 католиков и 5 реформаторов²⁹.

Клубы и союзы немцы основывали, как правило, для немцев. Позже членами таких объединений становились лица и других национальностей. Первый немецкий клуб был открыт в 1772 г. немецким купцом Шустером. Он был известен как Большой бюргер-клуб (*Grosser Bürgerklub*) или Шустер-клуб (*Schuster-Klub*). Его членами были чиновники, артисты, купцы и ремесленники. Клуб осуществлял не только развлекательную, но и благотворительную деятельность. Так, за счет средств клуба содержались 150 престарелых и неимущих, а также несколько сирот [30, с. 217].

Клубы, которые открывались в Санкт-Петербурге и Москве, были рассчитаны в основном на средние слои немецкого населения. Немцам предлагалось проводить досуг в рамках своей этнической группы. К подобным клубам можно отнести Санкт-Петербургское немецкое общество 1772 г., Санкт-Петербургское немецкое общество 1801 г., Московский немецкий клуб (основан в 1819 г.). Московский немецкий клуб ежегодно посещало около 60 тыс. человек, это были преимущественно немцы [31, с. 14]. В 1870-х гг. в него был открыт доступ представителям всех сословий и национальностей, в результате немцев в нем осталось меньше половины. В связи с этим культурные мероприятия в клубе все чаще стали проводиться на русском языке.

На протяжении XVIII – начала XIX в. у городских немцев доминировали конфессиональный и этнический маркеры идентичности. В этот период многие городские немцы приняли русское подданство, а некоторые из них стали отождествлять Российскую империю с родиной. Уже в конце XVIII в. у немцев началось формирование гражданской идентичности. Во многом этому способствовала система образования. Совместное обучение русских и немецких детей в школах при лютеранских церквях обеспечивало укрепление национальной толерантности и языковую ассимиляцию. Большую роль сыграло открытие немецких социальных и культурных учреждений. Первоначально они создавались только для немцев, однако постепенно превратились в немецко-русские объединения. Правила об устройстве поселян-собственников, опубликованные в 1871 г., ускорили процесс трансформации идентичности немцев Санкт-Петербурга.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 885. С. 106 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Специфика формирования идентичности у немецких колонистов Санкт-Петербургской губернии. Немаловажную роль в формировании этнической идентичности немецких колонистов сыграло российское правительство. После издания в 1763 г. манифеста Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию в страну прибыло более 30 тыс. немцев. Они должны были поселиться в Поволжье. В Санкт-Петербургской губернии осталась их небольшая часть.

Немецкие колонисты имели особый гражданско-правовой статус. Это отражено в некоторых статистических материалах. В рукописи Ф. О. Туманского за 1786 г. представлена численность немецких колонистов в следующих уездах Санкт-Петербургской губернии: в Шлиссельбургском уезде (174 человека), Софийском уезде (154 человека), Ямбургском уезде (210 человек)³⁰.

В последующее десятилетие численность немецких колоний под Санкт-Петербургом выросла за счет новых переселенцев. На конец 1790-х гг. в регионе проживала почти 1 тыс. колонистов [32]. Ревизские сказки за первую половину XIX в. сохранились не в полном объеме, поэтому не позволяют проследить динамику численности колонистов. Но отчет инспектора петербургских колоний И. Гримма позволяет заключить, что в 1826 г. в немецких поселениях проживали 2506 человек³¹. По данным академика П. Кеппена, к концу 1840-х гг. в петербургских колониях числились 3560 человек, а к концу 1857 г. – 3674 человека [33, S. 112–113].

Американский социолог Э. Р. Вольф называл немецкие колонии закрытым корпоративным сообще-

ством [13, с. 162]. Закрытость колоний заключалась прежде всего в делении их поселенцев по вероисповедному признаку. Кроме того, экономическая самодостаточность немцев позволяла им практически не контактировать с местным населением.

Жителям немецких колоний были предоставлены льготы и привилегии, которыми не обладало русское население: переезд за счет правительства, свобода вероисповедания, возможность получения беспроцентной ссуды с уплатой через десять лет, а также освобождение от податей, налогов, постоя, обязательной государственной службы и рекрутской повинности. Кроме того, немецким колонистам разрешалось полное самоуправление³². Делопроизводство, связанное с жизнью колоний, велось на немецком языке, что также давало немцам возможность сохранить свой язык. Однако такая тенденция не встречала одобрения в обществе: «В русском государстве нашлись новые подданные, которые затруднялись понимать государственный язык их нового отечества, и наше правительство с полной готовностью предписывает своим органам употреблять в сношениях с этими чужеземцами язык их родного фатерлянда» [34, с. 89].

М. Буш считает, что на формирование этнической идентичности немецких колоний оказывала влияние совокупность факторов: их происхождение, время переселения, социальное положение, членство в общественной организации или принадлежность к определенному поколению [12, S. 231–232]. Немцы, переехавшие в Российскую империю, были выходцами из разных стран (см. таблицу).

Сведения о переселившихся в Российскую империю в XVIII в. немцах

Information about Germans who moved to the Russian Empire in the 18th century

Место происхождения	Область поселения	Время поселения
Гессен, Рейнская область, Пфальц	Поволжье	1764–1767
Гессен, Пруссия, Вюртемберг, Баден	Петербургская губерния	1765–1767
Гессен, Рейнская область	Черниговская губерния	1765–1766
Вюртемберг	Воронежская губерния	1765
Пруссия, Вюртемберг	Екатеринославская губерния	1786–1789
Данциг – Западная Пруссия	Екатеринославская губерния	1789–1790

Примечание. Составлено по данным работы [35, S. 12].

Немецкие колонии формировались по конфессиональному признаку, следовательно, сохранению их этнической специфики способствовало духовенство. На основании Закона Российской империи от 19 марта 1764 г. «О размежевании земель, назначенных для поселения въезжающих иностранцев» колонисты должны были селиться в округах, соз-

даваемых по религиозному принципу, чтобы «отвратить чрез то всякую вражду и ненависть, слушающиеся обыкновенно между разноверцами, от излишней ревности к вере» [36, с. 52]. В отчете инспектора Санкт-Петербургских колоний И. Бухмина от 24 февраля 1832 г. указывалось: «Поселенные в Санкт-Петербургской губернии колонисты в уездах

³⁰ОР РНБ. Ф. 885. С. 69.

³¹РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194.

³²Полное собрание законов Российской империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 16, № 12095. С. 313–316.

Санкт-Петербургском, Царскосельском, Ораниенбаумском и Ямбургском состоят из 12 колоний, в числе коих Среднерогаткинская, Новосаратовская, две Ижорские и три Ямбургские... первые четыре евангелического, а последние три римско-католического вероисповедания, затем Стрельнинская, три приморские и Кипенская колонии... и, наконец, Фриденгальская... все евангелического вероисповедания»³³. Представители других национальностей в колониях не селились. Заключение браков между колонистами с разной религиозной или социальной принадлежностью не допускалось. Нарушение этого запрета грозило выселением из колонии.

В сохранении немецкой культуры в поселениях важную роль играло духовенство. Довольно часто пасторы не только проводили богослужения, но и учили грамоте детей. При отсутствии церковного здания школа могла использоваться для молитвенных собраний. Указом от 25 октября 1819 г. на пасторов было возложено руководство школами в колониях, что только усилило контроль за сохранением этнической культуры, языка и веры немцев³⁴.

По мнению некоторых авторов, колонисты не испытывали потрясений, связанных с разрушением их национальной самобытности, потому что их жизнь была организована «...по-старому, по традиции, по-немецки, ничто не могло внести в эту замкнутую среду и изолированную жизнь какого-либо новшества. Общество у них чисто немецкое, волостное и сельское начальство – немцы, волостные судьи – немцы, разные выборные должности – все немцы» [37, с. 48].

К середине XIX в. стремление части колонистов, особенно проживавших вблизи городов, адаптироваться к местным условиям становилось все более заметным. Немцы испытывали потребность выйти за рамки своей достаточно закрытой этнической группы. По мере финансовых возможностей они стремились отдать своих детей на обучение в государственные учреждения образования. Так, в 1842 г. житель немецкой колонии Верхняя Добринка (Саратовская губерния) А. И. Миллер просил зачислить своего 11-летнего племянника Ф. Я. Миллера в число своекоштных пансионеров Санкт-Петербургского коммерческого училища. Просьба была удовлетворена³⁵.

По словам Т. А. Шрадера, немцы-колонисты «вели обособленный от русского населения образ жизни, между собой говорили исключительно на немецком языке» [38, с. 135]. В Санкт-Петербургской губернии в конце 1780-х гг. «колонисты придерживались выговору тех земель, отколь вышли и ближе подходят к наречию швабскому» [24, с. 77 об.]. По мнению авторов статьи, с данным высказыванием сложно со-

гласиться. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии отличались от общеимперских немецких колоний близостью к столице, что приносило им значительную материальную выгоду: «...жители Санкт-Петербурга весьма часто для собственного удовольствия посещали колонии и в летнее время нанимали у колонистов дома»³⁶. Подобные контакты заставляли немцев приобщаться к русской культуре и традициям и изучать русский язык.

В 1825 г. жители колонии Средняя Рогатка обратились в Министерство внутренних дел Российской империи с просьбой ввести в программу сельской школы изучение русского языка. Согласие министра П. А. Строганова было получено. Кроме того, с начала 1830-х гг. русский язык стали преподавать во всех колониях губернии [39, с. 368].

Нередко колонисты выходили из колоний и числились к ремесленному сословию. Например, ижорский колонист Г. Леверенц после долгого проживания в Санкт-Петербурге записался в котовый цех³⁷ [40, с. 32]. Часто немцы отдавали своих детей на обучение к городским ремесленникам.

У жителей немецких колоний, расположенных вдали от российской столицы, этнические факторы идентичности были более устойчивыми, чем у немцев Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии. Многие путешественники отмечали, что, например, в колониях Поволжья, Екатеринославской, Черниговской и Воронежской губерний преобладали «только немецкая речь, только немецкие обычаи, немецкий строй жизни» [41, с. 9].

Предпосылками для трансформации этнической идентичности немцев в гражданскую стали изменения в законодательстве в 1871 и 1874 гг. Они лишили немцев особого статуса и связанных с ним привилегий и льгот и, таким образом, уравнили немцев в правах с основным населением России. Большинство колонистов и представители духовенства встретили нововведения с сопротивлением, посчитав их посягательством на немецкую культуру и веру. Это нашло отражение в народной песне «Манифест императрицы»: *Und schlissen man uns in Ketten ein, / Wir wollen sie zerreiben, / Wir wollen keine Russen, / Wir wollen Deutsche bleiben* [10, с. 426] «И нас закуют в цепи, / Мы хотим их разорвать, / Мы не хотим становиться русскими, / Мы хотим оставаться немцами»³⁸.

Положение немецких колонистов в значительной степени было обусловлено регионом их проживания. У столичных колонистов процесс трансформации этнической идентичности наметился еще в начале XIX в., когда они осознали необходимость изучать

³³РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 17–18.

³⁴Там же. Ф. 733. Оп. 7. Д. 522. Л. 16–17 об.

³⁵ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1346. Л. 1.

³⁶РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 3 ; Там же. Д. 1138. Л. 84.

³⁷ЦГИА СПб. Ф. 788. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–3.

³⁸Перевод наш. – О. Е., А. К.

русский язык. Немцы продавали свои товары в Санкт-Петербурге, сдавали петербуржцам комнаты на летний период и отправляли своих детей на обучение

русским ремесленникам. У большинства немецких колонистов Российской империи этот процесс начался ближе к середине XIX в.

Заключение

Немецкое население Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии сформировалось в результате активных миграционных процессов в XVIII – начале XIX в. Немцы-горожане и немцы-колонисты были выходцами из разных германских государств и принадлежали к разным социальным стратам.

До начала XIX в. немецкое население Санкт-Петербурга проявляло черты конфессиональной и этнической идентичности, что выражалось в стремлении проживать в определенных районах, сохранять свою культуру и традиции, обучать детей исключительно на немецком языке. Но, по мере того как немцы вовлекались в модернизационные процессы, происходившие в Российской империи, они начинали осознавать необходимость и перспективность ассимиляции. Немцы стали проявлять интерес к изучению русского языка, записываться в русские гильдии и цехи, заключать межконфессиональные браки. Некоторые даже принимали православие. Данные процессы свидетельствовали о появлении

первых признаков гражданской идентичности у российских немцев.

Жители немецких колоний существенно отличались от немцев – представителей городского сословия. На формирование идентичности немцев, проживающих в колониях, в значительной степени влияла община, которая регулировала их внутреннюю жизнь и ограждала их от внешнего мира. Они жили обособленно не только от русского населения, но и от своих соседей-колонистов, которые имели другое вероисповедание и говорили на другом языковом наречии. Разрушение этнической идентичности у немецких колонистов началось намного позже, чем у городских немцев, а именно в 1871 г., когда власти лишили их привилегий и фактически стали превращать их в русских. У колонистов Санкт-Петербургской губернии процесс трансформации этнической идентичности в гражданскую начался уже в конце XVIII в. Это было обусловлено близостью проживания к столице и частым контактированием с русским населением.

Библиографические ссылки

1. Ачкасов ВА. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999;2(1):48–58.
2. Лебедева НМ, редактор. Идентичность и толерантность. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН; 2002. 414 с.
3. Антонова НВ. Проблема личной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. *Вопросы психологии*. 1996;1:131–143.
4. Хабермас ЮВ. *В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи*. Донецк: Донбасс; 1999. 415 с.
5. Тишков ВА. О феномене этничности. *Этнографическое обозрение*. 1997;3:3–21.
6. Горшков МК, Тихонова НЕ, редакторы. *Российская идентичность в условиях трансформаций: опыт социологического анализа*. Москва: Наука; 2005. 395 с.
7. Бадмаев ВА, Хутыз ЗА. Историческая память и конструирование национальной идентичности. *Новые технологии*. 2009;4:75–79.
8. Репина ЛП, редактор. *Прошлое для настоящего. История-память и нарративы национальной идентичности*. Москва: Аквилон; 2020. 464 с.
9. Герман АА, редактор. *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII Международной научной конференции; 21–23 октября 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2011. 576 с.
10. Лебедева ЕВ. От имперского патернализма к гражданской идентичности. Немцы России и проблема формирования общероссийского самосознания в XVIII – начале XX в. В: Герман АА, редактор. *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII Международной научной конференции; 21–23 октября 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2011. с. 412–432.
11. Черказянова ИВ. Юбилей петербургских колоний как фактор формирования общероссийской идентичности колонистов. В: Герман АА, редактор. *Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России. Материалы 15-й Международной научно-практической конференции; 5–9 августа 2015 г.; Маркс, Россия*. Москва: РусДойч медиа; 2016. с. 97–109.
12. Busch M. *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag; 1995. 288 S.
13. Дальман Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели. В: Смагина ГИ, редактор. *Немцы в России. Петербургские немцы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 1999. с. 156–163.
14. Губогло МН. *Идентификация идентичности: этносоциологические очерки*. Москва: Наука; 2003. 763 с.
15. Репина ЛП. Память и знание о прошлом в структуре идентичности. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2007;21:5–21.
16. Тишков ВА. *Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука; 2003. 542 с.

17. Аипова АК. Сущность понятия «этническая идентичность». В: Вишневский МИ, Снопкова ЕИ, редакторы. *Философско-педагогические проблемы непрерывного образования. Материалы III Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2018. с. 129–133.
18. Миронов БН. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Том 1*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003. 547 с.
19. Чеботарева ВГ. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве». *Этнографическое обозрение*. 1997;1:129–144.
20. Дробижева ЛМ. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. В: Магун ВС, редактор. *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. Москва: Институт социологии РАН; 2006. с. 10–29.
21. Тишков ВА. Что есть Россия и российский народ. *Pro et Contra*. 2007;11(3):21–41.
22. Amburger E. *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1986. 307 S.
23. Stricker W. *Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen im Russland und die Russen in Deutschland*. Leipzig: Mayer; 1849. 294 S.
24. Аттенгофер ГЛ. *Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи*. Козлов АП, переводчик. Санкт-Петербург: Императорская академия наук; 1820. 432 с.
25. Ульянов НИ. Петришуле – старейшая школа в Петербурге. В: Смагина ГИ, редактор. *Немцы и развитие образования в России*. Санкт-Петербург: Российская академия наук; 1998. с. 129–136.
26. Зюсс В. *Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия – 1917 год)*. Анненков ЭА, переводчик. Санкт-Петербург: Росток; 2007. 518 с.
27. Лиценбергер ОА. *Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.)*. Москва: Фонд «Лютеранское культурное наследие»; 2003. 543 с.
28. Nachtigal R. *Aufstieg und Niedergang der Deutschen von St. Petersburg – Leningrad*. В: Герман АА, редактор. *Российские немцы в инонациональном окружении: проблема адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы Международной научной конференции; 14–19 сентября 2004 г.; Саратов, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2005. с. 29–56.
29. Шайдуров ВН, Осипов НА, Кайряк АА. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;3:48–73. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.532.
30. Пыляев МИ. *Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы*. Москва: Сварог и К; 1997. 480 с.
31. Лебедева ЕВ. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга). В: Герман АА, редактор. *Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы Международной научно-практической конференции; 29–30 октября 2007; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2008. с. 11–15.
32. Шайдуров ВН, Ерохина ОВ. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765–1800-х гг. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.
33. von Koppen P. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburg Gouvernements*. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; 1867. 150 S.
34. Велицын АА. *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России*. Санкт-Петербург: Русский вестник; 1893. 282 с.
35. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs*. Freilassing: Pannonia-Verlag. Zeitraum; 1964. 139 S.
36. Лыкова ЕЕ, Осекина МИ, составители. *Немцы-колонисты в век Екатерины: сборник документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье*. Москва: Древлехранилище; 2004. 340 с.
37. Шелухин С. *Немецкая колонизация на Юге России*. Одесса: Акционерное южно-русское общество печатного дела; 1915. 83 с.
38. Шрадер ТА. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В: Юхнева НВ, составитель. *Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования*. Ленинград: Наука; 1989. с. 132–139.
39. Бахмутская ЕВ. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний. В: Герман АА, редактор. *Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы X Международной научной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев; 18–21 ноября 2003 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2004. с. 357–371.
40. Шайдуров ВН. Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII – начале XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;3:23–32.
41. Сергеев ИИ. *Мирное завоевание России немцам*. Петроград: Общество 1914 г. борьбы с немецким засильем; 1917. 68 с.

References

- Achkasov VA. [Ethnic identity in situations of public choice]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1999;2(1):48–58. Russian.
- Lebedeva NM, editor. *Identichnost' i tolerantnost'* [Identity and tolerance]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 2002. 414 p. Russian.
- Antonova NV. [The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1996;1:131–143. Russian.
- Habermas YuV. *V poiskakh natsional'noi identichnosti: filosofskie i politicheskie stat'i* [In search of national identity: philosophical and political articles]. Donetsk: Donbass; 1999. 415 p. Russian.
- Tishkov VA. On the phenomenon of ethnicity. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 1997;3:3–21. Russian.

6. Gorshkov MK, Tikhonova NE, editors. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity in the context of transformations: the experience of sociological analysis]. Moscow: Nauka; 2005. 395 p. Russian.
7. Badmaev VA, Khutyz ZA. Historical memory and the construction of national identity. *New technologies*. 2009;4:75–79. Russian.
8. Repina LP, editor. *Proshloe dlya nastoyashchego. Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [The past for the present: history-memory and narratives of national identity]. Moscow: Akvilon; 2020. 464 p. Russian.
9. German AA, editor. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 oktyabrya 2010 g.; Moskva, Rossiya* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants. Materials of the 13th International scientific conference; 2010 October 21–23; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2011. 576 p. Russian.
10. Lebedeva EV. [From imperial paternalism to civic identity. The Germans of Russia and the problem of the formation of the all-Russian identity in the 18th – early 20th century]. In: German AA, editor. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 oktyabrya 2010 g.; Moskva, Rossiya* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants. Materials of the 13th International scientific conference; 2010 October 21–23; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2011. p. 412–432. Russian.
11. Cherkaz'yanova IV. [Anniversaries of the Saint Petersburg colonies as a factor in the formation of the all-Russian identity of colonists]. In: German AA, editor. *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii. Materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5–9 avgusta 2015 g.; Marks, Rossiya* [Education, life and fate of German settlements in Russia. Materials of the 15th International scientific conference; 2015 August 5–9; Marx, Russia]. Moscow: RusDoich media; 2016. p. 97–109. Russian.
12. Busch M. *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag; 1995. 288 S.
13. Dal'man D. [Petersburg Germans in the 18th century: peasants, artisans, entrepreneurs]. In: Smagina GI, editor. *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* [Germans in Russia. Petersburg Germans]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 1999. p. 156–163. Russian.
14. Guboglo MN. *Identifikatsiya identichnosti: ehnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: ethnosociological essays]. Moscow: Nauka; 2003. 763 p. Russian.
15. Repina LP. [Memory and knowledge about the past in the structure of identity]. *Dialogue with time. Intellectual History Review*. 2007;21:5–21. Russian.
16. Tishkov VA. *Rekvium po ehnosu: issledovanie po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for ethnos: a study in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka; 2003. 542 p. Russian.
17. Aipova AK. [The essence of the concept of «ethnic identity»]. In: Vishnevskii MI, Snopkova EI, editors. *Filosofsko-pedagogicheskie problemy nepreryvnogo obrazovaniya. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 aprelya 2018 g.; Mogilev, Belarus'* [Philosophical and pedagogical problems of continuing education. Materials of the 3rd International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Magiliow, Belarus]. Magiliow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2018. p. 129–133. Russian.
18. Mironov BN. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. Tom 1* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. Volume 1]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. 547 p. Russian.
19. Chebotareva VG. [German colonies of the Russian Empire – «states within a state»]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 1997; 1:129–144. Russian.
20. Drobizheva LM. [State and ethnic identity: choice and mobility]. In: Magun VS, editor. *Grazhdanskie, ehnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [State and ethnic identity: choice and mobility. Civil, ethnic and religious identities in modern Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2006. p. 10–29. Russian.
21. Tishkov VA. [What is Russia and the Russian people]. *Pro et Contra*. 2007;11(3):21–41. Russian.
22. Amburger E. *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1986. 307 S.
23. Stricker W. *Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen im Russland und die Russen in Deutschland*. Leipzig: Mayer; 1849. 294 S.
24. Attenhofer GL. *Mediko-topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, glavnogo i stolichnogo goroda Rossiiskoi imperii* [Medico-topographic description of Saint Petersburg, the principal and capital city of the Russian Empire]. Kozlov AP, translator. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk; 1820. 432 p. Russian.
25. Ulyanov NP. [Petrishule is the oldest school in Saint Petersburg]. In: Smagina GI, editor. *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii*. Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences; 1998. p. 129–136. Russian.
26. Zyuss V. *Chemu i kak uchili v nemetskikh shkolakh Rossii (nachalo XVIII stoletiya – 1917 god)* [What and how were taught in German schools in Russia (the beginning of the 18th century – 1917)]. Annenkov EA, translator. Saint Petersburg: Rostok; 2007. 518 p. Russian.
27. Litsenberger OA. *Evangelicheskoye lyuteranskaya tserkov' v rossiiskoi istorii (XVI–XX vv.)* [The Evangelical Lutheran Church in Russian history (16th – 20th centuries)]. Moscow: Lutheran Cultural Heritage Foundation; 2003. 543 p. Russian.
28. Nachtigal R. *Aufstieg und Niedergang der Deutschen von St. Petersburg – Leningrad*. In: German AA, editor. *Rossiiskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problema adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 14–19 sentyabrya 2004 g.; Saratov, Rossiya* [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance. Materials of the International scientific conference; 2004 September 14–19; Saratov, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2005. p. 29–56. Germany.
29. Shaidurov VN, Osipov NA, Kajryak AA. German craft culture in Saint Petersburg: characteristics of development in the first half of the 19th century. *Journal of Frontier Studies*. 2023;3:48–73. Russian. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.532.

30. Pylyayev MI. *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the former life of the capital]. Moscow: Svarog i K; 1997. 480 p. Russian.

31. Lebedeva EV. [Self-organisation of the German population of Russian cities in the 18th – early 20th century (on the example of Moscow and Saint Petersburg)]. In: German AA, editor. *Nemtsy Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy samoorganizatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–30 oktyabrya 2007; Moskva, Rossiya* [Germans of Russia: historical experience and modern problems of self-organisation. Materials of the International scientific and practical conference; 2007 October 29–30; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2008. p. 11–15. Russian.

32. Shaidurov VN, Erokhina OV. German colonies of St. Petersburg province: appearance and development in the 1765–1800s. *Journal of Frontier Studies*. 2023;8(1):15–31. Russian. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.

33. von Koppen P. *Erklarender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements*. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; 1867. 150 S.

34. Velitsyn AA. *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh kolonii na yuge i vostoke Rossii* [Germans in Russia. Essays on the historical development and present situation of the German colonies in the south and east of Russia]. Saint Petersburg: Russkii vestnik; 1893. 282 p. Russian.

35. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs*. Freilassing: Pannonia-Verlag. Zeitraum; 1964. 139 S.

36. Lykova EE, Osekina MI, compilers. *Nemtsy-kolonisty v vek Ekateriny: sbornik dokumentov Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov po istorii organizatsii nemetskikh kolonii v Povolzh'e* [Germans colonists in the age of Catherine: collection of documents of the Russian State Archive of Ancient Acts on the history of the organisation of German colonies in the Volga region]. Moscow: Drevlekhranilishche; 2004. 340 p. Russian.

37. Shelukhin S. *Nemetskaya kolonizatsiya na Yuge Rossii* [German colonisation in the South of Russia]. Odessa: Aktsioner-noe yuzhno-russkoe obshchestvo pechatnogo dela; 1915. 83 p. Russian.

38. Schrader TA. [Legal and cultural adaptation of German colonists in the Saint Petersburg Province in the post-reform period]. In: Yukhneva NV, compiler. *Peterburg i guberniya. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the province. Historical and ethnographic studies]. Leningrad: Nauka; 1989. p. 132–139. Russian.

39. Bakhmutskaia EV. [The factor of Saint Petersburg in the economic, social and spiritual life of the German colonies under the capital]. In: German AA, editor. *Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev; 18–21 noyabrya 2003 g.; Moskva, Rossiya* [The key problems of the history of the Russian Germans. Materials of the 10th International science conference of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans; 2003 November 18–21; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2004. p. 357–371. Russian.

40. Shaidurov VN. German craftsmen of Saint Petersburg: specifics of formation and development of the community in the 18th – early 19th century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;3:23–32. Russian.

41. Sergeev II. *Mirnoe zavoevanie Rossii nemtsam* [The peaceful conquest of Russia by the Germans]. Petrograd: Obshchestvo 1914 g. bor'by s nemetskim zasil'em; 1917. 68 p. Russian.

Получена 11.08.2023 / исправлена 15.12.2023 / принята 16.12.2023.
Received 11.08.2023 / revised 15.12.2023 / accepted 16.12.2023.

УДК 973:2

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИИ США

П. Г. КОСМАЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются современные тенденции социально-гуманитарного познания, актуализировавшие изучение религиозных аспектов Нового и Новейшего времени. Констатируется значительное повышение внимания к соответствующей тематике в рамках истории ведущих стран Запада в XVIII–XX вв. Подчеркиваются сложность и неоднозначность процессов секуляризации, связанных с усилением социальной атомизации и культурной фрагментации общества. Делается вывод о том, что изучение религиозного фактора способствует развитию дискуссии о нормах и ценностях, обеспечивающих функционирование республиканской формы правления в США и других странах Запада. Отмечается, что на современном этапе различные системы верований начинают трактоваться в качестве специфических адаптаций, стимулирующих социальность и при определенных обстоятельствах увеличивающих шансы на выживание для собственных приверженцев. При этом итоговая оценка эффективности данных адаптаций остается дискуссионной. Важное значение имеют данные о положительной взаимосвязи уровня религиозности и уровня рождаемости. Подчеркивается, что достижения нейрофизиологии позволяют глубже понять биологические грани религиозного опыта. Выявляется, что идеальные и материальные компоненты человеческой природы и культуры связаны теснее, чем принято было считать ранее. Комплексное изучение роли религии в общественно-политических процессах представляется важным и перспективным научным направлением гуманитарных наук XXI в.

Ключевые слова: религия; история США; христианство; протестантизм; секуляризация.

ДА ПЫТАННЯ АБ НАВУКОВАЙ АКТУАЛЬНАСЦІ ВЫВУЧЭННЯ РЭЛІГІЙНАГА ФАКТАРУ Ў ГІСТОРЫІ ЗША

П. Г. КОСМАЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца сучасныя тэндэнцыі сацыяльна-гуманітарнага пазнання, якія актуалізавалі вывучэнне рэлігійных аспектаў Новага і Навейшага часу. Канстатуецца значнае ўзмацненне ўвагі да адпаведнай тэматыкі ў межах гісторыі вядучых краін Захаду ў XVIII–XX стст. Падкрэсліваюцца складанасць і неадназначнасць працэсаў секулярызацыі, звязаных з узмацненнем сацыяльнай атамізацыі і культурнай фрагментацыі грамадства. Робіцца выснова аб тым, што вывучэнне рэлігійнага фактару садзейнічае развіццю дыскусіі аб нормах і каштоўнасцях, якія забяспечваюць функцыянаванне рэспубліканскай формы кіравання ў ЗША і іншых краінах Захаду. Адзначаецца, што на сучасным этапе розныя сістэмы вераванняў пачынаюць трактавацца ў якасці спецыфічных адаптацый, якія стымулююць сацыяльнасць

Образец цитирования:

Космач П. Г. К вопросу о научной актуальности изучения религиозного фактора в истории США. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:56–62.
EDN: FCMUOU

For citation:

Kosmach P. G. The reflections on scientific significance of researching the religious factor in history of the USA. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:56–62.
Russian.
EDN: FCMUOU

Автор:

Павел Геннадьевич Космач – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Pavel G. Kosmach, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
hist2014@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5886-2285>

і пры пэўных абставінах павялічваюць шанцы на выжыванне для ўласных прыхільнікаў. Пры гэтым выніковая ацэнка эфектыўнасці дадзеных адаптацый застаецца дыскусійнай. Важнае значэнне маюць даныя аб становай узаемасувязі ўзроўню рэлігійнасці і ўзроўню нараджальнасці. Дасягненні нейрафізіялогіі дазваляюць глыбей зразумець біялагічныя аспекты рэлігійнага досведу. Выяўляецца, што ідэальныя і матэрыяльныя кампаненты чалавечай прыроды і культуры звязаны больш цесна, чым прынята было лічыць раней. Комплекснае вывучэнне ролі рэлігіі ў грамадска-палітычных працэсах уяўляецца важным і перспектыўным навуковым напрамкам гуманітарных навук XXI ст.

Ключавыя словы: рэлігія; гісторыя ЗША; хрысціянства; пратэстантызм; секулярызацыя.

THE REFLECTIONS ON SCIENTIFIC SIGNIFICANCE OF RESEARCHING THE RELIGIOUS FACTOR IN HISTORY OF THE USA

P. G. KOSMACH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the current trends in social and humanitarian studies, which have actualised the study of the religious aspects of modern and contemporary history. We can see a significant increase in attention to the relevant topics in the history of the USA and other Western countries. The complexity and ambiguity of the processes of secularisation, which are connected with the development of social atomisation and the cultural fragmentation of society, are emphasised. It is concluded that the study of the religious factor contributes to the discussion about the norms and values that ensure the functioning of the republican form of government in the USA and other Western countries. It is also noted that at the present stage, different belief systems are beginning to be understood as specific adaptations that promote civility and, under certain circumstances, increase the chances of survival for their own adherents. However, the final assessment of the effectiveness of these adaptations remains controversial. The data regarding the positive relationship between the level of religiosity and the level of fertility are also important. Advances in neurophysiology allow us to better understand the biological facets of religious experience. The ideal and material components of human nature and culture turn out to be more closely connected than was previously thought. A comprehensive study of the role of religion in socio-political processes seems to be an important and promising scientific topic in the humanities of the 21st century.

Keywords: religion; history of the USA; Christianity; Protestantism; secularisation.

Введение

События и процессы мировой истории конца XX – начала XXI в. актуализировали роль религии в общественно-политическом развитии многих стран. Современность не остановила, но поставила под вопрос секуляризацию – комплекс явлений и процессов, которые связаны с постепенным снижением влияния конфессиональных организаций на общество, формированием и подъемом светских государств, развитием и распространением атеистических идей. Ранее считалось, что под натиском науки религиозное мировоззрение должно неизбежно превратиться в прошлое человечества. Современный российский исследователь С. К. Цатурова констатировала: «Идея разрыва, имеющего политико-культурное происхождение (Ренессанс, научная революция, Просвещение, ошибочно трактуемые как антирелигиозные), остается господствующей парадигмой. Суть этого разрыва недвусмысленно выразил А. Про: “современное” или “гражданское” общество определялось с XIX в. во Франции как общество “без короля и без

Бога”. В этой формуле слово “современное” подразумевает “светское”» [1, с. 5].

Подобные подходы характерны для историографии не только Франции, но и других стран Запада (в том числе США), которые имеют опыт разделения церкви и государства, причем смысл и границы этого разделения редко разъясняются. В настоящее время картина мира значительно усложнилась, поскольку оказалось, что «религия является более значимым фактором истории Нового и Новейшего времени, чем это предполагалось ранее» [2, с. 9]. Даже в отношении XIX в., как верно отметил С. Г. Антоненко, «...речь идет не просто о линейном снижении влияния и общественного веса религии. Продолжают жить и даже получают новую идейную подпитку старые теократические утопии; в то же время на стыке веры и новых социальных явлений рождаются такие феномены, как христианский социализм, панисламизм, религиозный сионизм» [3, с. 192].

Основная часть

Изучение влияния религии на общественно-политические процессы, проходившие в странах Запада в периоды Нового и Новейшего времени, длительное время не привлекало достаточного внимания исследователей. Известный английский историк К. Доусон (1889–1970) имел веские основания написать следующее: «С начала современного научного движения в XVIII в. среди историков культуры и социологов всегда была тенденция пренебрегать изучением религии в ее фундаментальных социальных аспектах. <...> И в XIX в., за исключением кружка Сен-Симона, та же позиция, правда, выраженная менее откровенно и грубо, преобладала в научной мысли» [4, с. 79]. Научное понимание места и роли религии в социальной эволюции человечества формировалось достаточно медленно. Уже А. де Токвиль (1805–1859) воочию наблюдал активные конфессиональные процессы в США, которые обуславливали формирование общественных устоев, не имевших ничего общего со старым порядком в Европе. Он констатировал глубокую приверженность американцев того времени мнению о том, что «религия необходима для укрепления республиканских институтов» [5, с. 223–224; 6, с. 138]. Позднее взаимосвязь между социальностью и коллективными верованиями получила развитие в творчестве одного из основоположников социологии Э. Дюркгейма (1858–1917). В труде «О разделении общественного труда» (1893) он, в частности, подробно описывает корреляцию религии и права в истории. Вместе с тем перспектива неуклонной секуляризации не ставилась им под сомнение [7, с. 177]. Э. Дюркгейм подчеркивал парадоксальную трансформацию религиозности: «По мере того как все другие верования и обычаи носят все менее религиозный характер, индивид становится объектом своего рода религии. По отношению к достоинству индивида у нас есть уже культ, который, как и всякий культ, имеет свои суеверия. Это, если угодно, общая вера; но, во-первых, она возможна только благодаря разрушению других и, следовательно, не сумеет произвести тех же действий, что эта масса угасших верований. Возмещения нет» [7, с. 180].

Дальнейшее развитие гуманитарных наук подтвердило выводы Э. Дюркгейма о глубокой взаимосвязи различных проявлений социальности и религиозности. Так, немецкий социолог и историк М. Вебер (1864–1920) в своих работах показал существенную роль протестантизма в генезисе капиталистической экономики. Обращаясь к американской действительности, он констатировал и политическое значение конфессиональной жизни общества [8, с. 280–281]. Применительно к опыту США широкое распространение получила концепция «гражданской религии»,

истоки которой связаны с творчеством Ж.-Ж. Руссо¹. Социолог Р. Белла (1927–2013) глубоко проанализировал соответствующие элементы американской политической жизни, подчеркнув их теистический характер [9, с. 162–182]. Он, в частности, писал, что гражданская религия «явилась связующим звеном между глубочайшими обязательствами западной религиозной и философской традиций и общераспространенными верованиями простых американцев» [9, с. 179].

Примерно с 1970-х гг. религия рассматривалась в социально-гуманитарном познании уже в качестве отдельного фактора исторического процесса, который не утрачивает своего значения и в Новейшее время. Этому способствовали как возрождение политического ислама, так и некоторое усиление консервативных направлений американского протестантизма, что оказало существенное влияние на позиции Республиканской партии США [10, с. 350–351]. При этом некоторые формы секуляризации в ряде случаев сопутствовали социальной атомизации. Соответствующие исследования среди населения США (особенно среди молодежи) подтверждают данный вывод [11, с. 501–503; 12, р. 204–205]. Если говорить о планетарном масштабе, то можно заключить, что «...богатые общества секуляризуются, но их доля в населении мира сокращается, тогда как бедные общества не секуляризуются, но их население быстро растет. Поэтому модернизация в самом деле приносит снижение важности религии практически в каждой стране, где она происходит, но одновременно растет доля населения мира, для которого религия важна» [13, с. 105].

Актуализации религиозного фактора сопутствовали важнейшие изменения в изучении человека, культуры и общества, произошедшие во второй половине XX – начале XXI в. Развитие наук о жизни в контексте эволюционной теории сформировало новую основу для более глубокого осмысления генезиса важнейших духовно-интеллектуальных феноменов [14, с. 252–256; 15, с. 340–357; 16, с. 49–129]. Современные исследователи начинают рассматривать религию как специфическую адаптацию, способствующую социальности и при определенных обстоятельствах увеличивающую шансы на выживание для собственных приверженцев. При этом итоговая оценка эффективности данной адаптации остается дискуссионной [17, с. 438–448]. Особое значение имеют данные о положительной взаимосвязи уровня религиозности и уровня рождаемости [18, р. 119]. В свою очередь, достижения нейробиологии позволяют глубже понять биологические грани религиозного опыта² [19, с. 62–83]. Сегодня становится

¹Гражданская религия // Социология религии : словарь / М. Ю. Смирнов. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. С. 80–83.

²Атран С. Когнитивные и эволюционные корни религии. Современная западная психология религии : хрестоматия. М. : ПСТГУ, 2017. С. 526–563.

очевидным, что идеальные и материальные компоненты человеческой природы и культуры связаны теснее, чем принято было считать ранее. Известный американский биолог Э. О. Уилсон (1929–2021) отмечал: «Существуют ли гены религиозности, кодирующие нервные и биохимические реакции на молитву, подобные тем, что вызывает музыка? Относительно новая научная дисциплина – нейрофизиология религии – дает утвердительный ответ на этот вопрос» [20, с. 152]. На индивидуальном уровне вера в Бога также может трактоваться как психологический механизм отрицания смертности, в ряде случаев положительно влияющий на творческий потенциал и когнитивные способности человека [21, с. 300–319].

Значимость религиозного фактора демонстрирует история США, ставших непосредственным порождением Нового времени [22]. На первый взгляд это выглядит парадоксом: в стране, где никогда не существовало официальной церкви на уровне союза штатов, религия играла особую роль в социально-политическом развитии. Институты американского общества не отрицали протестантского христианства и были глубоко связаны с ним. Как известно, религиозный компонент присутствует в государственной символике США и официальных церемониях, а элементы теизма по-прежнему являются частью риторики американских политиков, выступая составляющей феномена так называемой гражданской религии [9, с. 162–182]. Р. Белла в связи с этим писал: «Согласно американской политической теории суверенитет, естественно, принадлежит народу, но подразумевается, а иногда и эксплицитно выражается, что высший суверенитет принадлежит Богу. В этом смысл девиза “на Бога уповаем”, а также включения слов “под Богом” в клятву верности флагу» [9, с. 167].

Вместе с тем радикальное изменение общественных ценностей в 1960–70-х гг., получившее название «великий разрыв» [23, с. 13], существенно снизило влияние христианства на социально-политическую жизнь стран Запада. Данные перемены в целом негативно отразились на показателях посещаемости церквей и численности духовенства [24, р. 1]. Не обошли эти процессы и США, где радикальные критики англо-протестантского фундамента страны получили широкую популярность (особенно среди молодежи). Эрозия американской идентичности идет рядом с фрагментацией общественной жизни, грозящей утратой чувства национального единства. Известный американский социолог Ф. Фукуяма отмечает: «За последние пятьдесят лет баланс между индивидуализмом и общинностью в США сильно пошатнулся. Группы, носители нравственных цен-

ностей, составлявшие в середине века костяк американского общества, – семья, местная община, церковный приход, трудовой коллектив... подверглись суровым испытаниям. Многие говорят о том, что американцы утрачивают способность жить общественной жизнью» [11, с. 501]. Схожего мнения придерживается и Д. Белл: «Исходные элементы, обеспечивающие людям солидарность и эмоциональное взаимодействие, – семья, синагога и церковь, община – истощились, и люди утратили способность поддерживать устойчивые связи, объединяющие их как в пространстве, так и во времени»⁵. В определенной степени данную тенденцию можно рассматривать как следствие развития протестантского индивидуализма, избавившегося от традиционных ограничений. Следует отметить, что подобные проблемы, связанные с нарастанием социальной атомизации, актуальны для большинства развитых стран мира.

Свидетельством нарастания культурных противоречий в США являются многочисленные судебные противостояния по вопросам, касающимся взаимодействия государства и религии. Ярким примером тому выступает борьба за сохранение полного текста клятвы верности флагу США (утвержденной в 1954 г.), который включает упоминание Бога. Для американца М. Ньюдоу, который придерживается атеистических убеждений, данное упоминание в тексте клятвы, произносимой в государственных средних школах, означало нарушение 1-й поправки к Конституции США [25, р. 89]. В отстаивании этой позиции М. Ньюдоу не сопутствовал успех, но и его оппонентов – тех, кто защищал традиционно значимую роль религиозных ценностей, – также нельзя назвать победителями.

В данных условиях американские церкви выбрали стратегию приспособления к новым общественным условиям [26, с. 231–236]. На практике это означало поражение в рамках противостояния между сторонниками традиционных ценностей и приверженцами мультикультурализма, для которых большая часть истории США подлежала радикальному отрицанию. Соответственно, если ранее протестантизм часто считался элементом американского образа жизни, то теперь его преобладание явно поставлено под вопрос. По данным 2012 г., приверженцы протестантизма в США впервые за всю историю составили меньшинство – 48 % (в 2007 г. их было 53 %), католики при этом составили 22 % [27]. Одновременно с этим увеличивается численность атеистов, агностиков и представителей различных течений альтернативной духовности. Б. Обама, являвшийся президентом США в 2009–2017 гг., писал о религиозном измерении политической жизни Америки следующее: «Достаточно сказать, что сегодня белые

⁵Белл Д. От священного к светскому // Религия и общество : хрестоматия по социологии религии / В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М. : Аспект пресс, 1996. С. 700.

евангельские христиане (наряду с консервативными католиками) являются основой рядовых сторонников Республиканской партии – ядром последовате-

лей, постоянно мобилизуемым сетью кафедр проповедников и информационных агентств, которых благодаря технике стало еще больше» [28, с. 226].

Заключение

Изучение религиозного фактора в истории основания и развития США представляет собой актуальную для различных областей социально-гуманитарного знания тему. Достаточно значимой является современная дискуссия о нормах и ценностях, которые, как предполагают ученые, содействуют устойчивому функционированию республиканской формы правления в странах Запада [29]. В этом отношении опыт правового строительства США, основной закон которых оказал значительное влияние на развитие конституционных норм многих государств, остается в центре внимания научного сообщества. Наследие американской революции XVIII в. служит интерес-

ным примером многообразия эпохи Просвещения, сыгравшей особую роль в истории Европы и мира в целом [30]. К сожалению, остаются непреодоленными многие стереотипные представления об общественно-политической жизни США в XVIII–XIX вв., основанные на фактическом замалчивании религиозного фактора и акцентировании главенствующей роли лишь секуляризационных процессов, специфика которых, как правило, не принималась в расчет. В силу этого важной научной задачей остается всестороннее и объективное исследование соответствующих аспектов развития ведущих стран Запада и Востока в Новое и Новейшее время.

Библиографические ссылки

1. Цатурова СК. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии). *Новая и Новейшая история*. 2016;6:3–16.
2. Дунаева ЮВ. Религия и история на страницах журнала «История и теория». В: Биллингтон ДжГ, Большакова ОВ, Глушко ЕВ, Дирксен Г-Г, Ривелли МА, Канту Ф. *Церковь и религиозное сознание в Новое и Новейшее время: сборник обзоров и рефератов*. Меглицкая ЗЮ, редактор. Москва: ИНИОН РАН; 2010. с. 8–18.
3. Антоненко СГ. Религия и церковь. В: Мирзеханов ВС, редактор. *Всемирная история. Том 5, Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации*. Москва: Наука; 2014. с. 192–209.
4. Дуусон К. *Прогресс и религия. Историческое исследование происхождения и развития идеи прогресса и ее взаимоотношения с религией*. Брюссель: Жизнь с Богом; 1991. 226 с.
5. де Токвиль А. *Демократия в Америке*. Олейник ВТ, Орлова ЕП, Малахова ИА, Иванян ИЭ, Ворожцова БН, переводчики. Москва: Прогресс; 1992. 554 с.
6. де Токвиль А. *Старый порядок и революция*. Ефимов ЛН, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2008. 246 с.
7. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Канон; 1996. 430 с.
8. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдова ЮН, редактор и составитель. Москва: Прогресс; 1990. Протестантские секты и дух капитализма; с. 273–306.
9. Белла Р. Гражданская религия в Америке. Веселова СБ, Егоров ВА, переводчики. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2014;15(3):162–182.
10. Узланер Д. *Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке*. Смирнов А, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2020. 416 с.
11. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ; 2004. 730 с.
12. Smidt CE, den Dulk KR, Penning JM, Monsma SV, Koopman DL. *Pews, prayers, and participation: religion and civic responsibility in America*. Washington: Georgetown University Press; 2008. 280 p.
13. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Лопатина СЛ, переводчик. Москва: Мысль; 2018. 347 с.
14. Уилсон ЭО. *О природе человека*. Новикова ТО, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 349 с.
15. Месуди А. *Культурная эволюция. Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки*. Собчук О, Шели А, переводчики. Москва: Дело; 2019. 384 с.
16. Белла Р. *Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени*. Васильев А, Соколовский А, переводчики. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея; 2019. 741 с.
17. Марков А. *Эволюция человека. Книга 2, Обезьяны, нейроны и душа*. Москва: Corpus; 2011. 512 с.
18. Blume M. The reproductive benefits of religious affiliation. In: Volland E, Schiefenhövel W, editors. *The biological evolution of religious mind and behavior*. Berlin: Springer-Verlag; 2009. p. 117–126.
19. Малевич ТВ. Нейротеология: теории религии и наука о мозге. *Религиоведческие исследования*. 2013;1–2:62–83.
20. Уилсон ЭО. *Смысл существования человека. Куда мы идем и почему: новое понимание эволюции*. Сивченко О, переводчик. Москва: Альпина нон-фикшн; 2015. 214 с.
21. Хайдт Дж. Психология морали и недопонимание религии. В: Брокман Дж, редактор. *Разум. Ведущие ученые размышляют о мозге, памяти, личности и счастье*. Москва: АСТ; 2017. с. 300–319.
22. Космач ПГ. *Религиозный фактор в общественно-политической жизни США (1739–1914 гг.)*. Минск: РИВШ; 2022. 284 с.
23. Фукуяма Ф. *Великий разрыв*. Александрова АВ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 474 с.
24. McLeod H. *The religious crisis of 1960's*. New York: Oxford University Press; 2007. 290 p.

25. Flowers R, Rogers M, Green S. *Religious freedom and the supreme court*. Waco: Baylor University Press; 2008. Elk Grove Unified School District v. Michael A. Newdow (2004); p. 89–92.
26. Закария Ф. *Будущее свободы: либеральная демократия в США и за их пределами*. Иноземцев ВЛ, переводчик. Москва: Ладомир; 2004. 326 с.
27. Grossman CL. As Protestants decline, those with no religion gain. *USA Today* [Internet]. 2012 [cited 2023 October 12]. Available from: <http://www.usatoday.com/story/news/nation/2012/10/08/nones-protestant-religion-pew/1618445/>.
28. Обама Б. *Дерзость надежды: мысли о возрождении американской мечты*. Камышников Т, Митрофанов А, переводчики. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2008. 411 с.
29. Хабермас Ю, Ратцингер Й (Бенедикт XVI). *Диалектика секуляризации. О разуме и религии*. Витковский В, переводчик. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея; 2006. 112 с.
30. Космач ПГ. *Эпоха Просвещения: страницы истории духовно-интеллектуальной культуры*. Минск: РИВШ; 2017. 170 с.

References

1. Tsaturova SK. Emergence of the modern European state: Medieval origins (experience of the French monarchy). *No-vaya i Noveishaya istoriya*. 2016;6:3–16. Russian.
2. Dunaeva YuV. [Religion and history on the pages of the journal «History and theory»]. In: Billington DzhG, Bol'shakov OV, Glushko EV, Dirksen G-G, Rivelli MA, Kantu F. *Tserkov' i religioznoe soznanie v Novoe i Noveishee vremya: sbornik obzorov i referatov* [Church and religious consciousness in Modern and Contemporary times: digest reviews and abstracts]. Metlitskaya ZYu, editor. Moscow: INION RAN; 2010. p. 8–18. Russian.
3. Antonenko SG. [Religion and the church]. In: Mirzekhanov VS, editor. *Vsemirnaya istoriya. Tom 5, Mir v XIX veke: na puti k industrial'noi tsivilizatsii* [World history. Volume 5, The world in the 19th century: on the way to industrial civilisation]. Moscow: Nauka; 2014. p. 192–209. Russian.
4. Dawson K. *Progress i religiya. Istoricheskoe issledovanie proiskhozhdeniya i razvitiya idei progressa i ee vzaimootnosheniya s religiei* [Progress and religion. A historical study of the origin and development of the idea of progress and its relationship with religion]. Brussels: Zhizn' s Bogom; 1991. 226 p. Russian.
5. de Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Oleinik VT, Orlova EP, Malakhova IA, Ivanyan IEH, Vorozhtsova BN, translators. Moscow: Progress; 1992. 554 p. Russian.
6. de Tocqueville A. *Staryi poryadok i revolyutsiya* [Old order and revolution]. Efimov LN, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2008. 246 p. Russian.
7. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labour]. Gofman AB, translator. Moscow: Kanon; 1996. 430 p. Russian.
8. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydova YuN, editor and compiler. Moscow: Progress; 1990. [Protestant sects and the spirit of capitalism]; p. 273–306. Russian.
9. Bella R. [Civil religion in America]. Veselova SB, Egorov VA, translators. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2014;15(3):162–182. Russian.
10. Uzlaner D. *Postsekulyarnyi povорот. Kak myslit' o religii v XXI veke* [Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]. Smirnov A, editor. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2020. 416 p. Russian.
11. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Moscow: AST; 2004. 730 p. Russian.
12. Smidt CE, den Dulk KR, Penning JM, Monsma SV, Koopman DL. *Pews, prayers, and participation: religion and civic responsibility in America*. Washington: Georgetown University Press; 2008. 280 p.
13. Inglehart R. *Cultural evolution: how people's motivations are changing and how this is changing the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 288 p.
Russian edition: Inglehart R. *Kul'turnaya ehvolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir*. Lopatina SL, translator. Moscow: Mysl'; 2018. 347 p.
14. Wilson EO. *O prirode cheloveka* [About the nature of man]. Novikova TO, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 349 p. Russian.
15. Mesudi A. *Kul'turnaya ehvolyutsiya. Kak teoriya Darvina mozhet prolit' svet na chelovecheskuyu kul'turu i ob'edinit' sotsial'nye nauki* [Cultural evolution. How Darwin's theory can shed light on human culture and unify the social sciences]. Sobchuk O, Sheli A, translators. Moscow: Delo; 2019. 384 p. Russian.
16. Bella R. *Religiya v chelovecheskoi ehvolyutsii: ot paleolita do osovogo vremeni* [Religion in human evolution: from the Paleolithic to the Axial Age]. Vasil'ev A, Sokolovskii A, translators. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute; 2019. 741 p. Russian.
17. Markov A. *Ehvolyutsiya cheloveka. Kniga 2, Obez'yany, neirony i dusha* [Human evolution. Book 2, Monkeys, neurons and the soul]. Moscow: Corpus; 2011. 512 p. Russian.
18. Blume M. The reproductive benefits of religious affiliation. In: Volland E, Schiefenhövel W, editors. *The biological evolution of religious mind and behavior*. Berlin: Springer-Verlag; 2009. p. 117–126.
19. Malevich TV. Neurotheology: theories of religion and brain science. *Researches in Religion Studies*. 2013;1–2:62–83. Russian.
20. Wilson EO. *Smysl sushchestvovaniya cheloveka. Kuda my idem i pochemu: novoe ponimanie ehvolyutsii* [The meaning of human existence. Where are we going and why: a new understanding of evolution]. Sivchenko O, translator. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2015. 214 p. Russian.
21. Heidt J. [Psychology of morality and misunderstanding of religion]. In: Brockman J, editor. *Razum. Vedushchie uchenye razmyshlyayut o mozge, pamyati, lichnosti i schast'e* [Intelligence. Leading scientists speculate about the brain, memory, personality and happiness]. Moscow: AST; 2017. p. 300–319. Russian.
22. Kosmach PG. *Religiozniy faktor v obshchestvenno-politicheskoi zhizni SSHA (1739–1914 gg.)* [The religious factor in the social and political life of the USA (1739–1914)]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2022. 284 p. Russian.
23. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The great rupture]. Aleksandrova AV, translator. Moscow: AST; 2004. 474 p. Russian.

24. McLeod H. *The religious crisis of 1960's*. New York: Oxford University Press; 2007. 290 p.
25. Flowers R, Rogers M, Green S. *Religious freedom and the supreme court*. Waco: Baylor University Press; 2008. Elk Grove Unified School District v. Michael A. Newdow (2004); p. 89–92.
26. Zakaria F. *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The future of freedom: illiberal democracy in the USA and beyond]. Inozemtsev VL, translator. Moscow: Lodomir; 2004. 326 p. Russian.
27. Grossman CL. As Protestants decline, those with no religion gain. *USA Today* [Internet]. 2012 [cited 2023 October 12]. Available from: <http://www.usatoday.com/story/news/nation/2012/10/08/nones-protestant-religion-pew/1618445/>.
28. Obama B. *Derzost' nadezhdy: mysli o vrozozhdenii amerikanskoi mechty* [The audacity of hope: thoughts on reviving the American dream]. Kamyshnikova T, Mitrofanov A, translators. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 411 p. Russian.
29. Habermas J, Ratzinger J (Benedict 16th). *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii* [The dialectic of secularisation. About reason and religion]. Vitkovskii V, translator. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute; 2006. 112 p. Russian.
30. Kosmach PG. *Ehpokha Prosveshcheniya: stranitsy istorii dukhovno-intellektual'noi kul'tury* [The age of Enlightenment: pages of the history of spiritual and intellectual culture]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 170 p. Russian.

Получена 03.11.2023 / исправлена 02.12.2023 / принята 16.12.2023.
Received 03.11.2023 / revised 02.12.2023 / accepted 16.12.2023.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 930(438):94(476)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В ОТНОШЕНИИ БЕЛОРУСОВ (1918–1939) В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1980-х – НАЧАЛА 2000-х гг.

А. Н. ЗАГИДУЛИН¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассматривается польская историография конца 1980-х – начала 2000-х гг., посвященная национальной политике Польши в отношении белорусов в 1921–1939 гг. Описывается трансформация взглядов польских историков конца 1980-х – начала 2000-х гг. на национальную политику межвоенной Польши, выявляются основные историографические позиции, сформировавшиеся в 1990-х – начале 2000-х гг. Делается вывод о том, что в 1980-х гг., в период существования Польской Народной Республики и ее социалистического партнерства с СССР, польские историки старались не поднимать острых вопросов польско-советских отношений. В исследованиях демонстрировался в целом мирный характер сосуществования этнических групп в межвоенной Польше. Определенная жесткость польской национальной политики по отношению к белорусам объяснялась необходимостью противостоять коммунистическому влиянию и русификации. О нарушениях конституционных прав и свобод белорусов в литературе не упоминалось. После ухода социалистической парадигмы в конце 1980-х гг. в польской историографии сформировались две основные концепции национальной политики государства в отношении белорусов. Первая концепция обращалась к наследию межвоенных идей, частично забытых в советское время. Суть этой концепции основывалась на мнении о том, что белорусское национальное меньшинство почти не владело национальным самосознанием, поэтому ассимиляция белорусов в Польше выглядела естественной. Полонизация белорусов была представлена как прогрессивный процесс приобщения к европейским цивилизационным ценностям. Сторонники данной концепции отмечали, что белорусское национально-освободительное движение было

Образец цитирования:

Загідулін АМ. Нацыянальная палітыка Польшчы ў адносінах да беларусаў (1918–1939) у польскай гістарыяграфіі канца 1980-х – пачатку 2000-х гг. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2024;1:63–73. EDN: НКРЗНМ

For citation:

Zahidulin AM. National policy of Poland towards Belarusians (1918–1939) in Polish historiography of the end of 1980s – early 2000s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2024;1:63–73. Belarusian. EDN: НКРЗНМ

Автор:

Алексей Николаевич Загидулин – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и права.

Author:

Aliaksei M. Zahidulin, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Belarus, archeology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism.
grsu054708@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6480-6412>



инспирировано советскими большевиками, которые хотели «раскачать» ситуацию в Западной Беларуси и создать видимость того, что местное население стремится к вхождению региона в состав СССР. Вторая концепция являлась менее распространенной. Ее теоретики К. Гомулка и В. Мих отстаивали точку зрения, согласно которой национальная политика польского государства была враждебной и вредной для белорусов. Эту политику историки не стеснялись называть ассимиляцией, а идеи правящих политических кругов – национализмом.

Ключевые слова: польская историография; история Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939); национальная политика польских властей в отношении населения Западной Беларуси в составе Польши.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта Белорусского фонда фундаментальных исследований «Общественно-политическое развитие Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) в зарубежной историографии» (№ Г23ИП-036).

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ПАЛІТЫКА Польшчы ў адносінах да беларусаў (1918–1939) у польскай гістарыяграфіі канца 1980-х – пачатку 2000-х гг.

А. М. ЗАГІДУЛІН^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Разглядаецца польская гістарыяграфія канца 1980-х – пачатку 2000-х гг., прысвечаная нацыянальнай палітыцы Польшчы ў адносінах да беларусаў у 1921–1939 гг. Апісваецца трансфармацыя поглядаў польскіх гісторыкаў канца 1980-х – пачатку 2000-х гг. на нацыянальную палітыку міжваеннай Польшчы, вызначаюцца асноўныя гістарыяграфічныя пазіцыі, сфарміраваныя ў 1990-я – пачатку 2000-х гг. Робіцца выснова аб тым, што ў 1980-я гг., у перыяд існавання Польскай Народнай Рэспублікі і яе сацыялістычнага партнёрства з СССР, польскія гісторыкі імкнуліся не ўздываць вострых пытанняў польска-савецкіх адносін. У даследаваннях дэманстраваўся ў цэлым мірны характар суіснавання этнасаў у міжваеннай Польшчы. Пэўная жорсткасць польскай нацыянальнай палітыкі тлумачылася неабходнасцю супрацьстаяць камуністычнаму ўплыву і русіфікацыі. Пра парушэнні канстытуцыйных праў і свабод беларусаў у літаратуры не згадвалася. Адзначаецца, што пасля таго, як сацыялістычная парадыгма ў канцы 1980-х гг. страціла актуальнасць, у польскай гістарыяграфіі сфарміраваліся дзве асноўныя канцэпцыі нацыянальнай палітыкі дзяржавы ў адносінах да беларусаў. Першая канцэпцыя звярталася да спадчыны міжваенных ідэй, часткова забытых у савецкі час. Сутнасць дадзенай канцэпцыі грунтавалася на меркаванні аб тым, што беларуская нацыянальная меншасць амаль не валодала нацыянальнай самасвядомасцю, таму асіміляцыя беларусаў у Польшчы выглядала натуральна. Паланізацыя беларусаў падавалася як прагрэсіўны працэс іх далучэння да еўрапейскіх цывілізацыйных каштоўнасцей. Прыхільнікі гэтай канцэпцыі адзначалі, што беларускі нацыянальна-вызваленчы рух быў інспіраваны савецкімі бальшавікамі, якія хацелі «разгайдаць» сітуацыю ў Заходняй Беларусі і стварыць бачнасць таго, што мясцовае насельніцтва імкнецца да ўваходжання рэгіёна ў склад СССР. Другая канцэпцыя з’яўлялася менш распаўсюджанай. Яе тэарэтыкі К. Гомулка і У. Мих адстойвалі пункт гледжання, згодна з якім нацыянальная палітыка польскай дзяржавы была варожай і шкоднай для беларусаў. Дадзеную палітыку гісторыкі не саромеліся называць асіміляцыйнай, а ідэі кіруючых палітычных колаў – нацыяналізмам.

Ключавыя словы: польская гістарыяграфія; гісторыя Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939); нацыянальная палітыка польскіх улад у адносінах да насельніцтва Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы.

Падзяка. Даследаванне выканана ў межах праекта Беларускага фонду фундаментальных даследаванняў «Грамадска-палітычнае развіццё Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) у замежнай гістарыяграфіі» (№ Г23ИП-036).

NATIONAL POLICY OF POLAND TOWARDS BELARUSIANS (1918–1939) IN POLISH HISTORIOGRAPHY OF THE END OF 1980s – EARLY 2000s

A. M. ZAHIDULIN^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus

The Polish historiography of the late 1980s – early 2000s, devoted to Poland’s national policy towards Belarusians in 1921–1939, is considered. The transformation of the views of Polish historians of the late 1980s – early 2000s on the national policy of interwar Poland is described, the main historiographical positions formed in the 1990s – early 2000s are revealed. It is

concluded that in the 1980s – during the existence of the Polish People’s Republic and its socialist partnership with the USSR – Polish historians tried not to raise sharp points Polish–Soviet relations. The research demonstrated the mostly peaceful nature of the coexistence of ethnic groups in interwar Poland. A certain rigidity of the Polish national policy towards Belarusians was explained by the need to resist communist influence and Russification. Violations of the constitutional rights and freedoms of Belarusians were not mentioned. After the departure of the socialist paradigm in the late 1980s, two main concepts of the state’s national policy towards Belarusians were formed in Polish historiography. The first concept addressed the legacy of interwar ideas, partially forgotten in Soviet times. The essence of this concept was based on the opinion that the Belarusian national minority had almost no national identity, so the assimilation of Belarusians in Poland looked natural. The polonisation of Belarusians was presented as a progressive process of assimilation to European civilisational values. Proponents of this concept noted that the Belarusian national liberation movement was inspired by the Soviet Bolsheviks, who wanted to shake up the situation in Western Belarus and create the appearance that the local population aspires to the region becoming part of the USSR. The second concept was less common. Its theorists K. Gomulka and V. Mih defended the point of view that the national policy of the Polish state was hostile and harmful to Belarusians. Historians have not hesitated to call this policy assimilation, and the ideas of the ruling political circles – nationalism.

Keywords: Polish historiography; history of Western Belarus within Poland (1921–1939); national policy of the Polish authorities towards Belarusians within Poland.

Acknowledgements. The research was carried out within the framework of the project of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research «Socio-political development of Western Belarus as part of Poland (1921–1939) in foreign historiography» (No. G23IP-036).

Уводзіны

Пытанне аб нацыянальнай палітыцы дзяржаўных улад міжваеннай Польшчы ў адносінах да беларусаў, што знаходзіліся ў яе складзе ў 1918–1939 гг., з’яўляецца адным з самых спрэчных у гістарычнай навуцы. Яго дыскусійнасць абумоўлена рознымі поглядамі айчынных і польскіх гісторыкаў на мэты, характар і вынікі дадзенай палітыкі. Польская гістарыяграфія мае глыбокія традыцыі вывучэння тэмы знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Мэта нашага даследавання – прасачыць трансфармацыю поглядаў польскіх гісторыкаў канца 1980-х – пачатку 2000-х гг. на нацыянальную палітыку міжваеннай Польшчы і вызначыць асноўныя гістарыяграфічныя пазіцыі, сфарміраваныя ў 1990-я – пачатку 2000-х гг.

Польская гістарыяграфія заходнебеларускіх праблем вывучалася цэлай пляядай беларускіх гісто-

рыкаў¹. З навейшых айчынных даследаванняў неабходна адзначыць работу А. Г. Цымбала [1]. З дапамогай метаду гістарычнай імагалогіі даследчык разгледзеў вобраз Заходняй Беларусі ў польскай гісторыі, літаратуры, сацыялогіі і культуралогіі. А. Г. Цымбал сцвярджае, што фарміраванне вобразу беларускага насельніцтва ў Польшчы было абумоўлена ў першую чаргу яго канфесійным адрозненнем, а таксама культурна-цывілізацыйнай і эканамічнай адсталасцю. Пункт гледжання польскай гістарыяграфіі на «крэсы» даследчык ацэньвае як «палонацэнтрычны» і адзначае, што ён з’яўляецца прыкладам этнацэнтрычнага гістарычнага дыскурсу. Праблемай польскай гістарыяграфіі, прысвечанай палітычнаму жыццю Заходняй Беларусі, А. Г. Цымбал лічыць дамінаванне польскага метадалагічнага нацыяналізму [2].

Метадалогія даследавання

Метадалагічную аснову даследавання складаюць прынцыпы гістарызму і аб’ектыўнасці. Прынцып гістарызму дазволіў разгледзець развіццё польскай гістарыяграфіі, прысвечанай грамадска-палітычнаму развіццю Заходняй Беларусі. Гнасеалагічнае значэнне прынцыпу аб’ектыўнасці заключаецца ў прызнанні каштоўнасці рознабаковых падыходаў да даследавання. Метадалагічны інструментарый артыкула прадстаўлены агульнанавуковымі і спецыяльна-гістарычнымі метадамі. З выкарыстаннем гісторыка-генетычнага метаду былі выяўлены пры-

чыны і фактары фарміравання і трансфармацыі поглядаў і ацэнак польскіх гісторыкаў, якія займаліся вывучэннем польскай нацыянальнай палітыкі ў адносінах да насельніцтва Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1920–30-я гг. Гісторыка-кампаратывісцкі метада дазволіў вызначыць агульныя і адметныя рысы гістарыяграфічных пазіцый розных вучоных. З дапамогай гісторыка-тыпалагічнага метаду ўдалося класіфікаваць гістарыяграфічныя пазіцыі па азначанай тэме, а таксама вызначыць храналагічныя перыяды ў вывучэнні гісторыі міжваеннай

¹Загідулін А. М. Польская гістарыяграфія гісторыі міжваеннай Заходняй Беларусі ў ацэнках беларускіх гісторыкаў // Польшка-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі : матэрыялы XXV Міжнар. навук. канф. «Шлях да ўзаемнасці» = Polsko-białoruskie związki jezykowe, literackie, historyczne i kulturowe : materiały XXV Miedzynar. konf. nauk. «Droga ku wzajemnosci» (Białystok, 18–19 pazdz. 2019) / pod red. B. Siegienia. Białystok : Zarząd Gł. Białorus. T-wa Społeczno-Kulturalnego, 2019. С. 371–376.

Заходняй Беларусі польскімі навукоўцамі. Выкарыстанне сукупнасці сучасных прынцыпаў і метадаў гістарычнай навукі дазволіла атрымаць но-

вую навуковую інфармацыю і інтэрпрэтаваць гістарыяграфічныя крыніцы, якімі выступілі работы польскіх гісторыкаў канца 1980-х – пачатку 2000-х гг.

Вынікі і іх абмеркаванне

У часы існавання Польскай Народнай Рэспублікі (ПНР) нацыянальная палітыка польскіх улад вывучалася дастаткова грунтоўна. У цэнтры ўвагі даследчыкаў былі праграмы розных палітычных групавак [3]. У гэты перыяд польскія гісторыкі імкнуліся не ўздываць вострых пытанняў польска-савецкіх адносін. У даследаваннях дэманстраваўся ў цэлым мірны характар суіснавання этнасаў у міжваеннай Польшчы. У якасці прыкладу можна прывесці адну з прац Е. Тамашэўскага, якая нават сваёй назвай «Айчына не толькі палякаў»² дэманструе павягу польскіх улад да нацыянальных меншасцей. Негатыўныя адносіны з боку пэўных палітычных колаў да этнаканфесійных меншасцей у Польшчы Е. Тамашэўскі тлумачыў доўгім знаходжаннем польскага народа ў складзе іншых дзяржаў. Неабходнасць супрацьстаяць германізацыі і русіфікацыі выпрацавала ў палякаў абарончую рэакцыю. Варожыя адносіны да чужых нацый захаваліся і пасля атрымання незалежнасці [4, s. 194–195]. Але ў цэлым сітуацыя не была крытычнай.

У канцы 1980-х гг. ідэалагічны ўплыў камуністычнай партыі страціў актуальнасць. У грамадска-палітычнай думцы Польшчы паўстала пытанне наконт фарміравання новай парадигмы адносін з усходнімі суседзямі – літоўцамі, беларусамі і ўкраінцамі. Існавалі два варыянты: вяртанне да імперскага праекта, які рэалізоўваўся ў 1920–30-я гг., і развіццё гістарыяграфічнага напрамку, які прадугледжваў грамадска-палітычнае развіццё беларускага насельніцтва пад лозунгам «За нашу і вашу свабоду» і культываваўся палякамі ў часы Расійскай імперыі, а таксама ў ранні савецкі перыяд.

Пытаннем аб тым, чым жывуць народы за ўсходняй мяжой, задаваўся вядомы польскі публіцыст і палітолаг Казімір Падляскі (сапраўднае імя – Б. Скарадзінскі) у манаграфіі «Беларусы, літоўцы, украінцы» [5], якая зведала шэсць перавыданняў. На момант напісання працы беларусы, літоўцы і ўкраінцы жылі яшчэ ў СССР. Польшчу аўтар лічыў ужо незалежнай і разважаў наконт таго, якую палітыку палякі павінны праводзіць у адносінах да сваіх усходніх суседзяў. Казімір Падляскі прыйшоў да наступнай высновы: свядомыя беларусы, літоўцы і ўкраінцы павінны скіроўваць свае погляды на Польшчу як на калыску свабоды і транслятар заходніх цывілізацыйных і культурных каштоўнасцей [5, s. 6]. Публіцыст звяртаў увагу на тое, што ў 1980-я гг. беларусы знаходзіліся на этапе стварэння ўласнай культуры і павінны былі лавіраваць паміж двума млы-

нарскімі камянямі – польскай культурай і рускай культурай. На думку Казіміра Падляскага, беларусы не мелі вопыту 20-гадовай незалежнасці, як літоўцы ў 1920–30-я гг., або вопыту актыўнага нацыянальна-вызваленчага руху, як украінцы, таму для іх існавала пагроза страты нацыянальнай ідэнтычнасці шляхам русіфікацыі [5, s. 21].

На фарміраванне вобраза Беларусі і беларусаў у грамадска-палітычнай думцы Польшчы ў пачатку 1990-х гг. паўплывала творчасць палітолага, гісторыка і актыўнага ўдзельніка польскага апазіцыйнага руху Юзафа Дарскага (сапраўднае імя – Е. Таргальскі). У кнізе «Беларусь. Гісторыя, сучаснасць, нацыянальныя канфлікты» [6] ён прадстаўляе кароткую даведку па гісторыі беларусаў з часоў існавання Полацкага княства. Пры гэтым большую ўвагу аўтар надае пачатку ХХ ст., у тым ліку перыяду знаходжання Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. На думку даследчыка, на гістарычнае развіццё БССР у 1920–30-я гг. значны ўплыў аказалі камуністычныя рэпрэсіі. У грамадска-палітычным жыцці насельніцтва Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы Юзаф Дарскі вызначае два асноўныя кірункі: шырокі радыкальны камуністычны рух у 1920-я гг., які быў абумоўлены моцным уплывам савецкіх камуністаў і беднасцю пераважнай часткі беларусаў, і каталіцкую і праваслаўную хрысціянскую дэмакратыю. Аўтар падкрэслівае, што сярод прыхільнікаў абодвух кірункаў былі дэпутаты і сенатары. Стварэнне праваслаўнай аўтакефальнай царквы ў Польшчы аўтар называе спробай забяспечыць беларусаў магчымасцю мець духоўную апору. Ён не згадвае, што сапраўднай прычынай гэтай ініцыятывы было не імкненне патурбавацца аб праваслаўных беларусах і ўкраінцах, а жаданне зрабіць царкву органам дзяржаўнай прапаганды. Сярод негатыўных праяў нацыянальнай палітыкі Польшчы ў адносінах да беларусаў Юзаф Дарскі называе паланізацыю [6, s. 23–26]. Характарызуючы польска-беларускія адносіны, публіцыст адзначае іх у цэлым мірны характар ва ўсе гістарычныя перыяды, у тым ліку ў часы войнаў і рэвалюцый. Таксама аўтар падкрэслівае, што палякі ўдзельнічалі ў беларускім нацыянальным руху. Акрамя таго, у працы адзначаецца, што каталіцкая царква на тэрыторыі Беларусі працягвае заставацца транслятарам польскай ідэнтычнасці.

Казімір Падляскі і Юзаф Дарскі з’яўляліся ў першую чаргу палітыкамі і публіцыстамі, а потым ужо навукоўцамі. Яны імкнуліся сфарміраваць пэўную грамадскую думку, якая дапамагла б рэалізаваць

²Тут і далей пераклад наш. – А. З.

пэўныя геапалітычныя задачы: завяршыць распад СССР і не даць Расіі магчымасцей уплываць на былыя савецкія рэспублікі.

Такім чынам, у канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. у польскай грамадска-палітычнай думцы і ў палітычнай публіцыстыцы Беларусь і беларусы паўставалі ў вобразе саюзнікаў, народа, якому Польшча павінна дапамагчы ў пазбаўленні ад камуністычнага мінулага і ў еўрапейскай інтэграцыі. Правядзенне варожай у адносінах да беларусаў нацыянальнай палітыкі ў такую мадэль адносін не ўпісвалася. Таму негатыў паланізацыі, насаджэння каталіцызму і рэпрэсій супраць беларускіх грамадскіх дзеячаў польская гістарыяграфія тлумачыла неабходнасцю адэкватнай рэакцыі дзяржавы на камуністычны дыверсійны рух. Пры гэтым большасць гісторыкаў стараліся не акцэнтаваць увагу на мэтанакіраванай нацыянальнай асіміляцыі.

У пачатку 1990-х гг. Польшча імкнулася стаць «варотамі» ў навуковы свет Еўропы для постсавецкіх краін, якія знаходзіліся ў пошуку шляхоў развіцця, у тым ліку навукова-метадалагічнага. У Польшчы быў створаны шэраг навукова-даследчых і папулярызатарскіх устаноў, якія займаліся арганізацыяй і фінансаваннем даследаванняў па гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Сярод такіх арганізацый трэба назваць Цэнтр вывучэння Усходняй Еўропы (*Studium Europy Wschodniej*), Таварыства Інстытута Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (*Towarzystwo Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*), фонд Стэфана Баторыя (*Fundacja Stefana Batorego*) і інш.

Польскія навукоўцы рэгулярна праводзілі мерапрыемствы, на якіх імкнуліся данесці свой пункт гледжання да калег з краін былога Савецкага Саюза і змяніць раней спрэчныя ацэнкі савецкай гістарыяграфіі на сваю карысць. У якасці прыкладу можна згадаць міжнародны калоквіум «Нацыянальныя і рэлігійныя меншасці ў посткамуністычнай Цэнтральнай і Усходняй Еўропе», які адбыўся ў 1992 г. у Любліне. На мерапрыемстве абмяркоўваліся пытанні этнаканфесійных адносін народаў, якія ўваходзілі ў склад Рэчы Паспалітай у розныя часы, а таксама асаблівасці дзяржаўнай палітыкі Польшчы ў адносінах да нацыянальных і канфесійных меншасцей³.

У 1990-я гг. даследаваннем нацыянальнай палітыкі міжваеннай Польшчы пачалі займацца прадстаўнікі маладога пакалення вучоных. Сярод іх неабходна адзначыць люблінскага палітолага і гісторыка

В. Паруха. У 1996 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю «Нацыянальныя меншасці ў палітычнай думцы лагера пілсудчыкаў (1926–1939)», а ў 2005 г. – хабілітацыйную працу «Палітычная думка лагера пілсудчыкаў (1926–1939)»⁴.

В. Парух выдзяляе два этапы ў развіцці палітычнай пазіцыі Ю. Пілсудскага і яго паплечнікаў. Першы этап ахоплівае 1926–1935 гг., другі этап – 1935–1939 гг. Ідэі нацыянальнай палітыкі эвалюцыяніравалі ад канцэпцыі дзяржаўнай кансалідацыі да канцэпцыі нацыянальнай кансалідацыі, якая прадугледжвала жорсткую палітыку ў адносінах да нацыянальных меншасцей. На думку аўтара, такія змены былі выкліканы наступнымі прычынамі: міжнароднай нестабільнасцю ў рэгіёне з нарастаючай пагрозай вайны; заменай палітычнага зместу паняцця «народ» на этнічны змест (фактычна гэта азначала пераход да пазіцыі нацыянальных дэмакратаў); эвалюцыяй каштоўнасцей дзяржавы ад падыходу «дабро для ўсіх» да прынцыпу выбарчай падтрымкі грамадзян з улікам іх рэлігійнай прыналежнасці, нацыянальнага паходжання і далучанасці да польскай духоўнай культуры (гэта было абумоўлена праявамі рэлігійнага і этнічнага сепаратызму); завяршэннем дыскусій па нацыянальным пытанні сярод розных колаў кіруючага палітычнага лагера і паступовым пераходам нацыянальнай палітыкі пад жорсткае кіраванне з цэнтра⁵.

На мяжы 1980–90-х гг. вывучэннем нацыянальнай палітыкі польскіх палітычных колаў у адносінах да беларусаў займалася гданьскі даследчык К. Гамулка, якая ў 1986 г. абараніла доктарскую дысертацыю «Беларускае пытанне ў праграмах польскіх палітычных партый у 1918–1922 гг.». Дасягненнем сучаснай польскай гістарыяграфіі можна назваць шэраг прац аўтара, прысвечаных беларускай палітыцы польскага ўрада: «Беларусы ў II Рэчы Паспалітай»⁶, «Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных групавак у 1918–1922 гг.» [7], «Палітыка польскіх урадаў у адносінах да беларускай меншасці ў 1918–1939 гг.» і інш. На аснове гісторыка-храналагічнага прынцыпу даследчык прасачыла дынаміку поглядаў урадавых колаў Польшчы на становішча беларусаў у дзяржаве і вызначыла тры асноўныя канцэпцыі вырашэння беларускага пытання, якія разглядаліся польскімі палітыкамі: канцэпцыю нацыянальнай дзяржавы, федэрацыйную канцэпцыю і так званую краёвую канцэпцыю. На думку К. Гамулка, на практыцы ўлады Рэчы Паспалітай

³Mniejszości narodowe i religijne w pokomunistycznej Europie Środkowowschodniej : materiały z międzynarod. konf. (Lublin, 20–22 paźdz. 1992 r.). Cz. 2. Polityka narodowościowa państw Europy Środkowowschodniej / red.: J. Z. Pietraś, A. Czarnocki. Lublin : Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. 240 s.

⁴Waldemar Paruch [Zasoby elektroniczne] // Nauka Polska. URL: <https://nauka-polska.pl/#/profile/scientist?id=23360&lang=pl&k=t1uk6q> (data odwołania: 20.07.2022).

⁵Paruch W. Mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowski (1926–1939) // Mniejszości narodowe i religijne w pokomunistycznej Europie Środkowowschodniej : materiały z międzynarod. konf. (Lublin, 20–22 paźdz. 1992 r.). Cz. 2. Polityka narodowościowa państw Europy Środkowowschodniej / red.: J. Z. Pietraś, A. Czarnocki. Lublin : Inst. Europy Środkowo-Wschodniej, 1993. S. 100–102.

⁶Gomółka K. Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej. Gdansk : Wydaw. Politech. Gdańskiej, 1992. 179 s.

рэалізоўвалі канцэпцыю нацыянальнай дзяржавы, сфармуляваную прадстаўнікамі нацыянал-дэмакратычнага руху. Палітыку ў адносінах да беларусаў аўтар трактуе як асімілятарскую⁷.

У шэрагу манаграфій К. Гамулка беларускае пытанне разглядаецца ў кантэксце пазіцый розных палітычных колаў Польшчы ў часы станаўлення польскай дзяржаўнасці, польска-савецкай вайны і далучэння беларускіх зямель да Польшчы. На думку аўтара, польскія сілы разлічвалі разыграць беларускую карту ў маі 1919 г. з дапамогай «беларускага плана» І. Падэрэўскага. Гэты план прадугледжваў стварэнне незалежнай беларускай дзяржавы ў цесным саюзе з Польшчай. Задумка не была рэалізавана па той прычыне, што яе не падтрымалі польскія палітыкі [8, s. 73–74].

У манаграфіі К. Гамулка «Беларусы ў II Рэчы Паспалітай» уздымаецца не даследаваная раней тэма – становішча беларусаў у польскай арміі. Як адзначае даследчык, з 1923 г. беларусы для праходжання тэрміновай службы ў арміі накіроўваліся ў цэнтральныя і заходнія рэгіёны Польшчы, як можна далей ад родных мясцін. Праўда, такая практыка прымянялася да ўсіх салдат тэрміновай службы незалежна ад іх нацыянальнай прыналежнасці. Таксама з 1922 г. дзейнічала правіла, згодна з якім колькасць салдат – прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей – не павінна была перавышаць 30 % ад асабовага складу вайсковай адзінкі. Даследчык адзначае, што польская армія лічылася важным асяродкам паланізацыі. Так, сярод салдат гэты працэс вёўся планамерна і мэтанакіравана, прычым беларусы лічыліся найбольш спрыяльным матэрыялам для асіміляцыі⁸. У 1933–1936 гг. сярод камандзіраў воінскіх часцей праводзілася анкетаваанне з мэтай удакладнення вынікаў паланізацыйнай палітыкі. К. Гамулка азнаёмілася з матэрыяламі анкет і прыйшла да высновы аб тым, што паланізацыя беларусаў у войску фактычна правалілася⁹.

Выкладчык Універсітэта імя Марыі Кюры-Складоўскай (Люблін) У. Міх у манаграфіі «Праблемы нацыянальных меншасцей у палітычнай думцы польскага кансерватыўнага руху (1918–1939)» [9] прыходзіць да высновы аб тым, што кансерватары, як прадстаўнікі шырокага ўмерана правага палітычнага руху, мелі розныя ідэі наконт правядзення нацыянальнай палітыкі. Пасля майскага перавароту 1926 г. яны падтрымлівалі пазіцыю ўрадавых колаў па большасці нацыянальных пытанняў. Найбольш выразныя ідэі кансерватары выказвалі наконт вырашэння яўрэйскага і ўкраінскага пытанняў. Беларускае ж пытанне ў іх уяўленні не было

настолькі злабадзённым, каб пагражаць бяспецы польскай дзяржавы, таму розныя кансерватыўныя партыі прапаноўвалі вырашаць яго па-рознаму. Фактычна ўсе кансерватары, акрамя краёўцаў, выступалі за асіміляцыю беларусаў. Краёўцы прапаноўвалі некаторыя паслабленні для беларускага насельніцтва ў сферы культуры і гаспадаркі, але на агульным палітычным небасхіле іх голас быў вельмі слабы [9, s. 209–210, 223–224].

У манаграфіі «Чужы ў польскім доме. Нацыяналістычныя канцэпцыі вырашэння праблемы нацыянальных меншасцей» [10] У. Міх сканцэнтраванымі навуковымі інтарэсамі на нацыяналістычных канцэпцыях вырашэння нацыянальнага пытання. Пазіцыю нацыяналістаў дэманстравала іх упэўненасць у тым, што паміж Польшчай і Расіяй «аніякіх народаў няма і быць не можа» [10, s. 4]. Да носьбітаў нацыяналістычнай ідэалогіі аўтар адносіць нацыяналістычную партыю і блізкія да яе партыі, некаторыя групы, якія на чале з Лагерам нацыянальнага аб'яднання праводзілі палітыку санацыі, а таксама нацыянал-сацыялістаў. На думку аўтара, нацыяналістычныя канцэпцыі вырашэння нацыянальнага пытання прапаноўвалі члены нават тых палітычных груп, якія мелі іншыя ключавыя напрамкі ідэалогіі: манархісты, хрысціянскія дэмакраты, частка кансерватараў і нават члены Польскай сялянскай народнай партыі «Пяст» [10, s. 5]. У. Міх дастаткова падрабязна разглядае, якую палітыку розныя партыі прапаноўвалі праводзіць у дачыненні да пэўных нацыянальных меншасцей (палітыка ў адносінах да яўрэяў адрознівалася ад палітыкі ў адносінах да ўкраінцаў і беларусаў) [10, s. 91–113].

Гісторыяй беларуска-польскага пагранічча і міжнацыянальных адносін дзвюх краін займаецца беластоцкі даследчык Я. Е. Мілеўскі. У адной з публікацый ён сцвярджае, што ўключэнне часткі Беларусі ў склад Польшчы было прагрэсіўным актам для беларусаў, якія мелі нізкую нацыянальную самасвядомасць і не імкнуліся да рэалізацыі пэўных форм нацыянальнага самавызначэння, у тым ліку да стварэння нацыянальнай аўтаноміі¹⁰. Я. Е. Мілеўскі падкрэслівае, што ў фарміраванні ідэі аб нацыянальнай дзяржаўнасці сярод насельніцтва Заходняй Беларусі важнае значэнне адыграў перыяд знаходжання рэгіёна ў складзе Польшчы. На аснове архіўных і статыстычных матэрыялаў гісторык вывучае жыццё Беластоцкага ваяводства і выказвае думку аб тым, што вырашэнне нацыянальнага пытання з'яўлялася адной з важнейшых умоў развіцця краю [11].

Праца Э. Кірвель «Паўночна-ўсходнія крэсы Рэспублікі Польскай у 1918–1939 гг.: палітычнае абліч-

⁷ Gomółka K. Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej. Gdansk : Wydaw. Politech. Gdańskiej, 1992. S. 106, 119.

⁸ Ibid. S. 138.

⁹ Ibid. S. 143.

¹⁰ Milewski J. J. Władze i ugrupowania polityczne polskie wobec kwestii białoruskie w Polsce w okresie międzywojennym // Z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. Białystok : Dział Wydaw. Filii UW, 1995. S. 361–371.

ча» [12] уражае ў першую чаргу сваёй назвай, бо ў XXI ст. у навуковых працах (нават у польскіх) тэрмін «крэсы» рэдка ўжываецца без двукосся. Пад паўночна-ўсходнімі «крэсамі» аўтар мае на ўвазе толькі Віленскае і Навагрудскае ваяводства. Навуковая навізна працы заключаецца ў тым, што крыніцавую базу даследавання склалі матэрыялы Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Літвы.

Вядомым даследчыкам жыцця насельніцтва Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы з'яўляецца прафесар Беластоцкага ўніверсітэта В. Сляшыньскі, у поле зроку якога трапляюць пытанні нацыянальнай палітыкі польскіх улад у дачыненні да беларусаў. Цікавасць выклікае манаграфія навукоўца «Барацьба дзяржаўных органаў з беларускай дыверсійнай дзейнасцю» [13]. На шырокай крыніцазнаўчай базе падрыхтавана кніга В. Сляшыньскага «Унутраная бяспека ў палітыцы польскай дзяржавы на паўночна-ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай». Вырашэнне польскімі ўладамі нацыянальнага і канфесійнага пытанняў разглядаецца аўтарам як асноўны фактар забеспячэння грамадскай бяспекі і палітычнай стабільнасці дзяржавы [14]. Сваю пазіцыю прафесар дэманструе і ў артыкуле «Нацыянальная палітыка польскіх улад на землях Усходняй Літвы і Заходняй Беларусі»¹¹. У публікацыі даследчык падкрэслівае розніцу паміж дэкларацыяй праектаў нацыянальнай палітыкі і іх рэалізацыяй на месцах. Аўтар прыходзіць да высновы аб тым, што «прычыны адсутнасці эфектыўных вынікаў нацыянальнай палітыкі ў першай палове 1920-х гадоў улады бачылі не ў памылковых устаноўках асіміляцыйнай канцэпцыі, а ў недахопах і памылках у дзейнасці дзяржаўных органаў»¹². В. Сляшыньскі прызнае асіміляцыйны характар польскай палітыкі ў адносінах да беларусаў і тлумачыць яго аб'ектыўнымі прычынамі: слабай пазіцыяй беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі, нізкім узроўнем нацыянальнай свядомасці беларускага насельніцтва, адсутнасцю рэакцыі міжнароднага супольніцтва на парушэнні праў нацыянальных меншасцей і неабходнасцю барацьбы з камуністычным рухам. Для характарыстыкі нацыянальнай палітыкі Польшчы ў адносінах да беларусаў у 1930-я гг. даследчык выкарыстоўвае выраз «асіміляцыя без адкрытых канфліктаў»¹³.

У аглядавай працы «Палескае ваяводства» [15] (серыя манаграфічных публікацый «“Крэсовыя” ваяводства II Рэчы Паспалітай») В. Сляшыньскі даследуе асаблівасці рэалізацыі нацыянальнай і канфесійнальнай палітыкі ў рэгіёне на аснове аналізу сацыяльна-эканамічнага і культурнага жыцця. У кнізе апісваецца канцэпцыя нацыянальнай палітыкі палескага ваяводства С. Даўнаровіча, якая прадугледжвала ўзмацненую паланізацыю. В. Сляшыньскі перакананы ў тым, што польскія ўлады рэалізавалі план С. Даўнаровіча (з пэўнымі мадыфікацыямі). У манаграфіі таксама адзначаюцца поспехі ў гаспадарчым развіцці Палескага ваяводства ў 1930-я гг., што сведчыла аб эфектыўнай дзейнасці польскай адміністрацыі.

У 2011–2014 гг. В. Сляшыньскі выступаў кіраўніком беларуска-польскага навукова-даследчага праекта «Дакументы па гісторыі паўночна-ўсходніх “крэсаў” II Рэчы Паспалітай». Мэтай праекта з'яўлялася навуковая папулярызацыя матэрыялаў па гісторыі Беларусі і Польшчы ў 1919–1939 гг., якія захоўваюцца ў беларускіх, літоўскіх і польскіх архівах. Праект ажыццяўляўся супрацоўнікамі Беластоцкага ўніверсітэта і Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Па выніках даследаванняў апублікавана шэсць прац¹⁴. Сярод іх тэме рэалізацыі нацыянальнай палітыкі прысвечаны наступныя публікацыі: «Пратакты і справаздачы пасяджэнняў ваявод і стараст. Палескае ваяводства», «Кантраляваць ці ліквідаваць. Камуністычная партыя Заходняй Беларусі», «Пратакты і справаздачы сходаў ваяводаў і стараст. Навагрудскае ваяводства», «Пратакты і справаздачы сходаў ваявод і стараст. Віленскае ваяводства», «Выхаваць лаяльных грамадзян. Адукацыйная палітыка Польскай дзяржавы на Палесці».

Курс, узяты польскімі ўладамі ў сферы адукацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі, найбольш дакладна характарызуе агульны кірунак нацыянальнай палітыкі Польшчы ў адносінах да беларусаў. Гэтай тэме прысвечаны шэраг даследаванняў, найбольш грунтоўныя з іх праведзены яшчэ ў часы ПНР. Напрыклад, у працы М. Семаковіча аналізуецца прапанова нацыянальных дэмакратаў і пілсудчыкаў па вырашэнні адукацыйнага пытання. Наяўнасць розных пазіцый абумоўлівала сітуацыю, пры якой

¹¹Сляшыньскі В. Нацыянальная палітыка польскіх улад на землях Усходняй Літвы і Заходняй Беларусі // Беларус. гіст. часоп. 2006. № 9. С. 9–15.

¹²Там жа. С. 11.

¹³Там жа. С. 12–13.

¹⁴Jarmarki Poleskie – próba aktywizacji życia gospodarczego / red.: W. Śleszyński, A. Włodarczyk. Kraków : Avalon, 2013. 147 s.; Protokoły i raporty zebrań wojewodów i starostów – województwo poleskie / wstęp i oprac. nauk. W. Śleszyński ; współ. M. Szarejko. Kraków : Avalon, 2014. 313 s.; Kontrolować czy likwidować – Komunistyczna partia Zachodniej Białorusi / wstęp i oprac. nauk. W. Śleszyński ; współ. J. Owłasiuk. Białystok : Avalon, 2015. 368 s.; Protokoły i raporty zebrań wojewodów i starostów – województwo nowogrodzkie / wstęp i oprac. nauk. M. Szarejko, W. Śleszyński. Białystok : Avalon, 2015. 135 s.; Protokoły i raporty zebrań wojewodów i starostów – województwo wileńskie / wstęp i oprac. nauk. M. Szarejko, W. Śleszyński. Białystok : Avalon, 2016. 373 s.; Wychować lojalnych obywateli – polityka oświatowa państwa polskiego na Polesiu / wstęp i oprac. nauk. A. Smolarczyk, W. Śleszyński, A. Włodarczyk. Kraków : Avalon, 2016. 167 s.

кіруючая суполка вагалася паміж рэалізацыяй канцэпцыі нацыянальнага выхавання і рэалізацыяй канцэпцыі дзяржаўнага выхавання. Нягледзячы на пэўныя рэверансы некаторых прыхільнікаў дзяржаўнай асіміляцыі нацыянальных меншасцей (напрыклад, Л. Васілеўскага) у бок нацыянальнай адукацыі, абедзве канцэпцыі прадугледжвалі абмежаванні ў выкарыстанні моў нацыянальных меншасцей у сістэме польскай адукацыі. М. Семаковіч прыходзіць да высновы аб тым, што ў 1930-я гг. прадстаўнікі пілсудчыкаў – прыхільнікі канцэпцыі дзяржаўнага выхавання – згаджаюцца з пазіцыяй нацыянальных дэмакратаў і выступаюць супраць вядзення адукацыйнага працэсу на мовах нацыянальных меншасцей¹⁵.

Аўтарытэтным даследчыкам тэмы асветы ў Заходняй Беларусі з'яўляецца беластоцкі гісторык А. Смалярчык. У адной са сваіх прац аўтар праводзіць аналіз адпаведных нарматыўна-прававых актаў, кадровай палітыкі, метадаў кіравання мясцовага дзяржапарату і адзначае асіміляцыйны характар польскай адукацыйнай палітыкі ў адносінах да беларусаў [16].

Сучасныя тэндэнцыі польскай гістарыяграфіі па заходнебеларускіх праблемах у міжваеннай Польшчы ілюструе навуковая творчасць вrocławскага гісторыка П. Ціхарацкага. Яго працы характарызуюцца звужэннем тэматыкі: сацыяльна-палітычныя праблемы даследуюцца на прыкладзе канкрэтных тэрыторый (у першую чаргу Палесся)¹⁶ [17–19], разглядаецца дзейнасць персаналій – прадстаўнікоў польскай адміністрацыі¹⁷ [20], аналізуюцца пэўныя аспекты адносін польскай адміністрацыі і каталіцкай царквы ў Заходняй Беларусі¹⁸. П. Ціхарацкі з'яўляецца адным з укладальнікаў зборнікаў дакументаў па гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы. У кантэксце нашага даследавання неабходна адзначыць зборнік успамінаў вядомага грамадска-палітычнага дзеяча Польшчы Л. Васілеўскага, які з'яўляўся паплечнікам Ю. Пілсудскага і прымаў актыўны ўдзел у распрацоўцы польскай нацыянальнай палітыкі. Адзін з дакументаў, размешчаных у зборніку, прысвечаны падарожжю Л. Васілеўскага па ўсходніх ваяводствах, дзе ён сустракаўся як з функцыянерамі мясцовай адміністрацыі, так і з прадстаўнікамі нацыянальных рухаў. Змест дзённіка дапамагае зразумець абставіны, у якіх распрацоўваліся планы па вырашэнні нацыянальнага пытання¹⁹.

У манаграфіі [21] Я. Янушэўска-Юркевіч на прыкладзе Віленскага ваяводства разглядае становішча беларускай нацыянальнай меншасці і адносіны беларусаў з мясцовай адміністрацыяй. Нацыянальная палітыка Польшчы ў адносінах да беларусаў на Віленшчыне мела свае асаблівасці ў параўнанні з іншымі ўсходнімі ваяводствамі. Гэта было абумоўлена высокай актыўнасцю беларускіх грамадскіх арганізацый у рэгіёне. Я. Янушэўска-Юркевіч адзначае, што гэта актыўнасць успрымалася мясцовымі польскімі ўладамі пераважна як небяспечная [21, s. 608–610].

Арыгінальным падыходам да вывучэння адносін паміж польскай адміністрацыяй і насельніцтвам далучаных усходніх тэрыторый вызначаюцца кнігі гісторыка і сацыёлага У. Мяндрэцкага «Валынскае ваяводства (1921–1939): элементы цывілізацыйных, грамадскіх і палітычных перамен» [22] і «Польская інтэлігенцыя на Валыні ў міжваенны перыяд» [23]. У Заходняй Украіне склалася сітуацыя, аналагічная сітуацыі ў Заходняй Беларусі. Аўтар разглядае шматлікія аспекты дзейнасці прадстаўнікоў мясцовай улады, не саромеючыся адзначаць негатыўныя моманты іх паводзін (праяўленні ўласнай перавагі і ўпэўненасці ў беспакаранасці). На думку У. Мяндрэцкага, адмоўныя вынікі польскай палітыкі ва ўсходніх рэгіёнах былі абумоўлены не шавінізмам мясцовай адміністрацыі, а яе недастатковай даведчанасцю аб жыцці краю. Навуковец даследуе гісторыю міжваеннай Польшчы і ўсходніх ваяводстваў, выкарыстоўваючы каштоўныя і антрапалагічныя падыходы. Грунтоўнае даследаванне ўвасобілася ў падрыхтоўцы манаграфій «“Крэсовы” калейдаскоп: вандроўкі па ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай. 1918–1939 гг.» [24] і «Абноўлены сметнік. Як мы ставіліся да незалежнасці ў II Рэчы Паспалітай» [25]. Аўтар звяртаецца да шырокага выкарыстання тэрміна «крэсы» ў адносінах да ўсходніх зямель міжваеннай Польшчы, даследуе паходжанне дадзенага паняцця і абгрунтоўвае важнасць міфа аб «крэсах» у станаўленні польскай нацыянальнай самасвядомасці [24, s. 9]. Пазіцыю большасці палітычных дзеячаў міжваеннай Польшчы (у тым ліку па нацыянальным пытанні) У. Мяндрэцкі характарызуе негатыўна, але гэта крытыка не датычыцца іх шавіністычных поглядаў у адносінах да нацыянальных меншасцей. Даследчык канцэнтруе сваю ўвагу на тым, якую выгаду палякі маглі

¹⁵ Siemakowicz M. Polityka oświatowa władz polskich wobec mniejszości białoruskiej w Drugiej Rzeczypospolitej – aspekt programowy // Białoruś w XX stuleciu: w kręgu kultury i polityki / pod red. D. Michaluk. Toruń : Wydaw. Nauk. Uniw. Mikołaja Kopernika, 2007. S. 625–642.

¹⁶ Cichoracki P. Polesie nieidylliczne. Zaburzenia porządku publicznego w województwie poleskim w latach trzydziestych XX w. Łomianki : LTW, 2012. 273 s.

¹⁷ Cichoracki P. Piotr Olewiński – współtwórca i kontestator poleskiej sanacji // Piłsudzczy i sanatorzy drugiego planu (1926–1939). Portrety zbiorowe i indywidualne / red.: R. Litwiński, M. Sioma. Lublin : Wydaw. Uniw. Marii Curie-Skłodowskie, 2019. S. 485–502.

¹⁸ Cichoracki P. Administracja państwowa a Kościół katolicki na obszarze województw północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1937–1939 // Polacy na Białorusi od Powstania Styczniowego do XXI wieku. T. 6. Kościół katolicki / pod red. T. Gawina. Warszawa : Studium Europy Wschod. Uniw. Warszawskiego, 2022. S. 277–296.

¹⁹ Wasilewski L. Wspomnienia 1870–1904 (1914). Fragmenty dziennika 1916–1926. Diariusz podróży po kresach 1927. Łomianki : LTW, 2014. 368 s.

атрымаць і атрымалі ад суіснавання з іншымі этнасамі [25]. У кнізе «“Крэсовы” калейдаскоп: вандроўкі па ўсходніх землях II Рэчы Паспалітай. 1918–1939 гг.» У. Мяндрэцкі падсумоўвае, што ў першыя гады свайго існавання II Рэч Паспалітая фарміравалася як нацыянальная дзяржава, мэтай развіцця якой былі інтарэсы толькі палякаў. За 20 гадоў у гэтым кірунку зроблена многа: умацавана інстытуцыянальнасць, забяспечаны матэрыяльны рост, а сярод большасці грамадзян польскай нацыянальнасці сфарміравалася прадзяржаўная пазіцыя. Але, як адзначае аўтар, пазіцыянаванне Польшчы як нацыянальнай дзяржавы выключала з грамадска-палітычнага жыцця дастаткова актыўную групу грамадзян, якія не ідэнтыфікавалі сябе з польскай нацыянальнасцю. Больш за тое, прадстаўнікі гэтай грамадскай групы (а яны складалі прыблізна трэцюю частку насельніцтва II Рэчы Паспалітай) падазраваліся ў нелаяльнасці да польскіх дзяржаўных інтарэсаў [24, s. 388–389].

Асобную пазіцыю займаюць гісторыкі Польшчы, якія гуртуюцца вакол Беларускага гістарычнага таварыства і яго навуковага выдання – часопіса «Беларускія гістарычныя сшыткі» (*Białoruskie zeszyty historyczne*). Яны прадстаўляюць канцэпцыю, згодна з якой беларусы з’яўляюцца гістарычным суб’ектам, а не аб’ектам варожых ці прыхільных палітычных сіл.

Аўтарытэтным даследчыкам грамадска-палітычнага развіцця Заходняй Беларусі з’яўляецца член Беларускага гістарычнага таварыства Я. Мірановіч. Першапачаткова яго навуковы інтарэс канцэнтравалася на становішчы насельніцтва Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы ў 1944–1949 гг. Паступова гісторык перайшоў да аналізу становішча беларусаў у складзе II Рэчы Паспалітай. Яго манаграфія «Бе-

ларусы ў Польшчы (1918–1949)» [26] – гэта перакладзены на беларускую мову і дапрацаваны варыянт кнігі «Białorusini w Polsce 1944–1949» [27].

Я. Мірановіч з’яўляецца аўтарам шэрагу даследаванняў, прысвечаных распрацоўцы канцэпцыі нацыянальнай палітыкі ў лагеры пілсудчыкаў. Аўтар задаецца пытаннем аб тым, па якой прычыне Ю. Пілсудскі з папалчнікамі ў 1930-я гг. адышоў ад дэклараванай ім у часы аднаўлення польскай дзяржавы федэрацыйнай канцэпцыі і стаў прыхільнікам канцэпцыі нацыянальнай дзяржавы. У той жа час Л. Васілеўскі, Т. Галуўка, М. Недзялкоўскі і іншыя тэарэтыкі нацыянальнай палітыкі Ю. Пілсудскага працягвалі прытрымлівацца ліберальных у адносінах да беларусаў і ўкраінцаў поглядаў і лічылі палітыку санацыі непрымальнай для пабудовы нармальных міжнацыянальных адносін на ўсходзе дзяржавы. Важным складнікам поспеху нацыянальнай палітыкі была яе рэалізацыя мясцовымі ўладамі. Я. Мірановіч звяртае ўвагу на вобраз беларуса, што сфарміраваўся ў традыцыйнай свядомасці нізавога польскага чыноўніка. На думку гісторыка, традыцыйныя пагардлівыя адносіны да беларусаў з боку адміністрацыйнага апарату зрабілі немагчымым іншы варыянт рэалізацыі нацыянальнай палітыкі на месцах [28, s. 23].

Вядомы беластоцкі даследчык царкоўна-рэлігійнай гісторыі А. Мірановіч у манаграфіі «Праваслаўная царква ў Польшчы» падкрэслівае важнасць правядзення ўзважанай канфесійнай палітыкі ў Заходняй Беларусі. Даследчык пазітыўна ацэньвае стварэнне аўтакефальнай праваслаўнай царквы ў міжваеннай Польшчы, матывуючы гэта неабходнасцю «вырваць праваслаўную царкву з-пад маскоўскай юрысдыкцыі» [29, s. 515].

Заклучэнне

У часы існавання ПНР польская гістарыяграфія старалася не ўздываць вострых пытанняў польска-савецкіх адносін. Адною са спрэчных тэм з’яўлялася палітыка польскіх улад у адносінах да нацыянальных меншасцей у міжваеннай Польшчы. Тым не менш аўтарытэтным даследчыкам нацыянальнай палітыкі польскай дзяржавы А. Хайноўскі і Е. Тамашэўскі называлі сацыялістычныя погляды Ю. Пілсудскага міфам, а федэрацыйную канцэпцыю, якую ён дэкларавалі ў часы польска-савецкай вайны і ў пачатку 1920-х гг., – тактычным прыёмам для прыцягнення ўсходніх рэгіёнаў у склад Польшчы. Даследаванні перыяду існавання ПНР адлюстроўвалі ў цэлым мірны характар суіснавання этнасаў у міжваеннай Польшчы. Пэўная жорсткасць польскай нацыянальнай палітыкі тлумачылася неабходнасцю супрацьстаяць камуністычнаму ўплыву і русіфікацыі. Пра парушэнні канстытуцыйных праў і свабод беларусаў не згадвалася. У 1990-я гг. пазіцыя польскіх гісторыкаў наконт нацыянальнай палітыкі Польшчы

ў міжваенны перыяд эвалюцыяніравала ўправа. Гісторыкі імкнуліся апраўдаць змены ў ідэалогіі кіруючага кола пілсудчыкаў у бок жорсткасці знешняй пагрозай, эканамічнымі праблемамі і іншымі аб’ектыўнымі фактарамі.

Пасля таго як сацыялістычная парадыгма ў канцы 1980-х гг. страціла актуальнасць, у польскай гістарыяграфіі сфарміраваліся дзве асноўныя канцэпцыі ў ацэнцы нацыянальнай палітыкі Польшчы ў адносінах да беларусаў. Першая канцэпцыя звярталася да спадчыны міжваенных ідэй, часткова забытых у савецкі час. Яе сутнасць можна апісаць наступным чынам. Беларуска нацыянальная меншасць амаль не валодала нацыянальнай самасвядомасцю, таму асіміляцыя беларусаў у Польшчы выглядала натуральна. Паланізацыя беларусаў падавалася як прагрэсіўны працэс іх далучэння да еўрапейскіх цывілізацыйных каштоўнасцей. Прыхільнікі гэтай канцэпцыі адзначалі, што беларускі нацыянальна-вызваленчы рух быў інспіраваны

савецкімі бальшавікамі, якія хацелі «разгадаць» сітуацыю ў Заходняй Беларусі і стварыць бацчасць таго, што мясцовае насельніцтва імкнецца да ўваходжання рэгіёна ў склад СССР. Другая канцэпцыя з'яўлялася менш распаўсюджанай. Яе тэарэтыкі К. Гамулка і У. Міх адстойвалі пункт гледжання, згодна з якім нацыянальная палітыка польскай дзяржавы ў адносінах да беларусаў была варожай і шкоднай.

Дадзеную палітыку гісторыкі не саромеліся называць асіміляцыйнай, а ідэі кіруючых палітычных колаў – нацыяналізмам.

Да асобнай групы можна аднесці вучоных – членаў Беларускага гістарычнага таварыства. Яны пазіцыянавалі сябе ў якасці прадстаўнікоў беларускай гістарыяграфіі, змагароў за нацыянальныя інтарэсы беларускага народа.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Цымбал АГ. Вобраз Заходняй Беларусі ў складзе II Рэчы Паспалітай у польскай гістарыяграфіі. *Вестник МГЛУ. Серія 3, Історыя, філосафія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія, політалогія*. 2017;16:21–27.
2. Цымбал АГ. Сучасная польская гістарыяграфія палітычнага жыцця ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). *Вестник МГЛУ. Серія 3, Історыя, філосафія, сацыялогія, эканоміка, культуралогія, політалогія*. 2021;20:41–46.
3. Загідулін АМ. Беларусы ў складзе польскай дзяржавы (1921–1939 гг.) у польскай гістарыяграфіі 40–80-х гг. XX ст. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія*. 2022;1(14):51–57.
4. Tomaszewski J. *Ojczyzna nie tylko Polaków: mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939*. Warszawa: Młodzieżowa Agencja Wydawnicza; 1985. 223 s.
5. Kazimierz Podlaski. *Białorusini, litwini, ukraińcy*. Białystok: Versus; 1990. 152 s.
6. Darski J. *Białoruś. Historia, współczesność, konflikty narodowe*. Warszawa: Instytut Polityczny; 1993. 105 s.
7. Gomółka K. *Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922*. Warszawa: Gryf; 1994. 263 s.
8. Gomółka K. *Polske ugrupowania politycznych wobec kwestii białoruskiej 1918–1922*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski; 1989. 267 s.
9. Mich W. *Koncepcje rozwiązania problem mniejszości narodowych w myśli politycznej polskiego ruchu konserwatywnego (1918–1939)*. Lublin: Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 1992. 306 s.
10. Mich W. *Obcy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 1994. 326 s.
11. Milewski JJ. *Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku; 1999. 137 s.
12. Kirwieli E. *Kresy Polnocno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939: oblicze polityczne*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 2011. 219 s.
13. Śleszyński W. *Walka instytucji państwowych z białoruską działalnością dywersyjną (1920–1925)*. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne; 2005. 184 s.
14. Śleszyński W. *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN; 2007. 400 s.
15. Śleszyński W. *Województwo Poleskie*. Kraków: Avalon; 2014. 335 s.
16. Smolarczyk A. *Szkolnictwo powszechne i oświata pozaszkolna w województwie poleskim w latach 1919–1939*. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; 2014. 541 s.
17. Cichoracki P. *Województwo poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych*. Łomianki: LTW; 2014. 477 s.
18. Cichoracki P. *Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939*. Łomianki: LTW; 2016. 274 s.
19. Cichoracki P. *Stołpce-Łowcza-Leśna 1924. II Rzeczypospolita wobec najpoważniejszych incydentów zbrojnych w województwach północno-wschodnich*. Łomianki: LTW; 2012. 356 s.
20. Cichoracki P. *Droga ku anatemie. Wacław Kostek-Biernacki (1884–1957)*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2009. 496 s.
21. Januszewska-Jurkiewicz J. *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2010. 712 s.
22. Mędrzecki W. *Województwo Wołyńskie (1921–1939): elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1988. 202 s.
23. Mędrzecki W. *Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym*. Warszawa: Neriton; 2005. 332 s.
24. Mędrzecki W. *Kresowy kalejdoskop: Wędrowniki przez Ziemię Wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939*. Kraków: Wydawnictwo Literackie; 2018. 422 s.
25. Mędrzecki W. *Odzyskany śmietnik. Jak radziliśmy sobie z niepodległością w II Rzeczypospolitej?* Warszawa: Wydawnictwo Literackie; 2022. 486 s.
26. Мірановіч Я. *Беларусы ў Польшчы (1918–1949)*. Вільня: Інстытут беларусістыкі; 2010. 191 с.
27. Mironowicz E. *Białorusini w Polsce 1944–1949*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 1993. 218 s.
28. Mironowicz E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana; 2007. 294 s.
29. Mironowicz A. *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2006. 917 s.

References

1. Tsymbal AG. [The image of Western Belarus as part of the Second Polish-Lithuanian commonwealth in Polish historiography]. *Vestnik MGLU. Seriya 3, Istorija, filosofija, sotsiologija, ehkonomika, kul'turologija, politologija*. 2017;16:21–27. Belarusian.
2. Tsymbal AG. [Contemporary Polish historiography of political life in Western Belarus (1921–1939)]. *Vestnik MGLU. Seriya 3, Istorija, filosofija, sotsiologija, ehkonomika, kul'turologija, politologija*. 2021;20:41–46. Belarusian.

3. Zagidulin AM. Belarusians as part of the Polish state (1921–1939) in the Polish historiography of the 40s–80s of the 20th century. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1, History and archaeology. Philosophy. Political Science.* 2022;1(14):51–57. Belarusian.
4. Tomaszewski J. *Ojczyzna nie tylko Polaków: mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939*. Warszawa: Młodzieżowa Agencja Wydawnicza; 1985. 223 s.
5. Kazimierz Podlaski. *Białorusini, litwini, ukraińcy*. Białystok: Versus; 1990. 152 s.
6. Darski J. *Białoruś. Historia, współczesność, konflikty narodowe*. Warszawa: Instytut Polityczny; 1993. 105 s.
7. Gomółka K. *Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych w latach 1918–1922*. Warszawa: Gryf; 1994. 263 s.
8. Gomółka K. *Polske ugrupowania polityczne wobec kwestii białoruskiej 1918–1922*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski; 1989. 267 s.
9. Mich W. *Koncepcje rozwiązania problem mniejszości narodowych w myśli politycznej polskiego ruchu konserwatywnego (1918–1939)*. Lublin: Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; 1992. 306 s.
10. Mich W. *Obcy w polskim domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiązania problemu mniejszości narodowych*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 1994. 326 s.
11. Milewski JJ. *Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku; 1999. 137 s.
12. Kirwiel E. *Kresy Polnocno-Wschodnie Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1918–1939: oblicze polityczne*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; 2011. 219 s.
13. Śleszyński W. *Walka instytucji państwowych z białoruską działalnością dywersyjną (1920–1925)*. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne; 2005. 184 s.
14. Śleszyński W. *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN; 2007. 400 s.
15. Śleszyński W. *Województwo Poleskie*. Kraków: Avalon; 2014. 335 s.
16. Smolarczyk A. *Szkolnictwo powszechne i oświata pozaszkolna w województwie poleskim w latach 1919–1939*. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; 2014. 541 s.
17. Cichoracki P. *Województwo poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych*. Łomianki: LTW; 2014. 477 s.
18. Cichoracki P. *Komuniści na Polesiu w latach 1921–1939*. Łomianki: LTW; 2016. 274 s.
19. Cichoracki P. *Stołpce-Łowcza-Leśna 1924. II Rzeczypospolita wobec najpoważniejszych incydentów zbrojnych w województwach północno-wschodnich*. Łomianki: LTW; 2012. 356 s.
20. Cichoracki P. *Droga ku anatemie. Wacław Kostek-Biernacki (1884–1957)*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej; 2009. 496 s.
21. Januszewska-Jurkiewicz J. *Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego; 2010. 712 s.
22. Mędrzecki W. *Województwo Wołyńskie (1921–1939): elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1988. 202 s.
23. Mędrzecki W. *Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym*. Warszawa: Neriton; 2005. 332 s.
24. Mędrzecki W. *Kresowy kalejdoskop: Wędrowniki przez Ziemię Wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939*. Kraków: Wydawnictwo Literackie; 2018. 422 s.
25. Mędrzecki W. *Odzyskany śmietnik. Jak radziliśmy sobie z niepodległością w II Rzeczypospolitej?* Warszawa: Wydawnictwo Literackie; 2022. 486 s.
26. Miranovich Ja. *Belarusy w Pol'shchy (1918–1949)* [Belarusians in Poland (1918–1949)]. Vilnius: Instytut belarustyki; 2010. 191 p. Belarusian.
27. Mironowicz E. *Białorusini w Polsce 1944–1949*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 1993. 218 s.
28. Mironowicz E. *Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu pilsudczykowskiego*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana; 2007. 294 s.
29. Mironowicz A. *Kościół prawosławny w Polsce*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne; 2006. 917 s.

Атрымана 07.08.2023 / выпраўлена 14.11.2023 / прынята 15.12.2023.
Received 07.08.2023 / revised 14.11.2023 / accepted 15.12.2023.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГИЯ

ETHNOLOGY

УДК 392.81

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ МОЛДАВАН БЕЛАРУСИ КАК МАРКЕР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Е. Н. КВИЛИНKOVA¹⁾

¹⁾Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы
НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются отражение этнокультурной идентичности и результаты межкультурного взаимодействия молдаван Беларуси через национальную кухню. Данная этническая общность до настоящего времени оставалась совершенно не изученной в белорусской этнологии. Основу исследования составил материал, собранный автором в 2020–2023 гг., который впервые вводится в научный оборот. Путем углубленного интервью были опрошены более 50 информантов-молдаван. В результате проведенного исследования выявлены различия в степени сохранности блюд национальной кухни в повседневной жизни молдаван, переселившихся в Беларусь в советский и постсоветский периоды. Делается вывод о том, что национальная кухня у представителей молдавской диаспоры является наиболее устойчивым и значимым элементом народной культуры. Отмечается, что влияние белорусской национальной кухни более всего проявляется у молдаван, переселившихся в Беларусь в советский период и живущих здесь более 30–40 лет. Обозначены межэтнические различия в системах питания молдаван и белорусов, которые проявляются в приоритетном использовании тех или иных продуктов (мука, крупы, картофель и др.).

Ключевые слова: молдаване Беларуси; диаспора; национальная кухня; традиции; межкультурное взаимодействие.

Образец цитирования:

Квиллинкова ЕН. Национальная кухня молдаван Беларуси как маркер этнической идентичности в контексте межкультурного общения. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:74–84.
EDN: DXEWTE

For citation:

Kvilinkova EN. National cuisine of the Moldovans of Belarus as a marker of ethnic identity in the context of intercultural insights. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:74–84. Russian.
EDN: DXEWTE

Автор:

Елизавета Николаевна Квиллинкова – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.

Author:

Elizaveta N. Kvilinkova, doctor of science (history), docent; leading researcher.
cvilincova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КУХНЯ МАЛДАВАН БЕЛАРУСІ ЯК МАРКЕР ЭТНІЧНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ Ё КАНТЭКСЦЕ МІЖКУЛЬТУРНЫХ ЗНОСІН

Е. М. КВІЛІНКОВА^{1*}

^{1*} *Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Кранівы
НАН Беларусі, вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь*

Разглядаюцца адлюстраванне этнакультурнай ідэнтычнасці і вынікі міжкультурнага ўзаемадзеяння малдаван Беларусі праз нацыянальную кухню. Дадзеная этнічная супольнасць да гэтага часу заставалася не вывучанай у беларускай этналогіі. У аснову даследавання пакладзены матэрыял, сабраны аўтарам у 2020–2023 гг., які ўпершыню ўводзіцца ў навуковы абарот. Шляхам паглыбленага інтэрв'ю былі апытаны больш за 50 інфармантаў-малдаван. У выніку праведзенага даследавання выяўлены адрозненні ў ступені захаванасці страў нацыянальнай кухні ў паўсядзённым жыцці малдаван, якія перасяліліся ў Беларусь у савецкі і постсавецкі перыяды. Робіцца выснова аб тым, што нацыянальная кухня ў прадстаўнікоў малдаўскай дыяспары з'яўляецца найбольш устойлівым і значным элементам народнай культуры. Адзначаецца, што ўплыў беларускай нацыянальнай кухні адчуваецца ў малдаван, якія перасяліліся ў Беларусь у савецкі перыяд і жывуць тут больш за 30–40 гадоў. Абзначаны міжэтнічныя адрозненні ў сістэме харчавання малдаван і беларусаў, якія праяўляюцца ў прыярытэтным выкарыстанні тых ці іншых прадуктаў (мука, крупы, бульба і інш.).

Ключавыя словы: малдаване Беларусі; дыяспара; нацыянальная кухня; традыцыі; міжкультурнае ўзаемадзеянне.

NATIONAL CUISINE OF THE MOLDOVANS OF BELARUS AS A MARKER OF ETHNIC IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL INSIGHTS

E. N. KVILINKOVA^a

^a *Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kandrat Krapiva,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The reflection of ethnocultural identity and results of intercultural interaction among Moldovans in Belarus through national cuisine is explored. This ethnic community has until now remained completely unstudied in Belarusian ethnology. The article is based on author's materials collected in 2020–2023, which is introduced into scientific circulation for the first time. More than 50 Moldovan informants were interviewed through in-depth interviews. As a result of the study, differences in the degree of preservation of national cuisine in the everyday life of Moldovans who moved to Belarus during the Soviet and post-Soviet periods were revealed. It is concluded that national cuisine is the most stable and significant element of folk culture among representatives of the Moldovan diaspora. It is noted that the influence of Belarusian national cuisine is most evident among Moldovans of the first wave, who have lived in Belarus for more than 30–40 years. Interethnic differences in the nutritional system of Moldovans and Belarusians are identified, which are manifested in the priority use of certain products (flour, cereals, potatoes, etc.).

Keywords: Moldovans of Belarus; diaspora; national cuisine; traditions; intercultural interaction.

Введение

В полиэтническом регионе осознание этносом своей общности, самобытности и уникальности осуществляется через элементы традиционной культуры, в том числе через национальную кухню. Национальная кухня – это представления о пищевых традициях и предпочтениях определенного этноса, присущие носителям культуры и передающиеся из поколения в поколение. Характерные для этноса пищевые предпочтения формируются на основе свойственных ему традиционных видов хозяйственной деятельности, религиозных воззрений, природно-климатических

условий и др. «Совокупность представлений о пищевых предпочтениях народа, считающихся репрезентативными и одновременно специфическими для данного этноса, формирует понятие “национальная кухня”» [1, с. 124].

Актуальность изучения проблемы в таком ракурсе заключается в том, что национальная кухня является важной составляющей этнической идентичности, а также способом трансляции этногенетического кода. В данной области культуры отражаются как способы и интенсивность межэтнического

взаимодействия меньшинства с большинством, так и степень адаптации этнической общности, проживающей за пределами своей этнической родины, в местное социокультурное пространство.

Целью данной статьи является изучение сохранности этнокультурной идентичности и межкультурного взаимодействия молдаван Беларуси через национальную кухню.

Реализация данной цели осуществлялась автором путем решения следующих задач:

- определения сохранности у молдаван Беларуси блюд национальной кухни и их традиционных наименований;
- установления приуроченности приготовления национальных блюд к семейным и народно-религиозным праздникам;
- выявления механизма трансляции этнокультурной традиции через национальную кухню у молдаван, переселившихся в Беларусь в советский и постсоветский периоды;
- рассмотрения способа презентации молдавской этнической идентичности через национальную кухню на проводимых диаспорой этнокультурных мероприятиях;
- анализа восприятия молдаванами Беларуси блюд белорусской национальной кухни и включения их в свою систему питания;
- определения роли и значимости национальной кухни как способа трансляции молдавской этнокультурной идентичности в условиях диаспоры.

Самые первые данные о молдаванах Беларуси представлены в переписи населения БССР за 1926 г., согласно которой на территории республики проживали 63 молдаванина¹. Наибольшее количество представителей этой национальности зафиксировано в 1980-х гг. (4964 человека)², когда активизировался процесс межреспубликанской миграции. С начала 1990-х гг. официально численность молдаван в Беларуси стала постепенно уменьшаться из-за частич-

ной реэмиграции, а также естественной ассимиляции. Согласно переписи населения Республики Беларусь за 2019 г. в стране проживали 2407 молдаван³. Данная этническая группа находится на 11-м месте по численности среди национальных меньшинств Беларуси. Однако реальное количество живущих здесь молдаван вдвое больше, так как часть из них постоянно пребывают в Беларуси с видом на жительство (2095 человек)⁴. В общей сложности в настоящее время в Республике Беларусь проживают около 5000 молдаван⁵. Для молдаван, переехавших в Беларусь в советский (первая волна переселения) и постсоветский (вторая волна переселения) периоды, характерны некоторые особенности в вопросах восприятия языка как важного фактора этнической идентичности, значимости национальных блюд в повседневной жизни и др.

В силу сложившихся обстоятельств данная этническая группа до настоящего времени оставалась совершенно не изученной не только в белорусской, но и в молдавской этнологии, что свидетельствует об абсолютной новизне исследования. Оно основано на материалах автора, собранных в 2020–2023 гг. во время проведения исследования среди молдаван, проживающих в Минске и Минской области, а также в других областях и районных центрах Беларуси⁶. Путем углубленного интервью были опрошены более 50 информантов-молдаван и членов их семей.

Приведенные материалы отражают роль национальной кухни как одной из значимых составляющих этнической идентичности в условиях диаспоры. Обоснование происходящих в данной области культуры процессов, выявление степени сохранности у представителей диаспоры характерных для них системы питания и блюд национальной кухни, путей трансляции и нюансов межкультурного взаимодействия осуществляются автором посредством анализа их культуры повседневности на основе записанных углубленных интервью.

Основная часть

Национальная кухня является для молдаван устойчивым и значимым элементом народной культуры и этнокультурной идентичности. Как отмечают респонденты, часто или время от времени они готовят в семье такие блюда, как мамалыга, *плагинте*, или пла-

цинды (лепешка с начинкой), *сармале*, или *гэлушь* (голубцы из виноградных листьев), *токана* (поджарка из свинины с луком), *мититеи* и *кырнэцеи* (обжаренные колбаски из говяжьего и свиного мяса), *речитурь* (холодец из петуха), *козонаки* (хлебобулочное изделие),

¹Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=3 (дата обращения: 02.10.2023).

²Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (дата обращения: 02.10.2023).

³Итоги переписи населения республики Беларусь 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jrupn3rl7trtmxepj6vmh07qy6u5o09i.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).

⁴Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Национальный состав населения. Гражданство. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open/public/F508N_ru.saiku (дата обращения: 02.10.2023).

⁵Молдову и Беларусь объединяет память о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://hramvs.by/sobytiya/moldovu-i-belarus-obedinyayet-pamyat-o-velikoi-otechestvennoy-voine> (дата обращения: 20.05.2022).

⁶Полевые материалы автора Е. Н. Квилинковой по теме «Молдаване Беларуси». 2020–2023 // Арх. Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Нац. акад. наук Беларуси. Ф. 6. Оп. 14. Д. 389–410.

колцунашь (вареники с творогом, картошкой, брынзой), *зама* (суп с домашней лапшой), суп фасольный, перцы фаршированные, *гивеч* (овощное рагу), маринады, соленья, салаты, компоты и др.

Молдавская национальная кухня богата, разнообразна, вкусна и самобытна. В ней соблюдается баланс мясных, молочных, овощных и мучных блюд. Молдавские женщины всегда славятся как хорошие хозяйки, умеющие отлично готовить. Молдаванка может быстро накормить вкусным и калорийным блюдом – мамалыгой. К ней обычно подают свиную поджарку (*токана*) или рыбу, жаренную в кукурузной муке, чесночный соус (*муждей*) и овечий сыр (брынза). Все эти блюда хорошо сочетаются с молдавским вином.

Для молдаван мамалыга, брынза и вино – это больше чем просто вкусная еда, это невидимая, но крепкая связь с Родиной, ощущение полноты вкуса и жизни, которое передается через эти и другие молдавские национальные блюда, общение. Глубину этого чувства можно понять только с соотечественником, который испытывает те же эмоции.

Когда мы с Екатериной встречаемся, то всегда готовим мамалыгу с брынзой, жарим мясо или рыбу

А теперь я живу в Беларуси,
Белорусские песни спяваю,
А Молдову – повднёвый мой край
Я люблю, кожный день вспоминаю.
И не ведаю сам, какой нации я:
Может быть, белорус?
Может быть, россиянин?
Только вась мамалыгу вином запиваю,
Видно, все ж я покуль молдаванин.

Мамалыгой, брынзой и вином молдаване угощают гостей во время проводимых диаспорой мероприятий. Знакомство с национальной кухней позволяет лучше понять культуру народа и его традиции. Через национальную кухню ярче демонстрируются этнокультурные особенности страны, ее туристическая привлекательность. На фестивале молдавского вина, который проходил в Минске в Верхнем городе 3 года подряд (до начала пандемии), устраивались бесплатные дегустации вина, но при этом мамалыга привлекла внимание многих жителей столицы больше, чем вино. Посол Молдовы в Беларуси В. В. Сорочан, который являлся инициатором проведения данного праздника и его организатором, вспомнил интересный момент, связанный с мамалыгой.

По сценарию было задумано, что тут на площади же возле молдавского подворья варим мамалыгу. Василий Михайлович Семенюк был командиром над мамалыгой. Он побоялся разводить там огонь. Тогда

*и отводим себе душу*⁷ (Л. Н. Турок, Дзержинский район Минской области).

В связи с этим нельзя не согласиться со сделанным российским ученым А. В. Павловской выводом о том, что «во многих семьях, полностью слившихся с окружающей их культурой, только кулинарные пристрастия нередко выдают страну их происхождения, вкус к еде сохраняется дольше и адаптируется труднее, чем другие культурные составляющие» [2, с. 10].

Символом молдавской национальной кухни являются мамалыга, брынза и вино. Именно о них нередко идет речь в песнях и стихах о Молдове⁸.

При смешанности населения в Молдове и влиянии там русского языка вопрос о самоидентификации нередко бывает довольно сложным. Самодеятельный поэт молдавской диаспоры в Беларуси В. М. Семенюк, у которого молдавские, украинские корни (а у его сыновей еще и белорусские), сам задавался такими вопросами и долго думал об этом. В результате у него родилось стихотворение «Кто я есть?», из содержания которого следует, что национальная еда является одним из мощных факторов в вопросе самоидентификации. И здесь упоминаются те же символы – мамалыга и вино:

я сказал: «Я тут стою, Вы разводите огонь. Я беру все на себя». На плитку постелили кусок металла, чтобы она не попортилась. Зажгли костер. Пошел дым. Впервые я увидел, что за мамалыгой очередь стояла больше, чем за вином, потому что у всех палаток (а тогда приехало в Минск 15 винзаводов из Молдовы со своей продукцией) были огромные очереди, но за мамалыгой очередь была гораздо больше. Мамалыгу красиво подавали с муждеем, с брынзой в стаканчике для дегустации. Давали по небольшому кусочку, так как иначе бы не хватило. Тогда шесть или восемь больших казанов мамалыги сварили. Но и потом люди еще приходили (В. В. Сорочан, г. Минск).

Отметим, что впервые мамалыга как молдавское национальное блюдо, являющееся визитной карточкой страны, была представлена на I Республиканском фестивале национальных культур в Гродно в 1996 г. По словам председателя объединения «Община молдован»⁹ А. Н. Валько, во время шествия

⁷В приводимых цитатах сохраняются особенности устной речи респондентов. – Е. К.

⁸Якубовски М. Хоп хей. Нурук Молдова [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2022/02/15/518> (дата обращения: 10.02.2023).

⁹Название организации приведено в соответствии с документами о ее регистрации. В словарях зафиксирована лексема «молдаване».

a/a



b/b



Приготовление молдавских национальных блюд на празднике, посвященном 30-летию независимости Молдовы (Минск, 2021):

a – мамалыги; б – плацинд.

Источни к: архив автора

Cooking of Moldavan national dishes at the celebration of the 30th anniversary of independence of Moldova (Minsk, 2021):

a – mamalyga; b – placinda.

Source: author's archive

в общей праздничной колонне молдавская община несла на носилках большую мамалыгу, которую потом раздавали всем гостям фестиваля.

Визитной карточкой молдавской кухни являются мамалыга (см. рисунок, фрагмент а), плацинды (см. рисунок, фрагмент б) и голубцы из виноградных листьев (*сармале*). Молдаване Беларуси не только перечисляют множество молдавских блюд, которые постоянно или время от времени готовят дома, но и акцентируют внимание на особенностях их приготовления. И как бы ни различались способы их приготовления, характерные для той или иной области Молдовы, но, как подчеркивают респонденты, у всех них будет тот же молдавский вкус.

Бутылка молдавского вина и плацинды – это ужин молдавского человека. <...> В разных частях Молдавии их готовят по-разному. Четыре молдаванки приготовят четыре разные плацинды, но у всех у них будет тот же молдавский вкус (М. С. Крентик, г. Минск).

Молдаване отличают свои голубцы от аналогичного блюда, популярного в традиции других кавказских народов, подчеркивая особенности ингредиентов и приготовления.

Ну вот, на молдавские голубцы говорят, что это азербайджанская долма. Но это не так. У нас тоже делают голубцы с виноградными листьями, и в них добавляется не рис, а булгур. Мы часто встречаемся на этнокультурных мероприятиях с представителями других общин. И когда мы угощали азербайджанцев, они сказали: «Это наша долма». Нет, у вас рис, а у нас булгур (М. С. Крентик, г. Минск).

По уточнению респондентов, региональной особенностью приготовления данного блюда, характерного для севера Молдовы, является использование кукурузной муки.

Молдавские голубцы отличаются от белорусских тем, что туда еще добавляется кукурузная мука, и они маленького размера, не такие большие, как белорусские. Они делаются не только из капусты, но и из виноградного листа, из пищевой лебеды, из щавеля (В. М. Семенюк, Дзержинский район Минской области).

Совместные трапезы, где важны как общение, так и сама еда, усиливают у представителей сообщества или членов семьи этническую идентичность. «Еда – способ поддержания и распространения Традиции с большой буквы, не только национальной, но и семейной. В эпоху непрочности семейных связей и разобщенности поколений бабушкины рецепты и воспоминания детства о семейных застольях и праздниках становятся проводниками семейной традиции и культуры в обществе. А в эпоху повсеместной мобильности и массовых миграций национальная еда нередко остается единственной связующей нитью с исторической родиной и не дает почувствовать себя безродным и лишенным корней» [2, с. 11].

Степень сохранности молдаванами Беларуси национальных блюд зависит от ряда факторов: этнического состава семьи, носителя молдавской традиции (жена или муж), места жительства семьи (деревня или город).

В молдавско-белорусских семьях (которых в Беларуси много), где хозяйка – молдаванка, как правило,

не только готовят различные молдавские блюда, но и сохраняют определенную преемственность в национальной кухне: детям передаются рецепты любимых и привычных блюд. В некоторых семьях молдавские блюда готовят время от времени, что зависит от желания хозяйки или вкусовых предпочтений членов семьи.

Я постоянно готовлю молдавские блюда: мамалыгу, плацинды, сармале с виноградным листом и много чего другого, например туртя (наподобие чебуреков, но с брынзой внутри). Дети время от времени спрашивают, как я готовила то или другое блюдо. Иногда приносят мне нужные продукты и просят, чтобы я приготовила плачинте или голубцы с виноградными листиками (тут голубцы делают с фаршем, а я делаю с рубленным мясом) (Л. Н. Турок, Дзержинский район Минской области).

Из молдавских блюд готовлю сармале (с виноградными, липовыми и кленовыми листьями, я сама их собираю). Мои дети очень любят молдавские плачинте. Еще я готовлю кабачки, баклажаны, соленья, перец болгарский (я его обжариваю и закатываю), обязательно готовлю мамалыгу с брынзой, со сметаной и свиной поджаркой или рыбу жарю. И фасоль делаю. Моя мама готовила «холодец из фасоли». <...> Так она делала в пост. Мы такую фасоль ели с моченым арбузом. Было интересно (Е. И. Хмелевская, Дзержинский район Минской области).

Из молдавских блюд я готовлю дома плацинды, голубцы, мамалыгу, мититеи (колбаски из говядины), всякие козонаки (это рулеты, но я их делаю по-молдавски <...>). Я готовлю и белорусские блюда... (М. С. Крентик, г. Минск).

В большинстве смешанных семей, где хозяйка – белоруска или представительница другой национальности, молдавские блюда в повседневной жизни практически отсутствуют. В семье бытует привычная белорусам система питания или готовятся универсальные блюда.

У нас в семье кухня была универсальной. Мама как-то пыталась делать и плацинды. Она хорошо делала и томатный молдавский борщ, как моя покойная бабушка из Молдовы делала. Мама где-то как-то старалась, но папа ее особо не заставлял (В. В. Харковец, г. Минск).

В нашей семье больше белорусских блюд. У нас [в Беларуси] более мясная кухня, а там [в Молдове] больше выпечки и овощей. В Молдавии пицца более разнообразная. Но из мяса пицца готовится быстрее и лучше, так как мужчине нужно есть мясо. Там, когда дети росли, у нас в семье за год уходило 4 мешка муки. Раньше мы ее покупали мешками. А сейчас больше нужно мяса (Н. С. Семенюк, Дзержинский район Минской области).

В моей семье все воспитаны на белорусской еде, но им нравится и молдавская еда: зама, плацинды, мамалыга, рыба, жаренная на кукурузной муке. Свежую рыбу я всегда жарю на кукурузной муке. Слава богу, она

сейчас есть в магазине (Н. В. Борисик, Ивацевичский район Брестской области).

Конечно, я скучаю по молдавской еде. Жена там училась ее готовить. В основном она готовит по молдавским рецептам. Я часто прошу ее приготовить мамалыгу, но она ленится. Но вот когда к нам приезжает моя двоюродная сестра, то она любит это дело. Она готовит мамалыгу с муждеем и жареной рыбой (С. Н. Брынковяну, г. Гомель).

У многих молдавских мужчин на протяжении всей жизни сохраняется потребность в употреблении блюд своей национальной кухни, но не всегда получается ее удовлетворить. При желании они иногда сами готовят для себя какие-либо несложные молдавские блюда, прежде всего мамалыгу.

Я не привередливый. Придерживаемся даже не белорусской кухни. Молдавские блюда в семье не готовятся. Когда я остался один дома, то иногда делаю для себя мамалыгу (Д. Г. Лику, г. Минск).

Постоянно готовлю мамалыгу. Я ее сам готовлю, и она всем нравится (В. П. Морару, г. Минск).

Из молдавских блюд я лично делаю мамалыгу с брынзой и поджаркой, делаю молдавский борщ (В. М. Осипов, г. Минск).

Блюда, которые готовят в нашей семье: личийка, плачинте, гэлущь, перцы, салаты. Кое-что я сам готовлю (В. С. Мунтяну, г. Минск).

В повседневном рационе живущих в городе молдавских семей, где и муж, и жена – молдаване или уроженцы Молдовы, очень много молдавских блюд.

Мы готовим плацинды, пилаф, бабэ нягрэ, бабэ албэ, голубцы, кэрнэцеи, молдавский борщ с фасолью, заму, мамалыгу... (Н. В. Мунтяну, г. Минск).

В семье у нас мамалыга, я ее сам варю и чаще, чем рисовую кашу, потому что она вкусная. Мы едим ее с творогом, сметаной и маслом, с яичницей. Здесь брынзы настоящей нет. Голубцы – это для нас традиционно. У нас есть дачный участок, и там растет виноград. Так вот, мы эти листья используем для голубцев. <...> Еще мы делаем плацинды с творогом, картошкой... Я этому и свою жену научил, она и плацинды, и мамалыгу умеет готовить (П. А. Капмоле, г. Минск).

У нас в семье все молдавское с узбекским названием: голубцы с виноградными листьями, коцунашь (вареники с творогом, картошкой, брынзой), манты узбекские по-молдавски, украинский красный борщ (он и в Молдавии ценился), суп фасольевый, мамалыга со шкварками и брынзой (внук уплетал). Я жене помогаю готовить (М. С. Прока, г. Минск).

Некоторые молдаванки, давно переехавшие в Беларусь, время от времени готовят молдавскую еду, но приоритет отдают белорусским блюдам, в частности из картофеля и мяса. Картофель используют выращенный самостоятельно или покупной. Готовить такие блюда несложно, а получаются они сытными.

Готовлю молдавские блюда, делаю голубцы (из капусты) и плацинды, а так больше готовлю белорусскую

еду: здесь картошка дешевая, часто готовлю драники, блюда из картошки. Мамалыгу в общине делают на Мэрцишор, и в Гродно [на фестиваль. – Е. К.] ее готовят (З. З. Сальникова, г. Минск).

Поскольку белорусские блюда готовятся быстро, то и в мононациональных семьях они довольно часто присутствуют в рационе. В данном вопросе имеет значение место жительства семьи. В деревнях, где есть подсобное хозяйство, молдаванки чаще готовят молдавские блюда, тем более что для приготовления некоторых из них необходимы домашние продукты. Семья молдаван, организовавшая агроусадьбу в д. Михайлов (Славгородский район Могилёвской области), предлагает своим гостям белорусские, украинские и молдавские блюда.

Из молдавских блюд мы готовим много чего: голубцы с виноградными листьями, жареный перец с помидорами, все овощные салаты – гивеч, мамалыгу с брынзой, рыбу с муждеем, скроб (вид яичного омлета. – Е. К.) и др. Брынзу мы делаем сами (это обыкновенный домашний сыр) и добавляем туда немного соли. Мы делаем коровью брынзу, так как тут овец нет. В деревне есть люди, которые держат коров, и мы у них покупаем домашнее молоко (Л. Г. Чеботарь, Славгородский район Могилёвской области).

Сохранность молдавских блюд в смешанных семьях во многом зависит от установки на ее поддержание носителем традиции, а также от вкусовых пристрастий членов семьи. Младшее поколение, как правило, отдает предпочтение плациндам, а не мамалыге.

У меня и дочь, и невестка делают плацинды, холодец из петуха, голубцы из виноградных листьев. Мы листья собираем и замораживаем, а потом с ними готовим. У белорусов холодец делают из говядины и курицы. А мы на праздник покупаем на рынке домашнего петуха и делаем холодец из петуха (Н. В. Борисик, Ивацевичский район Брестской области).

Делаю голубцы, бабушкины борщи (добавляю туда фасоль). Меня бабушка учила готовить, когда я туда приезжала. Все, чему она меня научила, я это и делаю. Она научила меня и хлеб печь. <...> Я и сейчас постоянно сама пеку хлеб. <...> Когда мои дети были маленькими, я очень часто мамалыгу делала. А сейчас внукам готовила, и они плюются, не хотят ее кушать. Поэтому мамалыгу готовлю редко. Примерно пять лет уже не делаю. Плацинды раньше готовила, а теперь нет. Они у меня не получаются (Т. М. Мицура, Петриковский район Гомельской области).

Традиции смешанных семей в немалой степени зависят от того, где пара начинала жить: в Молдове или в Беларуси. Супруга одного респондента уточнила, что она прожила в Молдове 10 лет, изучила молдавскую кухню и очень полюбила ее.

Она разнообразнее белорусской, много овощей и выпечки. Там между хозяйками было негласное соревнование. И молодая белоруска давала им мастер-класс. Вначале я там всех удивила драниками – тер-

тым картофелем, фаршированным мясом. Для них это было в новинку, но им понравилось. Когда к нам приходили гости, то наряду с молдавскими блюдами я готовила и что-то белорусское. Здесь дома мамалыгу мы готовим часто. Молдаванам больше ничего не надо. И моим белорусам мамалыга нравится. Обычно ее готовлю я. <...> У нас во времянке есть печь. В ней мы готовим голубцы молдавские, черную бабку – макароны с молоком и черносливом (получается такая коричневая на вид и сладенькая), картошку по-молдавски (с большими ломтями мяса), холодец из петуха – речитурь (это блюдо молдаванки готовят в печи, получается вкусно и наваристо). В духовке готовим плацинды с разной начинкой. Для белорусов некоторая начинка будет непривычной, например с брынзой (овечьим или коровьим сыром). У молдаван вся еда заточена под вино, так как это все закуска (Н. С. Семенюк, Дзержинский район Минской области).

Замечание респондента о том, что брынза для белорусов непривычна в качестве начинки, можно объяснить тем, что многое в данной ситуации зависит от региона. Так, по сведениям белорусского этнолога, профессора Т. А. Новгородского, когда в пост запрещалось употребление молочных продуктов, население центрального и восточного Полесья готовило брынзу. Ее засаливали, клали в бочку, заливали сливочным маслом и хранили в холоде. Ели такой сыр как холодным, так и подогретым [3, с. 151].

Значение национальной кухни молдаван, переселившихся в Беларусь в постсоветский период. У молдаван, переселившихся в постсоветский период, довольно широкий круг знакомых из представителей местного населения. Традиции гостеприимства сохраняются ими и в стране проживания: молдаване учитывают пищевые предпочтения гостей. Для соотечественников готовят наиболее специфические национальные блюда, для белорусов – лишь некоторые из них.

У нас есть молдавские блюда, которые мы готовим, когда собираемся со своими. Наше любимое всеми блюдо – мамалыга. Мы ее часто готовим, особенно когда встречаемся. Варим заму. Мы часто встречаемся после каких-то праздников. Молдаване на второй день свадьбы готовят заму, ее кушают с большим удовольствием. Так как наши гости – это земляки, то это блюдо все понимают. <...> Обязательно готовим наши голубцы: молдавские голубцы маленькие, из виноградных листьев, а белорусы готовят голубцы с ладошкой. Обязательно готовим плацинды молдавские, не так часто, но готовим (А. В. Козарь, г. Минск).

Для приготовления замы необходимы домашняя курица и специальная заправка (борц акру, или кислый квас), которую молдаванки раньше привозили со своей родины. В последнее время в связи со сложностью организации поездок некоторые из них начали изготавливать ее самостоятельно по бабушкиным рецептам.

Из молдавских блюд готовлю... заму. У меня даже есть заправка для кислого борща. Когда моя закончилась, мне из Молдавии привезли кислую закваску. Теперь буду делать свой кислый борщ (Н. В. Мунтяну, г. Минск).

Но главным и незаменимым блюдом, особенно при визите гостей-молдаван, является мамалыга.

Мы готовим мамалыгу, бабэ нягрэ (сладкий пирог), заму. У нас в каждой семье есть борщ акру (кислая закваска. – Е. К.), который добавляется в заму. Я вам скажу, что мы здесь поели больше мамалыги, чем живя в Молдове. Когда собираются молдаване, ну что нам картошку готовить?! Мы все-таки молдаване. Мой муж варит ее очень быстро. Получается так, что с переездом в Беларусь мы стали больше есть мамалыги (М. Г. Скачкова, г. Минск).

Помимо плацинд, мамалыги и гóлубцев, в качестве характерных блюд молдавской кухни респонденты, переселившиеся в постсоветский период, упомянули десерты с яркими молдавскими названиями: *бабэ нягрэ*, или черная бабка (пирог), «Шапка Гугуцэ» и др.

В традиции, распространенной на севере Молдовы, голубцы и *бабэ нягрэ* – важные блюда в свадебной обрядности, которые имеют всем понятную символику: после подачи этих блюд начинается одаривание молодых.

В Беларуси молдаванки, переехавшие в постсоветский период, готовят *бабэ нягрэ* на общие праздники в качестве десерта и сразу подают его на стол. А вот молдаванки, переехавшие в Беларусь в советский период, ответственные на мероприятиях за голубцы, заносят их ближе к концу застолья с музыкой и танцами, как принято в молдавской народной традиции. Получается очень эмоционально и зрелищно.

Важное место в молдавской кухне занимают маринады и соленья, которые делают из различных овощей (помидоры, огурцы, морковь, перец и др.), фруктов (яблоки) и ягод (арбузы). Молдаване привыкли к соленьям, и в Беларуси им не хватает этих блюд.

Когда мама приезжала в гости, моя жена просила привезти гогошары, они ей очень нравятся. Моя мама научила мою тещу и жену готовить плацинды. Они, правда, делают их по-современному, из лаваша. Из белорусских блюд готовят драники и холодец. Я люблю соленья, и моя теща об этом знает. Я покупаю огурцы, и теща засаливает их для меня. Моя мама всегда готовила соленья, и я к ним привык. Она даже засаливала арбузы. Я это раньше особо не любил, но когда этого нет, то вспоминаешь и хочется это кушать. Мне здесь не хватает фруктов. Мои родители всегда готовили компоты из персиков и винограда... (В. Н. Иррезанов, г. Минск).

В молдавской национальной кухне много блюд из перца. Молдаванам, переехавшим в Беларусь в советский период, очень не хватало не только фрук-

тов, но и овощей, к которым они привыкли у себя на родине.

Адаптироваться было несложно. <...> Но мне тут так хотелось овощей: болгарского перца, баклажанов и других. Самое интересное, я ходила на базар, на Комаровку (центральный рынок в Минске. – Е. К.), и нашла там одну точку, где все это продавалось. Там покупала только я и цыгане. Белорусы тогда еще не ели перец и баклажаны, теперь они все это едят, всякие салаты делают (Е. И. Хмелевская, Дзержинский район Минской области).

У белорусов перец не пользуется особой популярностью. Можно предположить, что молдаване внесли свою лепту в приобщение белорусов к данному овощу.

Я по маминому рецепту мариную здесь перец болгарский с медом. Люди [местное население] как-то не понимали ничего в этом, да и я не настаивала. Я приехала сюда, когда мне было 22 года. И вначале мне было непросто. Общежитие было рядом с овощным магазином. Я пошла туда и купила перца 5–6 кг. Они тогда продавались в сетках. Те женщины, что встречались мне на пути, спрашивали: «А что Вы с ними будете делать?» А теперь спустя столько лет они понимают, что с ними нужно делать. Мы их маринуем (Р. Н. Новикова, г. Минск).

Молдавская кухня для второго поколения молдаван Беларуси. Что касается второго поколения молдаван, выросших в смешанных семьях и переехавших в Беларусь в раннем детстве, то многим из них нравятся блюда молдавской кухни, некоторые даже отдают им предпочтение, но сами редко готовят эти блюда.

В семье я готовлю мамалыгу и все, что к ней идет: брынзу, муждей. Иногда готовлю заму с домашней лапшой. Первое время муж (белорус. – Е. К.) не принимал этого блюда. <...> Для заму нужна домашняя курица. Моя мама живет в деревне, и у нее свое хозяйство. Плачинте готовит мама. Я это не умею делать. Мне кажется, что это трудно (К. А. Новик, г. Кобрин Брестской области).

Мне больше нравится молдавская кухня, она будет побогаче белорусской и повкуснее. Моя жена белоруска, и для нее приготовление молдавских блюд неактуально. Мы их кушаем в гостях у родителей (М. В. Семенюк, Дзержинский район Минской области).

Если брать белорусскую или молдавскую кухню, то мне ближе молдавская еда: она с приправами, специями, с ярким вкусом. Белорусскую кухню я не считаю богатой. Она вся одинаково млявая. Она вкусная, но не острая. Вот как молдавская народная одежда яркая, так и молдавская кухня такая же насыщенная и колоритная. Из молдавских блюд мне нравится мамалыга, плачинте, вареники (не знаю, насколько они молдавские), мочульники с маком. <...> Это блюдо я с детства ел в Молдавии (Д. В. Семенюк, г. Минск).

Восприятие белорусами молдавской кухни и включенность белорусских блюд в повседневную систему питания молдаван. Белорусам отдельные молдавские блюда нравятся (например, плаинды), некоторые для них являются непривычными. Белоруски, которые вышли замуж за молдаван, обычно угощают своих белорусских родственников плаиндами. Иногда те даже пробуют перенять способ их приготовления. Что касается молдавских блюд (*мамалыга*, *зама*) и продуктов (*брынза*), то они обязательно вызывают интерес, даже если они не всегда воспринимаются белорусами. Более всего непривычным и очень специфичным для белорусов представляется молдавский суп *зама*.

Мы как-то угощали и белорусов нашими национальными блюдами. Кому-то что-то нравится, а кому-то не очень. Все-таки к блюду нужно привыкнуть с детства, чтобы его полюбить. А когда люди всю жизнь кушали обычный суп, а тут им дают кислый на вкус суп, то они его оценивают не совсем правильно. Также и с мамалыгой. Они ее считают, что это кукурузная каша. Мы объясняем, что ее вообще так называть нельзя (А. В. Козарь, г. Минск).

Когда ко мне в гости приходят белорусы, то я преподношу им кое-что из молдавских блюд, но не могу сказать, что у них это вызывает какой-то особый восторг. На заму все говорят: «Ну, это обычный куриный суп, только что с домашней лапшой». Здесь у меня нет кислого кваса, который бабушка делала, и зама получается немного похожа на куриный суп. И потом, не все это понимают. Многие как-то иронично отнеслись к этому супу (Р. Н. Новикова, г. Минск).

Для гостей я обычно готовлю фаршированную курицу, рыбу жареную, запеченные присмаки, много блюд из теста, обязательно мамалыгу, холодец из петуха. На мамалыгу гости-белорусы говорят «каша». Они не привыкли к этому блюду (Л. Н. Турок, Дзержинский район Минской области).

После того как я приехала сюда [в Беларусь], хотела сделать свекрови сюрприз. На второй день Пасхи я сварила заму из свежей курицы. Свекор сел кушать эту заму и говорит громко, обращаясь к своей жене: «Настя, а Настя, а когда она успела прокиснуть? Она же ее только сняла с плиты». Я так на него посмотрела и сказала: «Да Вы что, у нас заму готовят на большие праздники, на второй день после Пасхи, похмеляются ею». А он говорит: «Так она же кислая» (Е. И. Хмелевская, Дзержинский район Минской области).

Иногда я готовлю заму с домашней лапшой. Первое время муж (белорус. – Е. К.) не понимал этого блюда. Когда я в первый раз ее приготовила, то ему показалось, что она испорчена, прокисла. Но постепенно и ему понравилось. Теперь он и сам просит ее приготовить (К. А. Новик, г. Кобрин Брестской области).

Некоторые респонденты не упоминали о том, что отдельные молдавские блюда не пришлись по вкусу их гостям-белорусам, очевидно, они старались

готовить блюда, которые нормально воспримутся гостями.

Мои плаинды здесь тоже очень понравились, тут такое не готовят (Н. С. Семенюк, Дзержинский район Минской области).

Обязательно гостям предлагаем молдавскую кухню: заму, поджарку, пироги... всякие рулеты, мамалыгу со сметаной и поджаркой. Раз едят, значит, нравится. Угощаем гостей собственным вином (Т. В. Козинец, Петриковский район Гомельской области).

В свою очередь, живущие в Беларуси более 45 лет молдаванки, переселившиеся в советский период и вышедшие замуж за белорусов, воспринимают белорусскую кухню как свою, и она им нравится.

Я готовлю в семье разные белорусские блюда: драники, бабку, кисели всякие. То, что все белорусы делают, то и я делаю (Л. Н. Турок, Дзержинский район Минской области).

Из белорусских блюд я варю холодец (как в Беларуси варят) и курицу заправляю. У нас холодец по-другому делают, особенно из курицы. Тут мясо отдирают, а у нас мясо кладут порционными кусочками, заливают – делают красиво, по-молдавски. Делаю я и картошку-топтуху. Я все готовлю (Т. В. Козинец, Петриковский район Гомельской области).

В связи с вопросом об особенностях национальной кухни и отношении местного населения к ней приведем обратный пример, демонстрирующий восприятие молдаванами белорусских блюд из картофеля, в том числе драников, являющихся одним из наиболее распространенных и любимых белорусами национальных блюд. Когда молдаванки приезжают в гости на родину, то готовят драники в качестве белорусского этноспецифического блюда.

Белорусские блюда мы любим и готовим драники, картофель фаршированный (посередине грибочки или фарш), любим грибочки и квашеную капусту, как в Беларуси. Когда я приехала в Беларусь, свекровь на стол положила квашеную капусту, а белорусы туда добавляют тмин и семена укропа. Я посмотрела и не поняла, спросила у мужа: «Это что-то мышиное?..» – «Нет, это приправа, называется тмином». Ну, я его попросила: «Когда придут мои родители, то вы хотя бы не ставьте картошку на стол». Белорусы ставят на стол просто картошку вареную и капусту квашеную. У нас в Молдавии если готовят картошку, то тушеную или еще как-то. Я восприняла эту белорусскую традицию как бедность, а у них без картошки стола не бывает: гора картошки, на картошку выкладывают котлеты, колбаски (у нас мититеи делают, а у них колбаса «пальцем пханая»), сало и др. Когда родители приехали в гости, им понравилась горячая картошка (Е. И. Хмелевская, Дзержинский район Минской области).

Я готовлю и белорусские блюда: драники, колдуны, бабку (из картошки). Я очень люблю белорусскую кухню. Как-то раз, когда я приехала в Молдавию, тогда еще дети были маленькими, и моя крестная спросила:

«Какое у вас в Беларуси самое любимое блюдо?» Я ответила: «Драники и колдуны». – «А из чего они?» – «Из картошки». – «Может, приготовишь?» – «Запросто». Там семья была большая, и все чистили и драли картошку. Мы столько драников наготовили! Ну и мне потом сказали: «Да, драники вкусные, но ты израсходовала столько картошки, сколько мы бы ели целых два месяца, а ты ее использовала за один раз» (М. С. Крентик, г. Минск).

На кулинарную культуру молдаван, переселившихся в Беларусь в постсоветский период, влияние белорусской кухни довольно незначительное. Обычно из белорусских блюд они упоминают только драники.

Мы делаем и драники. У нас обычно блюда чередуются. Если на скорую руку, то это мамалыга (М. Г. Скачкова, г. Минск).

В семьях молдаван, переселившихся в Беларусь с севера Молдовы, где они проживали по соседству с украинцами, ощущается влияние украинских традиций как в народной обрядности, так и в кухне. Наряду с блюдами молдавской кухни в повседневной жизни молдаван этого региона присутствуют и блюда, которые характерны для украинской кухни, – вареники, драники и др. Соответственно, для них это традиционные региональные блюда. Такие блюда есть и в белорусской кухне, однако респонденты не всегда рассматривают драники, например, как свойственное исключительно белорусам национальное блюдо.

Мы всегда любили драники, даже живя в Молдове. Мои мама и бабушка всегда делали драники. Я знала, что это блюдо белорусское, и мы с удовольствием их там готовили и ели. Из белорусской кухни в нашей семье это, наверное, все. Хочу сказать, что между белорусской и молдавской кухней нет каких-то сильных различий. Мы все выходцы из Советского Союза.

В каждой республике были какие-то свои национальные блюда, тем не менее мы все варим борщи и кушаем суп (А. В. Козарь, г. Минск).

Несмотря на то что и другой респондент отметила отсутствие в данной области ощутимых различий между молдаванами и белорусами, она акцентировала внимание на ряде моментов, характерных в целом для системы питания молдаван и белорусов.

Из молдавских блюд у нас в семье мамалыга, зама, токана, лечо (здесь это тоже делают, но по-другому), голубцы (стараясь готовить на праздники). Пытаюсь печь молдавские плацинды, но печь я не умею. Остальное у нас с белорусами не особо отличается. Белорусские блюда я здесь не заимствовала. А драники я и в Молдове готовила. Моя мама еще их делала. Единственная разница, что в Беларуси драники любят на мелкой терке и перемолотые, а мне нравится, как позже почитала в интернете, польский вариант драников – на крупную, как говорят белорусы, бурачную терку. И белорусы любят готовить их с мясом, а мне нравятся без мяса. Может, я не настолько глубоко знакома с белорусской кухней, но белорусские блюда – это чаще всего жирное, мясное, много картофеля, а мы все-таки больше любим крупы, каши, овощи, супы, бульоны куриные. А здесь больше готовят свекольный суп. Они его называют «борщ красный» или «щи». <...> У нас пищевые привычки остались все-таки больше молдавские (Т. О. Руснак, г. Минск).

Если говорить языком символов, то в качестве основных этнодифференцирующих признаков в области национальной кухни между молдаванами и белорусами выступают мамалыга и картофель, а также напитки – вино и самогон.

Я говорю так: «Вы, белорусы, сделаны из самогона и бульбы, а мы – из мамалыги и вина» (М. С. Прока, г. Минск).

Заключение

Национальная кухня является устойчивым и значимым этнокультурным маркером. На основе анализа данных проведенного нами этносоциологического опроса можно сделать вывод, что среди молдаван (особенно тех, кто переселился в Беларусь в постсоветский период) распространено приготовление различных национальных блюд не только в праздничные, но и в обычные дни. Эти блюда обязательно присутствуют в их гостевой культуре, что позволяет демонстрировать особенности и культуру своего народа. Высокая степень сохранности у молдаван Беларуси традиционных блюд национальной кухни дает основание рассматривать ее как наиболее устойчивый и значимый элемент народной культуры в условиях диаспоры. Данная область материальной культуры является одним из важных этнодифференцирующих признаков. Очевидно и то, что молдавская национальная кухня выступает в качестве этнокультурного маркера. Она объединяет не только

молдаван, но и представителей других проживающих в Молдове этносов [4–6].

Вместе с тем, как можно видеть, национальная кухня является тем элементом культуры, который относительно легко заимствуется. С его помощью человек адаптируется к традициям соседних народов и лучше интегрируется в окружающую социокультурную и природную среду. Традиционная система питания является важным источником при изучении процессов трансформации и адаптации этноса [3, с. 3]. В качестве одного из показателей адаптации в белорусском пространстве и интеграции в него можно рассматривать включение молдаванами белорусских блюд в свою систему питания. Влияние белорусской национальной кухни наиболее ярко проявляется у молдаван, живущих в Беларуси более 30–40 лет. В целом, за исключением ряда блюд, характерных для той или другой культуры, основная часть опрошенных не видят больших различий

в системах питания молдаван и белорусов, поскольку, по их словам, у народов постсоветского пространства в данной области много общего. Межкультурные различия в системе питания проявляются в приоритетном использовании тех или иных продуктов: у молдаван в рационе больше круп, мучных изделий и овощей (помидоры, перец, баклажаны), у белорусов – картофеля и мяса.

Библиографические ссылки

1. Андреева ЛА, Хопияйнен ОА, Филимонова НВ. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017;9(6, part 1):121–126. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126.
2. Павловская АВ. Нужна ли нам культура о еде? В: Доминин ЕГ, редактор. *Еда и культура*. Москва: МГУ имени Ломоносова; 2015. с. 7–42.
3. Наваградскі ТА. *Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст.* Мінск: БДУ; 2015. 244 с.
4. Квилінкова ЕН, Сакович ВА. *Белорусы в Молдове и Молдова в беларусах*. Минск: Беларуская навукa; 2021. 454 с.
5. Квилінкова ЕН. *Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен)*. Кишинев: Centrală; 2016. 732 с.
6. Квилінкова ЕН. *Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения*. Минск: Беларуская навукa; 2023. 383 с.

References

1. Andreeva LA, Hopyaynen OA, Filimonova NV. National cuisine as a constituent part of ethnic identity. *Historical and Social Educational Thought*. 2017;9(6, part 1):121–126. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126.
2. Pavlovskaya AV. [Do we need a culture about food?]. In: Dominin EG, editor. *Eda i kul'tura* [Food and culture]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2015. p. 7–42. Russian.
3. Navagrodski TA. *Jevaljucyja tradycyj harchavannja belarusaw u XIX–XX stst.* [Evaluating the traditional food of Belarus in the 19th–20th centuries]. Minsk: Belarusian State University; 2015. 244 p. Belarusian.
4. Kvilinkova EN, Sakovich VA. *Belorusy v Moldove i Moldova v belorusakh* [Belarusians in Moldova and Moldova in Belarusians]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 454 p. Russian.
5. Kvilinkova EN. *Gagauzy v etnokul'turnom prostranstve Moldovy (narodnaya kul'tura i etnicheskoe samosoznanie gagauzov skvoz' prizmu svyazi vremeni)* [Gagauz in the ethnocultural space of Moldova (folk culture and ethnic identity of the Gagauz through the prism of the connection of times)]. Chisinau: Centrală; 2016. 732 p. Russian.
6. Kvilinkova EN. *Gagauzy v Moldove i Belarusi: grani identichnosti i strategiya samosokhraneniya* [Gagauz people in Moldova and Belarus: facets of identity and strategy of self-preservation]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 383 p. Russian.

Получена 08.10.2023 / исправлена 26.12.2023 / принята 27.12.2023.
Received 08.10.2023 / revised 26.12.2023 / accepted 27.12.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АННОТАЦІЇ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 94(100)(075.8) + 930:004(075.8)

Приборович А. А. Информационные технологии в регионоведении [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-02 «Регионоведение» / А. А. Приборович, Е. Э. Попова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 103 с. : ил. Библиогр.: с. 97–98. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304622>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.11.2023, № 010415112023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Информационные технологии в регионоведении» предназначен для студентов специальности 6-05-0222-02 «Регионоведение». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Информационные технологии в регионоведении». ЭУМК способствует формированию системы знаний по теоретическим и прикладным основам создания и использования информационных технологий, овладению практическими навыками их использования в качестве инструмента для решения исследовательских и организационных задач.

Структура ЭУМК включает теоретический, практический, а также вспомогательный разделы, раздел контроля знаний.

УДК 94(470+477)(075.8)

Петаченко Г. А. История России и Украины [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0222-02 «Регионоведение», профилизация «Ближний Восток и Северная Африка» / Г. А. Петаченко, Ю. А. Блашков ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 217 с. : ил. Библиогр.: с. 216–217. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/307059>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.12.2023, № 012422122023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0222-02 «Регионоведение». Содержание ЭУМК предполагает изучение различных этапов истории России и Украины и выработку целостной системы знаний. Курс связан единой концепцией, принципами отбора и преподавания материала. В основу курса положено объективное изучение исторического процесса стран России и Украины.

УДК 94(470)(06)

Международный научный круглый стол к 25-летию кафедры истории России и 90-летию профессора И. В. Оржеховского [Электронный ресурс] : материалы круглого стола (Минск, 20 июня 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 201 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/307304>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.01.2024, № 000103012024.

В сборнике опубликованы статьи участников Международного научного круглого стола, посвященного 25-летию кафедры истории России Белорусского государственного университета и 90-летию со дня рождения известного россиеведа, профессора И. В. Оржиховского. В работах опытных и начинающих исследователей рассматриваются актуальные научные проблемы истории России с различных тематических и хронологических подходов.

Предназначается ученым, аспирантам, студентам магистратуры и бакалавриата, всем, кто заинтересован в постижении проблем россиеведения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Боровская О. Н.</i> Научные связи БССР и Польши в 1921–1939 гг.	5
<i>Слесарев А. В.</i> Политическая активность духовенства белорусских приходов Константинопольского патриархата в 1950–1991 гг.	17

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Молина-Торрес М. П.</i> Женские посвящения в эпиграфике римской Лузитании	25
<i>Кулишова О. В., Печатнова Л. Г.</i> Дельфийское пророчество и судьба спартанского царя Леонида ...	33
<i>Ерохина О. В., Кайряк А. А.</i> Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871)	42
<i>Космач П. Г.</i> К вопросу о научной актуальности изучения религиозного фактора в истории США	56

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Загидулин А. Н.</i> Национальная политика Польши в отношении белорусов (1918–1939) в польской историографии конца 1980-х – начала 2000-х гг.	63
------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Квилинкова Е. Н.</i> Национальная кухня молдаван Беларуси как маркер этнической идентичности в контексте межкультурного общения	74
Аннотации депонированных в БГУ работ	85

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Бароўская В. М.</i> Навуковыя сувязі БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг.	5
<i>Слесараў А. В.</i> Палітычная актыўнасць духавенства беларускіх парафій Канстанцінопальскага патрыярхата ў 1950–1991 гг.	17

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Моліна-Торэс М. П.</i> Жаночыя пасвячэнні ў эпіграфіцы рымскай Лузітаніі	25
<i>Кулішова А. В., Пячатнава Л. Г.</i> Дэльфійскае прароцтва і лёс спартанскага цара Леаніда	33
<i>Ярохіна В. В., Кайрак Г. А.</i> Пераўтварэнне этнічнай ідэнтычнасці немцаў Санкт-Пецярбургскай губерні ў грамадзянскую (1763–1871)	42
<i>Космач П. Г.</i> Да пытання аб навуковай актуальнасці вывучэння рэлігійнага фактару ў гісторыі ЗША ...	56

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Загідулін А. М.</i> Нацыянальная палітыка Польшчы ў адносінах да беларусаў (1918–1939 гг.) у польскай гістарыяграфіі канца 1980-х – пачатку 2000-х гг.	63
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

ЭТНАЛОГІЯ

<i>Квілінкова Е. М.</i> Нацыянальная кухня малдаван Беларусі як маркер этнічнай ідэнтычнасці ў кантэксце міжкультурных зносін	74
<i>Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац</i>	85

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Borovskaya O. N.</i> Scientific connections of the BSSR and Poland in 1921–1939	5
<i>Slesarau A. V.</i> Political activity of the clergy of the Belarusian parishes of the Constantinople Patriarchate in 1950–1991	17

WORLD HISTORY

<i>Molina-Torres M. P.</i> Women's devotions in the epigraphy of Roman Lusitania	25
<i>Kulishova O. V., Pechatnova L. G.</i> The Delphian prophecy and the fate of the Spartan king Leonidas	33
<i>Erokhina O. V., Kayryak A. A.</i> Transformation of the ethnic identity of the Germans of the Saint Petersburg province into a civil one (1763–1871)	42
<i>Kosmach P. G.</i> The reflections on scientific significance of researching the religious factor in history of the USA	56

HISTORIOGRAPHY

<i>Zahidulin A. M.</i> National policy of Poland towards Belarusians (1918–1939) in Polish historiography of the end of 1980s – early 2000s	63
---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	----

ETHNOLOGY

<i>Kvilinkova E. N.</i> National cuisine of the Moldovans of Belarus as a marker of ethnic identity in the context of intercultural insights	74
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	85

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2024**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректоры *М. Д. Баранова, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.01.2024.
Тираж 55 экз. Заказ 178.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreaders *M. D. Baranova, L. A. Merkul'*

Signed print 31.01.2024.
Edition 55 copies. Order number 178.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024